

АЛЕКСАНДР
ПРОЗОРОВ

Фэнтези-коллекция

КНЯЗЬ

Зеркало Велеса
Заклинатель
Золото мертвых

Фэнтези-коллекция (АСТ)

Александр Прозоров

**Князь: Зеркало Велеса.
Заклинатель. Золото
мертвых (сборник)**

«АСТ»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Прозоров А. Д.

Князь: Зеркало Велеса. Заклинатель. Золото мертвых (сборник) /
А. Д. Прозоров — «АСТ», 2016 — (Фэнтези-коллекция (АСТ))

ISBN 978-5-17-100959-5

Общий наркоз стал для Андрея Зверева воротами в иной мир. Придя в себя, он обнаруживает, что находится в боярском имении недалеко от Великих Лук и что здесь все считают его сыном боярина Павла Лисина. После недолгой растерянности он пытается применить свои знания человека двадцать первого века, дабы снискать славу и известность. Но вскоре Андрей узнает, что провалился в прошлое не по прихоти природы, а стараниями нелюдимого волхва Лютобора, живущего на ближнем болоте. Андрей требует от колдуна вернуть его обратно в будущее. Если бы он знал, к чему приведет это пожелание! Вместе с княжеским званием Андрей получает имение на Сакульском погосте, на берегу Ладожского озера. Увы, его имение оказывается на пути шведских войск, рвущихся к Валаамскому монастырю. Из Новгорода же вместо помощи приходит предложение участвовать в заговоре против Ивана Грозного: князь Владимир Старицкий принял переселенца с южного порубежья за литовского сторонника. Выбор непрост: то ли вернуться в свой уютный двадцать первый век, то ли сражаться насмерть против сотен врагов в одном из самых глухих уголков еще совсем маленькой Руси.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-100959-5

© Прозоров А. Д., 2016

© АСТ, 2016

Содержание

Зеркало Велеса	7
Пролог	7
Барчук	13
Отцовский подарок	27
Полтора сажен	45
Пятый крест	55
Копьем и саблей	69
Знахарь	80
Суриковская топь	99
Стрелок	122
Конец ознакомительного фрагмента.	125

Александр Дмитриевич Прозоров
Князь
Зеркало Велеса. Заклинатель.
Золото мертвых
Сборник

*Выпуск произведения без разрешения издательства считается
противоправным и преследуется по закону*

© Александр Прозоров, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Зеркало Велеса

Пролог

Поздней осенью семь тысяч пятьдесят третьего года от сотворения мира, незадолго до заката Куприянова дня¹ на левом берегу реки Большой Удрай, напротив Козютина мха, что раскинул свои топи верстах в тридцати на закат от Великих Лук, одинокая женщина натянула поводья чалого коня, останавливаясь возле самой воды. На вид путнице было немногим менее сорока, волосы закрывал темный пуховый платок, сквозь который местами проблескивали жемчужины, на плечах ее лежал суконный, изрядно повыцветший и вытертый кафтан, ноги прятались в мягкие сафьяновые сапоги, тоже порядком поношенные и растерявшие вышивку – на голенище осталось только множество мелких дырочек да несколько алых и зеленых нитей.

Впрочем, если путница желала выдать себя за нищую селянку, получалось у нее плохо. На сжимающих поводья пальцах поблескивали несколько перстней с яркими самоцветами, жемчужная понизь и золото сережек просвечивали через платок крупной вязки; в оторочке рукавов и обшлагов кафтана легко угадывался благородный бобровый мех – слишком дорогой для смердов, обходившихся даже для праздничных одеяний простеньким горностаем, а то и вовсе белкой и лисицей. Да и золота в таких количествах селянке или горожанке ни муж, ни отец не подарят. Ладно серьги, ладно пара перстеньков, ладно понизь – но не все же сразу!

Да и кони у женщины были ладные, тонконогие и рослые, мало похожие на неприворотливых низких, брюхатых лошадок, которых и в плуг, и в возки запрягают, а при нужде и под седло подводят. Судя по поджарому брюху, кормили скакунов не только сеном-соломой, но и зерна изрядно в ясли подсыпали. Тонкие ноги и рост означали изрядную примесь туркестанской крови. А может статься, коней и вовсе из Бухары на продажу привели – тогда за них немало золота пришлось отсыпать. Без золота таких красавцев разве на меч, в походе взять можно. Но смерды в походы ратные не часто ходят, подобная добыча на их долю выпадает редко. Вот боярин родовитый такой дуван и захватить, и при себе оставить мог, на золото не менять. Но тогда и в седло мог только сам он подняться – либо супружница его, боярыня.

Шедший в поводу конь остановился и опустил голову, ткнувшись хозяйке мордой в колени. Путница охнула – скорее от неожиданности, чем от боли, – торопливо дважды перекрестилась, кинула быстрый взгляд на спину заводного скакуна. Там, накрытый по плечи овчиной, лежал темноволосый парень лет четырнадцати. Глаза его были закрыты, а дышал он тяжело, мучимый хворью.

Женщина вздохнула, перевела взгляд на Козютин мох, раскинувшийся по ту сторону реки. Пальцы ее, выдавая беспокойство, нервно затеребили темную кожу поводьев.

День, несмотря на низкие серые облака, выдался теплый – но со стороны болота тянуло влажной прохладой, смешанной с запахом грибов и гнили. Да и чего еще от нее взять, от топи-то? Мертвое место. Разве что лягушкам да гадюкам в нем хорошо.

Через сочную, еще не пуганную первыми заморозками, прибрежную осоку к реке нырля узкая тропка, чтобы потом выбраться по ту сторону Удрая и, обогнув камышовую поляну, уйти куда-то под низкие корявые березы. Стало быть, кому-то было дело и до топи, коли тропу пробили. Хаживает кто-то.

¹ В переводе на современный язык 13 сентября 1544 года.

Путница и сама зачем-то пробиралась к берегу по этой тропе, но сейчас вдруг заколебалась, никак не решаясь двинуться дальше. То ли брода не знала, то ли воды боялась, то ли еще что беспокоило. Оно и понятно – место глухое. В омут ухнешься – подмоги не дозовешься.

Парень на заводном коне вдруг застонал, качнув головой из стороны в сторону. Женщина резко оглянулась, облизнула губы, после чего перекрестилась еще раз, вытащила на свет нательный крестик, с надеждой его поцеловала и пнула пятками брюхо коня, посылая его вперед.

Скакун недовольно фыркнул, однако с берега спустился и медленно двинулся по темной воде. Глубина выдалась всего ничего, до брюха река не достала – и меньше чем через минуту всадница оказалась на правом берегу. Следом, разбрызгивая холодные капли, на сушу выбрался и конь с хворым пареньком.

Женщина опять замешкалась, словно никак не решаясь на некий опасный подвиг, с надеждой оглянулась на покинутый берег, но потом уверенно тряхнула поводьями, заставляя скакунов перейти на шаг. Лошади побрели по узкой тропинке, пробитой в высокой осоке, под копытами плотноядно зачавкала черная торфяная вода.

Тропа вела женщину за собой, вилия меж берез и тонких, как прутья, сосенок с желтыми иглами, то и дело круто уходя вправо или влево, а иногда и вовсе по широкой дуге в обратную сторону. То ли следы запутывала, то ли топи неведомые огибала. Одно хорошо – комары над болотом почему-то не вились. А то за час и зажрать могли, высосать досуха.

Версты через три березы и сосенки остались позади, и перед путницей, за широким и ровным полем коричневого мха, заблестели многочисленные окна открытой воды. Тропинка вела вперед, но уже через несколько саженей ноги коней начали проваливаться, мох заколыхался, словно занавеска под резким порывом ветра, – и лошади, тревожно заржав, остановились, не поддаваясь ни на какие понукания.

Через несколько минут женщина сдалась, двинулась вдоль поля, у крайних березок, – и вскоре с удивлением обнаружила, что пересекает ту же тропу, по которой забралась в самую вязь. Наверное, это был намек на то, что следовало возвращаться обратно – но путница упрямо повернула вправо, в глубь болотных мхов. Верста, другая – и опять она оказалась перед бездонными окнами. В этот раз путница повернула в другую сторону – и через некоторое время вновь вышла к тропе.

Немного поколебавшись и глянув на предзакатное небо, упрямая гостья Козютина мха все же опять направилась к топям, заставляя коней все тем же мерным шагом месить тухло пахнущий торфяник и корни осоки.

В небе каркнул ворон. Он сделал над путницей стремительный круг, сложил крылья и упал на ветку совсем черной, с несколькими лишь белыми пятнами, березы, поднявшейся едва на высоту человеческого роста. Потоптался, склонил набок голову.

– К Лютобору я пробираюсь, – натянув поводья, сказала ему женщина. – Сказывали, с любой хворью он управиться способен. Сын у меня занедужил. Совсем плох... Спаси его, Лютобор, коли слышишь. Спаси, матью твоей заклиная!

Ворон опять каркнул, упал с ветки и, расправив крылья только над самой землей, метнулся поперек тропы, взмыл над плотной стеной ежевики, что поднималась слева в полусотне саженей, и умчался дальше, тяжело взмахивая крыльями. Женщина проводила его взглядом, подумала, а затем потянула повод, поворачивая вслед за птицей. Лошади, ощутив нетерпение всадницы, перешли на широкий шаг. Их ноги опять начали проваливаться глубоко в торф, зажурчала, разливаясь по сторонам, вода – но на этот раз скакуны беспокойства не выказали. Да и то уже сажен через тридцать земля стала тверже, болотная осока сменилась обычной травой.

Вблизи в стене ежевики неожиданно обнаружился просторный проход. Шел он не прямо сквозь кустарник, а наискось, так что с болота оставался не виден. За проходом начиналась

новая тропа, более широкая и уже не торфяная, а глинистая. Еще через полверсты всадница увидела впереди поросший дубами взгорок и, облегченно вздохнув, перешла на рысь.

Вскоре кони вынесли ее на утопанную глиняную площадку перед невысокой, в половину человеческого роста, пещерой, густо обросшей бузиной. По правую руку от площадки тянулись пять черных, уже пустых по осени грядок, за которыми виднелись еще пещера и два крупных, крытых дранкой лабаза. По левую – сразу за россыпью крупных валунов – начинался высокий густой малинник, уже растерявший свою листву.

Путница спешила, кинула поводья коней на ветки малины, покрутила головой, подергивая свисающие кончики платка. Никто к ней не выходил, никто не привечал, ни о чем не спрашивал. Тогда она сама двинулась к пещере, пригнулась, входя под закопченный свод.

Поперек пути, почти под самый потолок, оказались натянуты пологи. Два – сшитые из сыромятных пятнистых козых шкур. Третьим, самым дальним пологом служила мягкая кошма, сразу за которой открывалось обширное логово. Потолок его находился на уровне пещеры, а к полу, что темнел на глубине добрых пяти саженей, вела вдоль стены длинная пологая лестница. Здесь пахло едким дымом, сосновой смолой и чем-то чуть сладковатым, дрожжевым, как от кадушки со сдобным тестом.

Освещалось помещение не свечами или факелами, а продолговатым камнем с сажень длиной и локоть в толщину, вмурованным в стену на высоте в полтора роста. Свет был слаб – при взгляде на колдовской валун глаза не испытывали никакого неудобства, – но благодаря ему в пещере царил не полная мгла, а слабый полумрак, в котором различались и ступени лестницы, и длинный стол внизу, возле которого стояли две грубо сбитые скамьи. Чуть дальше тянулись многочисленные ниши с туесками, кувшинами, баклажками, торбами, кожаными мешочками. Обложенный валунами очаг с рогатками для вертела располагался между двумя высокими кучами хвороста и сухих осенних листьев, и в нем еще тлели бурными огоньками недогоревшие угли.

В конце лестницы гостью встретили два деревянных идола высотой по пояс, их рты были испачканы чем-то темным. Женщина охнула, испуганно перекрестилась – и в тот же миг груди листьев зашевелилась, из нее появилась голова с вытянутым лицом и редкими седыми волосами на макушке.

– Что же ты непокойна так, боярыня? – прошептали бесцветные губы. – Коли пришла к богам исконным, отчего пришлых демонов знаками своими привечаешь?

– Я... – Женщина попятилась, уперлась спиной в стену. – Я... я пришла за помощью, колдун... За исцелением...

– Вот вы каковы, неблагодарные смертные, – вздохнул хозяин пещеры. – Коли жертвы приносить – в святилища с золотыми куполами ступаете, а как занедужили – враз к кровным богам бежите? Отчего же так, боярыня? Пришлым богам бы и кланялись... Отвернись.

Гостья послушно отвернулась к стене, вскинула ко лбу руку, но спохватилась, опустила. Жалобно пролепетала в сухую глину:

– Я молилась, колдун. И жертвовала, и молилась истово, и постилась, и милостыню раздавала. Ничто не помогает...

– Колдун... – за самой спиной услышала она и испуганно развернулась.

Хозяин пещеры оказался стариком невысоким – едва доставал ей до подбородка, – безусым и безбородым, с белым морщинистым лицом. На плечах его лежал серый суконный балахон, подвязанный кожаным ремешком с двумя ножами и вышитым кисетом, над ремешком не очень сильно, но заметно выпирало брюшко.

– Колдун... Слов иных не знаешь, боярыня? Молвила бы «волхв» – ведомо тебе сие слово? Али на худой конец ведуном бы нарекла. Небось, мудрецами токмо пришлых жрецов чтишь?

– Прости... Лютобор, – нашлась гостья. – Мудрый Лютобор...

– И то складно, – похвалил колдун, вытянул руку и провел ладонью женщине от лба до низа живота. Та попыталась отпрянуть, но уперлась спиной в стену. – Рот открой, страдальца.

Гостья открыла было рот, но тут же спохватилась, захлопнула его, вскинула сжатые пальцы ко лбу – и опять в последний миг опомнилась и остановила руку.

– Есть хворь у тебя, есть, женушка, – кивнул старик. – Да не столь велика, чтобы по весям бездонным с нею шастать. Живо чрево твое, да больно лениво. Спит, не добудились добры молодцы.

– Сын, сын у меня наверху, мудрый Лютобор, – замахала руками на лестницу женщина. – Уж вторую седмицу, как немощен стал. Горяч, беспамятен. Потом исходит, нешто в парилку попал. Не ест ничего, насилиу водицей поить удастся. Спаси мне сына, мудрый Лютобор. Спаси – чем хочешь, отплачу! Все, что пожелаешь, все исполню!

– Что пожелаю? – прищурился на нее колдун. – Коли так, то желаю бор за Удраем в свое владение, дабы лесорубы да бабы-ягодницы не досаждали, да еще гору, что Сешковской ныне кличут. От вашей усадьбы аккурат с полверсты до нее будет. Ту, на которой под полнолуние смех да песни слышны.

– Как же я тебе отдам сие, Лютобор? – отпрянула женщина. – То же не мое, то князя Друцкого земли будут!

– Отчего же обещаешь, чего дать не можешь, глупая баба? – отчитал боярыню старик. – Помысли поперва, а уж потом словами кидайся клятвенными.

– Серебра, золота отсыплю, сколь спросишь. Что есть, все отдам. Исцели сына, мудрый Лютобор! Исцели, матью твоей заклинаю!

– На что мне серебро твое, боярыня? – хмыкнул колдун. – В очаге его не разожжешь, на плечи не накинешь, в горшке не сваришь. Что проку мне с такой награды?

– Сын... наверху... – Гостья уже не знала, что и пообещать, в ее голосе зазвучали слезы. – Исцели сына, Лютобор. Милости у тебя прошу. На тебя все указывают. Сказывают, ты все можешь. В тебе сила великая есть. Коли пожелаешь, так и мертвого оживишь. А уж немощного к свету вернуть тебе – что на воду дунуть. Спаси его, Лютобор. Спаси кровинушку мою, радость единственную. Спаси...

Старик поджал губы, отчего те совсем побелели и стали светлее кожи, развернулся, отошел к куче хвороста, выбрал пару сучьев, провел ими над очагом. Сухое дерево тут же затрещало огнем. Одну из деревяшек колдун кинул на угли, с другой двинулся к лестнице:

– Ладно, боярыня, неча тут сырость разводить. Показывай отрока своего. Може, и придумаю чего. Мертвого не оживлю, а на живого, коли роду не чужого, крови нашей, найдем снадобье верное. Внука Сварожьего Маре не отдам, не для того ныне небо копчу...

Возле малинника гостья выпутала из кустарника поводья своего скакуна, отвела его в сторону, вернулась назад и принялась распускать ремни, что удерживали недужного паренька на широкой спине заводной лошади.

– Оставь... – Колдун положил ей руку на плечо, отодвинул просительницу в сторону, повернул голову хворого мальчишки к себе, открыл ему рот, посветил туда факелом, потом приподнял больному веко, недовольно цокнул языком: – Что же не шла так долго, боярыня?

– Молилась я, мудрый Лютобор. И сама, и молебны за здравие заказывала...

– Молитвы хороши, – буркнул себе под нос колдун, – да к ним иной раз и отвар целебный не помешает.

Старик ловким движением снял с факела язычок огня, повел его над телом больного. Над животом паренька огонь потух, превратился в округлый сизый дымок, устремившийся ввысь. Колдун повторил ритуал еще раз – и с тем же результатом. Мудрый Лютобор тихо зарычал, с силой провел ладонью по лицу, повернулся к женщине:

– Прости, сестра, нет во мне силы, чтобы сына твоего вернуть. Он ушел. Ныне уж поздно. Прости.

– Нет... – Гостья подступила ближе, схватила его за плечи, с неожиданной горячностью затрясла: – Нет, нет, колдун! Нет, не говори этого! Верни мне его, колдун. Отдай! Отдай Андрейку моего, отдай! Ты ведь можешь, колдун! Я знаю, можешь!

– Поздно, сестра, – с удивительным спокойствием снес ее выходку хозяин пещеры. – Ушел он от нас, женщина. Ушел. Плоть наша земная – лишь сосуд души. Нет души – ни к чему и вместилище. Вот и угасает плоть его смертная. Нет в ней надобности. Никто уста не отверзает, никто членами не шевелит, никто чресла не тревожит. Нет души, нет человека. Ушел твой сын, бедная моя. Украла, видать, его Божиня Ледяная. Ушел, нет его боле с нами. А ныне и плоть в небытие отправляется.

– Нет! Нет, не надо, колдун! Не оставляй, не отказывай мне, колдун, мудрый Лютобор, не гони... – Голос матери прервался, она упала перед стариком на колени, лоя его свободную от факела руку. – Пощади меня, колдун! Чрево мое иссохло, не тяжелеет оно от ласк мужниных. Сколько лет дитяню вымаливали, да токмо одного родить и смогла. Нет иного у нас ребеночка, кроме Андрея! Спаси его, мудрый Лютобор! Верни его! Что мужу скажу, когда со службы государевой вернется, как оправдаюсь, что кровинушку нашу единственную не уберегла?! Что со мной, что с ним, что с нами будет, колдун? Кто глаза нам в старости закроет, кому добро наше оставим, кто род наш древний продолжит? Верни, верни мне его, колдун. Мою душу, мою жизнь забери, но мальчика мого возверни! Нет детей – зачем жить, колдун? Верни его мне, мудрый Лютобор, не то и я рядом с ним тут останусь, руки на себя наложу...

– Нет детей, нет детей... – страхнул с себя ее руки хозяин пещеры, отступил на шаг. – А на пашне поднятой зачинать пробовали? Хлебами опоясывались? Зарю на Иванов день встречали? Заветов не чтите предков ваших, а опосля на чрево плачетесь? Откуда чреву взяться, кроме как не от бабок ваших перейти?

Женщина, потеряв опору, ткнулась лбом в глину, плечи ее продолжали вздрагивать. До колдуна доносились только обрывки ее мольбы: «верни...», «кровинушка...», «единственный...», «прервется...»

– Ну, род, скажем, может, и не прервется... – Старик пожевал губами, повернулся к пареньку, снова снял с факела огонек, посадил его хворому на грудь. Огонек горел ровно, уверенно – пока колдун не смахнул его на землю. – Род, положим, я тебе сохранить помогу... Могу помочь. Семя – оно ведь не в душе, а в плоти земной растет. Плоть от плоти, кровь от крови... Плоть, душа. Душа ушла, юдоль пуста... Нет души, нет жизни...

Женщина затихла, прислушиваясь к непонятному бормотанию.

– Слушай меня, несчастная, – наконец заговорил с ней колдун. – Плоть без души мертва. Хотим сохранить плоть и семя рода вашего – надобно душу ребенку твоему сыскать.

– Где же я возьму ее, мудрый Лютобор? – не вставая с коленей, прошептала гостья.

– Тебе и не найти, несчастная, – покачал головой старик. – Душа не чужая надобна, а родная. Чтобы под теми же звездами появилась, тем же путем росла, теми же глазами смотрела. Пусть не та, но чтобы плоть ее не отвергла. Чтобы и года те же имела, и родичей, и крови не чужой, и ростом не отличалась, и жилами, и костями. И отцом с матерью. И боль чтобы ту же испытала, в тот же час и день от зачатия своего, и заметалась между долинами черными и зелеными. Чтобы жаром реки Смородины согрелась, что под Калиновым мостом. Тогда плоть его признает, примет. Будет тогда тебе мальчишка, плоть от плоти из рода вашего, и семя у него будет ваше, не свое. Понимаешь ли ты меня, несчастная?

– Ты вернешь мне Андрюшу? – с надеждой спросила боярыня.

Колдун разочарованно вздохнул.

– Шесть вихрей, шесть огней, шесть слов заветных пошлю. Коли найдут душу, коли выдуют, коли выманят, коли к месту заветному приведут... Знамо, тогда и спытаем дело наше. Будет мужу твоему сын, а роду – продолжатель. Найдут ли?

– Хочешь, я отдам тебе свою душу, мудрый Лютобор? – опять предложила гостья.

– На что мне душа твоя? – отмахнулся старик. – Я же не Мара Ледяная, у меня полей и царствия своего нет. И мальчишке бабья душа не к месту. Ему надобна та, что неотличима окажется... Найду ли? – Колдун вздохнул: – Снимай, клади чадо на камни сии. Головой на черный валун, спиной на красный, ногами на серый. Я покамест за мазью и снадобьем схожу. Опречь трава мне и свечи понадобятся. Ты воска пчелиного прихватить не догадалась? Плохо, у меня совсем кончился. Но на сей раз, мыслю, достанет. И сало барсучье... Крылья... крылья... Ничто, пером обойдусь. Шесть перьев, шесть вихрей, шесть сторон...

Припоминая вслух нужные для предстоящего ритуала составы и атрибуты, мудрый Лютобор скрылся в пещере. Женщина же, облегченно утирая слезы, принялась освобождать сына от ремней...

Барчук

Он как раз входил в вираж, преследуя пирата. Грубоватый, словно слепленный из картонных ящичков, «F-22» выплескивал два длинных, желтых снопа пламени, но даже отчаянный форсаж не мог спасти воздушного разбойника. Ближе, ближе, ближе... Он видел раздвоенный хвост американца совсем рядом, казалось – можно было достать до него рукой, но на панели приборов все равно никак не загорались лампочки, сигнализирующие о захвате цели. Андрей довернул своего «Бизона» еще немного, скинул предохранитель на штурвале, со всей силы вдавил гашетку. Истребитель затрясся, загрохотал, выплескивая шквал пушечных снарядов. Он явственно увидел, как трассеры вытянулись к вражеской машине, как коснулись ее фюзеляжа – но проклятый американец летел, как ни в чем не бывало, и даже скорости не снизил. Оставалось одно – таран. Не прекращая огня, Андрей сделал «горку» и обрушился на «Раптор» сверху, воображая, как от того отлетает оперение, стекла фонаря, куски обшивки. Но стоило подняться выше, чуть сбросить тягу – и пиратский самолет вновь предстал во всей красе, без единой царапины!

«Значит, это компьютерная игрушка», – с чувством острой обиды понял Андрей и... проснулся.

Будильник, продолжавший стрелять длинными очередями, показывал шесть часов сорок минут, если не считать быстро прыгающие, зеленые циферки секунд. За окном плотной серой пеленой висели подсвеченные уличными фонарями, влажные сумерки. Андрей приподнялся на локте, хлопнул по кнопке звукового сигнала, с надеждой глянул на нижнюю строку. Там злорадно светилось английское «thursday». Значит, день не выходной.

– Андрюша, ты встал? – послышался за дверью женский голос.

– Так еще только без двадцати семь, мама, – откинулся на подушку паренек. – Мне еще два часа до школы спать можно!

– Какие два часа? – Распахнулась дверь. – Ты помнишь, что мне вчера обещал? Что утром всю математику сделаешь. Надо было не «Назад в будущее» до полуночи смотреть, а уроки делать. Тогда бы и выспался. И поменяй наконец звук в будильнике! Дождешься, соседи милицию вызовут. Скажут, перестрелка у соседей.

– Пусть вызывают, – отмахнулся мальчик. – За будильник еще никого не сажали.

– Ты это отцу объяснишь, когда ему выбитую дверь чинить придется. Давай, поднимайся, нечего бока отлеживать! Смотри, нахватаешь двоек – в институт не поступишь, в армию на два года загремишь. Там тебе враз все мозги отобьют, тупым солдафоном по гроб жизни останешься.

– Ну, что ты говоришь, Оля? – вступил в разговор густой мужской бас. – Какие солдафоны? Армия – школа жизни, через нее каждый мужчина пройти должен.

– Армия – это та школа, которую лучше пройти заочно. И не сравнивай свое время и нынешнее. Теперь в армии только калек делают да мозги последние парням высушивают. И зачем она вообще нужна? Мы чего – воевать с кем собираемся? Вот кто хочет, тот пусть и служит. А нормальному мужчине о жизни и карьере думать нужно.

– Все, я пошел.

– Да, сейчас. Давай, Андрюша, вставай, садись за уроки. Отца провожу – приду проверю.

Старшеклассник вздохнул, откинул одеяло и, отчаянно зевая, принялся натягивать джинсы. Сверху надел рубашку со множеством мелких пуговиц. Все равно ведь потом в школу напяливать придется. Сел к столу.

Он не очень понимал, почему его должны забрать в армию, если он не возьмет именно эти несколько интегралов, но спорить с матерью было бесполезно. Опять же срок в два года за неуспеваемость, о котором ему постоянно твердила родительница, был довольно внушитель-

ным аргументом. Два года «срочной»... За что? На фиг ему это надо! Набрали бы узбеков каких или таджиков – и пусть служат. Это им все равно – что здесь улицу за двести баксов подметать, что на плацу маршировать. А он себе дело поинтереснее найти сможет. И когда же наконец эту «контрактную армию» введут? Хотя до окончания школы никак не успеют. Всего год остался. Три года с хвостиком до восемнадцати лет. Не успеют.

Интегралы оказались простенькими – пара производных, график от руки, – и через полчаса он уже был свободен. Сон, впрочем, все равно уже пропал, а потому оставшийся час он провел с «одноглазым другом», компьютером, в авиасимуляторе гоняясь на лихом индийском «Миг-21» за «Торнадо» и «Еврофайтерами». Напоследок он опять попытался завалить «Раптора», но «F-22» легко ушел на форсаже, а потом долбанул его ракетой откуда-то слева. Чтобы сбить американца, «двадцать первого» нужно было проапгрейдить до уровня «Бизон», но заработанных на дряхлых «Фантомах» и корявых «европейцах» очков для решительного рывка никак не доставало – лишь на топливо и ракеты.

На вторую атаку времени Андрею уже не хватило. Только переодеться, наскоро проглотить две сосиски и картофельное пюре, запить это кислым апельсиновым соком, в котором, по маминому мнению, содержалось больше всего витаминов, и – рвануть в школу.

Алгебра и начала анализа шли первым уроком. Тут же стало понятно, что вскакивать до света не имело ни малейшего смысла: проверять домашнее задание математичка не стала, тут же приступив к анализу точки перегиба. Андрей слушал вполуха, больше глядя не на доску, а на Вику Аминеву, что сидела впереди в правом ряду, через парту.

Он сам не знал, почему одноклассница стала так его притягивать. Что-то изменилось в ней в этом году. Те же длинные каштановые волосы, те же ямочки на щеках, тонкие губы, те же пронзительные голубые глаза. Но... Но ему хотелось смотреть на нее снова и снова. Смотреть, как она поправляет волосы над ухом с маленькой золотой серьгой, как улыбается, как перебирает пальцами ручку, слушая учителей.

Нередко Вика ловила его взгляд, оборачивалась, но он каждый раз успевал уткнуться носом в тетрадь или учебник, делал вид, что занят чем-то своим. Глупо, но именно в этот год он как-то ни разу не нашел повода подойти, поговорить с ней. Предложить сходить куда-нибудь, хотя бы в кино. В прошлом году как-то естественно все получалось, нормально общались. А в этом... Две недели учебы, глаза каждый день поедом едят, а ноги к Вике не несут.

«Сегодня подойду, – решил он. – Сегодня обязательно подойду. Нет, не сегодня. Прямо после урока подойду. Все, подойду. Подойду...»

Ноги опять предательски заболели, и сильная тянущая боль внезапно скрутила живот. Настолько сильная, что он согнулся, едва не врезавшись лбом в столешницу парты. К счастью, никто этого не заметил – не то смеху было бы...

«Ничего себе... – удивился Андрей. – Это что, робость так проявляется? Не хило... Все равно подойду! Решил так решил...»

Боль, словно смиряясь пред его волей, отступила, позволила выпрямиться и перевести дыхание. Едва зазвенел звонок, Андрей, отрезая себе пути к отступлению, резко выдохнул:

– Вика, можно тебя на минуту?!

Аминева вздрогнула, вскинула ладонь к левому уху, шевельнула темными и пушистыми, как беличья кисточка, бровями.

– Ну, вот я... А что случилось?

– Ничего... – Про то, что он будет говорить, Андрей подумать не успел. – Скажи... Скажи... Ты где летом была?

– В разных местах, – пожалала она плечами. – В Геленджике, на даче, на экскурсии по Золотому кольцу. Ты из-за этого меня звал? Я уж подумала, случилось что. Серьгу потеряла, или еще что-то такое...

– Не потеряла, – мотнул головой он. – Ты не беспокойся, я за ней следить буду. Хорошо?

– А-а, так ты за ней смотришь? – улынулась девушка. – Тогда понятно.

Андрею вдруг страшно захотелось ее поцеловать, попробовать своими губами вкус ее алых влажных губ. Настолько сильно – он даже побоялся, что мысли проявятся на лице, а потому повернулся и принялся торопливо собирать рюкзак, скидывая в него учебники и тетради.

– Так это все? – поинтересовалась Аминева.

– Нет, не все. – Задержав молнию, он кинул рюкзак на плечо, повернулся – и взгляд почему-то уперся именно в ее грудь, с силой выпирающую из-под кремовой блузки с вышивкой под воротником. Юбка плотно облегла широкие бедра.

Ну, почему ему самолеты компьютерные снятся, а не Вика?! Ведь во сне он мог бы позволить себе с ней все, что угодно...

– Зверев, ты меня слышишь?

– Ну да, конечно.

– Чего ты еще хотел сказать?

– Я? – удивился Андрей. – Ах, да. Давай я твой портфель до химии отнесу. Тяжелый ведь, наверное?

– Нет, не тяжелый. Я половину учебников не ношу. Зачем, если они только дома, когда уроки делаешь, нужны? То есть, – спохватилась девушка, – спасибо. Отнеси, если не трудно. Конечно. А почему ты про лето спросил?

– Любопытный я, Вика. А что, не так что-то?

– Да нормальное лето получилось! Самые дожди на даче пересидела, и никто на грядки не выгонял. А потом в Геленджик поехали... – Вслед за остальным классом они вышли из кабинета. – Ты знаешь, Андрей, я шашлыка, наверное, на всю жизнь наелась. Там на каждом перекрестке мангалы стоят. Пиво, вино и шашлыки. Мы с отцом эти шашлыки и на завтрак, и на обед, и на ужин ели. Целый месяц – одни шашлыки. Мамочки мои, если меня кто-нибудь теперь на шашлыки за город позовет, я тому всю рожу исцарапаю!

– Не буду, – пообещал Зверев. – А мы на Волге были. Отца туда в командировку посылали, он меня с собой взял. Мы там каждый день на рыбалку ходили, и на выходные ездили. Какие там щуки! А окуней я один раз за час ведро наловил. И леща вытащил, размером... ну, с твой портфель.

– Врешь ты все, Зверев, – мотнула она головой. – Не бывает таких больших лещей!

– Спорим, бывают! – обиделся Андрей.

– И на что спорить?

– Ну... Давай на поцелуй, – окончательно обнаглел он.

Но Вика на подобное предложение не обиделась, только глянула искоса и поинтересовалась:

– Это как?

– Ну, как обычно, – пожал плечами Андрей. – Если я выигрываю, тогда я тебя целую. А если проигрываю... Ну, тогда, значит, все по-твоему, тогда ты меня целуешь.

– А чем доказать сможешь?

– Отца можно спросить.

– Подожди... – остановилась Аминева. – Ты меня, я тебя... Ну, ты жулик, Зверев!

– Так мы поспорили?

– А ты все равно не докажешь, жулик! – Она решительно двинулась вперед. – Мало ли кто чего говорит? Жулик!

Однако своего портфеля она не потребовала, да и убежала вперед, дернув плечиком, всего на пару шагов. Плечи, талия, бедра, ножки в колготках, туфли на низком каблуке... Андрей отвел глаза, глянул на встречную девчонку из параллельного класса. Тоже плечи, тоже

грудь и губы. Но воображение почему-то рисовало приоткрытые губы именно Вики Аминовой – и все!

Первая перемена короткая – звонок зазвенел почти сразу, как класс успел собраться перед кабинетом химии. Раиса Михайловна открыла дверь, и он, мимоходом поставив портфель однокласснице на стул, снова занял свое место слева и сзади от Вики. На уроке она больше не оборачивалась на его взгляд, но волосы за ухом поправляла вдвое чаще прежнего. Во время второй перемены он донес портфель Вики до кабинета географии, потом Вика разговорилась с Ирой Ершовой, и они куда-то пошли. Андрею тоже нужно было отлучиться – но до туалета он не добрался. Посреди коридора его вдруг перехватили Баршак, Страхов и Ганус, прижали к стене.

– Ты чего это портфельчики чужие таскаешь?

Самым крупным из троицы был Баршак – почти на голову выше всех и вдвое шире в плечах. Но заводилой в компании всегда являлся хитрый остроносый Ганус, фантазия которого была неистощима на всякие пакости и просто развлечения. То он придумывал планы из камер сделать, чтобы на озере за высоковольтной линией кататься, то указку историку селитрой пропитать, то ссору во время уборки спортзала затеять и «случайно» девчонок водой окатить, чтобы сиськи через мокрые футболки рассмотреть. Именно он и зашептал зло Андрею прямо в лицо:

– Нравится чужие шмотки таскать? Так ты наши носи, понял?

– Чего «ваши»?

– Рюкзаки наши носи, понял?

– А почему это?

– Потому что иначе мы тебе каждую перемену морду будем чистить, понял? – Ганус схватил его за горло, прижал к стене: – Не слышу, ты понял?

– Я... – Андрей попытался оттолкнуть одноклассника от себя, но не со всей силы. Он отлично понимал, что дай он хоть один повод – Баршак и Страхов тут же начнут драку. Или, скорее, избиение: куда он один против троих? Да еще когда каждый из врагов заметно сильнее? Тут особо не по выступишь.

– Ты, ты, – кивнул Ганус. – Чтобы после этого урока взял наши рюкзаки и отнес на историю. Понял, зубрила? Не то мы твой фейс так начистим, что от тебя даже компьютер шараться будет, понял?

И попробуй только смыться, мы тебе мозги быстро вправим, умник. Чего молчишь? Слышал, чего тебе сказано? Ну?! – Ганус тряхнул рукой, крепче сжав его горло.

– Слышал...

– Чего слышал? – потребовал ответа Страхов.

– Портфели носить... – вынужденно повторил Андрей Зверев, мысленно уже поклявшись, что не сделает этого никогда в жизни. Но пока приходилось говорить то, что заставляют.

– Вот и молодец. – Хватка на горле ослабла. – И не вздумай таскаться за Аминовой, она моя.

– А может, она не хочет? – На этот раз Зверев попытался повысить голос и двумя руками отпихнул от себя одноклассника. Тут же голова дернулась назад от сильного удара в правую скулу.

– Тебя не спросили, – хмыкнул Страхов и ударил еще раз, но уже не так сильно.

Андрей рванулся на него – и вдруг его скрутило резкой болью под ребрами справа. Зверев застонал, сполз по стенке на пол.

– Уже и заплакал, сосунок, – подвел итог Ганус. – Смотри, рядом с Аминовой еще раз увижу – вообще урою. Ладно, пошли, пусть утретя.

Боль не отпускала, однако постепенно притуплялась, сменяясь подташниванием. Когда зазвенел звонок, он даже смог подняться и дойти до класса, сесть на свое место. Географичка с

ходу понесла что-то про население южной Африки, но Зверев ее не слушал, пытаюсь сдерживать непрерывные рвотные позывы. А когда стало невмоготу – сорвался с места, кинулся из класса к питьевому фонтанчику в рекреации, склонился над ним и... Тошнота тут же отпустила.

– Эй, Зверев, что за фокусы? – окликнула его от дверей класса курносая географичка со втянутой в плечи, словно вбитой сильным ударом, головой.

– Кажется, съел чего-то не то, Марья Ивановна, простите. – Он отпил немного воды, медленно выпрямился. Боль не отпускала, но оставалась на терпимом уровне. Тошнота прошла совсем. – Я сейчас...

– Ты, Зверев, коли болен – иди в медпункт, коли прикидываешься – тогда к директору. А на уроке не фокусничай.

– Я сейчас... – Он медленными шагами вошел в класс, сел за парту.

– А зубрилка наш со страху совсем сбрендил, – громко сказали сзади.

Андрей резко повернулся на голос – и в глазах потемнело от боли. Кажется, он даже застонал.

– Зверев, Зверев... – Географичка подошла ближе, наклонилась. Положила руку ему на лоб. – Э-э, Зверев, да у тебя температура! Ну-ка, давай бегом в медкабинет! Нечего нам тут рассадник гриппа устраивать.

Отвечать у Андрея сил не было. Стараясь не делать резких движений, он поднялся, вышел из класса и отправился на первый этаж.

К счастью, медичка оказалась на месте. Похожая на школьницу блондинка в белом халате, с маленьким носиком и огромными, вечно удивленными глазами над розовыми, как у новорожденного поросенка, щеками сидела за укрытым толстым стеклом письменным столом и, сделав губки бантиком, напряженно читала малоформатную книжонку в мягкой потрепанной обложке. Наверное, какой-то женский любовный роман.

– Чего тебе? – не отрываясь от книги, спросила она. Видать, у больших глаз обзор хороший.

– Под ребрами болит.

– Сверху, снизу? – Она перелистнула страницу.

– Здесь, – показал Андрей.

– Снимай пиджак, рубашку, садись на топчан. Кашель есть?

– Нет... – Он начал раздеваться.

Медичка, кивая головой, сочувственно вздохнула, сунула меж страницами иглу от одноразового шприца и захлопнула книжку. Поднялась, вставила в уши черные наконечники стетоскопа:

– Давай, дыши... – Она быстрыми движениями попереставляла чашку своего инструмента в разные места грудной клетки, потом повесила стетоскоп на шею. – Рот открой. К окну повернись... Нет, все в порядке. Хрипов у тебя никаких, горло не красное. Так что одевайся и топай на уроки. Здоров.

– У меня здесь болит... – опять показал на нижние ребра Андрей. – Очень сильно.

– Ладно... – вздохнула блондинка, открыла шкаф, достала градусник: – Вот, держи.

Она глянула на часы и снова уселась за книгу. Зверев сунул градусник под мышку, откинулся назад, к стене – боль ослабла. Он замер, боясь упустить удобное положение, а мысли сами собой перескочили к Вике. Что у нее было с Ганусом? Она с ним встречалась? Может быть, уже... Уже целовалась? Почему она ничего не сказала? Или это Ганус все врёт? Хотя – а чего бы ей это говорить? Ведь он всего лишь отнес ее портфель!

Так и прошло несколько минут, пока медичка, злобно вонзив в книжку иглу, не выдернула у него термометр:

– Та-ак... – задумчиво протянула она, глядя на ртутный столбик. – Ну, и что скажем?

– Сколько там? – спросил Андрей.

– Чем греем, мальчик?

– Что?

– Ты меня совсем за дуру считаешь? У тебя ни кашля, ни чиха, ни хрипа, гланды не опухшие – а на градуснике температура! Чем грел?

– Ничем... – Зверев даже не шевельнулся в ответ – боялся, что боль под ребрами снова вернется.

– Ну да, ты больной, а я римский папа... – Медичка профессиональными движениями прощупала его бока, топчан за спиной, школьный пиджак, рубашку. – Ну что, сознаваться будешь или к директору пойдем?

Андрей промолчал.

– Ну, хорошо... – подумав, кивнула блондинка. – Ты домой хотел, освобождение получить? Будет тебе сейчас освобождение, по полной программе... – Она сняла трубку с телефона, набрала номер из двух цифр. – Здравствуйте. Это тридцать пятая школа, медицинский пункт. У меня подозрение на воспаление легких у учащегося, в тяжелой форме. Нужна срочная госпитализация. Да, жду.

У Зверева начали затекать плечи – все же поза его была не очень удобная. Он качнулся вперед – боль тут же напомнила о себе. Попытался откинуться в левую сторону – стало хуже. Качнулся вправо – вроде ничего. Тогда он полностью завалился на правый бок и замер, сложив руки на груди.

– Будет тебе освобождение, – тем временем злорадно пообещала медичка. – Полное освобождение. С такой температурой тебе не телевизор дома на диване, а полная госпитализация положена. Поколуют витамины пару дней в задницу большим шприцем, клизму сделают, бромчиком попоят – быстренько поймешь, как здоровье беречь надо.

Единственное, чего не успела пообещать блондинистая врачевательница за те двадцать минут, которые они ждали «скорую», – так это того, что, если он не перестанет болеть, его обязательно «забреют» в армию.

Наконец дверь распахнулась, вошел усатый круглолицый мужчина с грузинским горбатым носом, и комнатенка наполнилась запахом свежего хлеба. Из-под руки гостя выглядывала невысокого роста женщина в халате и в белой косынке, с кожаным саквояжем в руке.

– Добрый день, где больной, на что жалуется?

– Подозреваю воспаление легких, – подпрыгнула на стуле медичка. – Жалуется на боли в груди, температура высокая. Шумов в легких нет, горло не покраснело...

– И давно он в такой позе лежит? – прищурился гость, подошел ближе. – Тошнота есть? Что скажешь, герой? Тошнило, рвало?

– Тошнило, – тихо подтвердил Андрей.

– Ты попробайся сесть, мой мальчик. Только осторожно. Вы о симптоме Ситковского слышали, милочка? – повернулся мужчина к блондинке. – Учились где-нибудь, или мама сюда пристроила?

– Я? – запнулась медичка. – Училась, конечно...

– Тогда ответьте, почему он на левый бок не поворачивается?

– Неудобно, наверное...

– Ну-ка, мальчик... – Мужчина присел перед Андреем, мягко нажал пальцами куда-то ниже пупка, и буквально все тело отозвалось резкой болью.

Зверев громко охнул.

– Все, все, больше не трогаю, – пообещал врач. – Ты правую ногу только выпрями и осторожно попробайся поднять. Не торопись!

Андрей стал выполнять команду – но опять его старания пресек приступ боли.

– Все, опускай. Вика, носилки. И предупреди диспетчерскую, что у нас «острый».

– Я сам дойду, – предложил Зверев.

Но мужчина махнул рукой:

– Лежи! Мне только перфорации отростка не хватает.

– Аппендицит! – наконец-то дошло до блондинки.

– Вот именно, милочка, – кивнул врач. – Вы при таких признаках обязаны немедленно антибиотики прокалывать на случай перитонита, а вы книжонки глупые читаете. Рад был знакомству. А ты лежи, мой мальчик, все нормально будет. Чай, не шестнадцатый век на дворе, у нас из-за аппендикса не умирают. Сегодня его из тебя выдернут, а дня через четыре на своих двоих домой уйдешь. Тебе сейчас главное мышцы не напрягать, чтобы нарыв не лопнул. Ага, вот и носилки. Ну, герой, поехали.

Через минуту Андрей Зверев, укрытый рубашкой и пиджаком, мчался в холодном салоне медицинской «ГАЗели», а еще через полчаса его на этих же носилках уже катили по длинному больничному коридору. Перед дверьми с надписью «Операционная» медсестры с помощью врача переложили его на другие носилки, убрали сложенную на груди одежду и принялись стягивать носки.

– Успеха, герой, – подмигнул ему мужчина и покатил носилки обратно.

Андрея тем временем лишили брюк, в голом виде закатали за дверь, где оказалось весьма прохладно.

– Зверев? С матерью твоей из школы уже созвонились, скоро приедет. – Полуобнаженный старикан в белой бандане и мясницком фартуке, но в очках и с благообразной бородкой пробежал пальцами по его животу, кивнул: – Настя, сполосни его хлоргексидином и спиртом протри. Вы как относитесь к новокаину, молодой человек?

– Не знаю, не пробовал, – ответил Андрей.

– Значит, попробуешь, – пообещал старикан. – Как закончишь – на второй стол его клади. Тут ничего сложного, не задержим.

– У него свежий шрам на правой скуле, Михаил Сергеевич.

– Да? – Врач наклонился к его лицу. – Думаешь, нервный мальчишка попался?

– Вы же знаете, Михаил Сергеевич, сейчас проще такого, нежели нормального встретить.

– Ладно, Настя, скажешь анестезиологу – под общим работать будем. Оно и с новокаином меньше риска. Все, я руки мыть пошел, готовьте его...

Андрею обильно полили живот какой-то жидкостью, протерли бинтом, опять полили, но на этот раз отерли ватным тампоном. Носилки дрогнули, покатались дальше, еще за одну дверь. Зверев увидел большущий плафон с фарами – как в зубоврачебном кабинете. Его переложили на нечто, формой напоминающее распятие, причем руки тут же развели в стороны и прихватили бинтами. Сестра, которую называли Настей, подкатила капельницу, стала прицеливаться иглой в вену.

– А как же наркоз? – забеспокоился Андрей, опасаясь укола не столько из-за боли, сколько из-за ощущения полной беспомощности. Наверное, именно так чувствует себя приготовленная для препарирования лягушка.

– Все будет, все будет, – пообещал старик, невесть как оказавшийся у его бедра. – Здесь болит? А здесь?

По животу опять побежали холодные пальцы. В какой-то момент тело ответило на прикосновение болью, и старик кивнул:

– Давайте! Ты, кстати, в каком классе учишься?

– В девятом, – ответил Андрей. – У нас десятилетка, как раньше.

– Это хорошо, – кивнул старик. – Считать, надеюсь, научился?

– Да.

– Сколько пальцев? – выставил он свою пятерню.

– Пять.

– А так?

– Четыре.

– Верю, мальчик, учишься хорошо, – улыбнулся старик, и на лицо Андрея легла маска. – Но давай попробуем еще раз. Сколько пальцев?

Старшекласник напрягся, пытаясь разглядеть руку, но перед глазами стремительно сгустилось какое-то красно-коричневое марево.

Андрей тряхнул головой, шире открыл глаза. Марево рассеялось. Он увидел светло-коричневые, плотно подогнанные доски, по которым скакали разноцветные зайчики. Тело ощущало приятную легкость, плавало в чем-то теплом и ласковом.

«Это я чего, вниз головой над полом вишу? – подумалось Звереву. – Хотя полы тут, в больнице, должны быть с линолеумом».

Он попытался перевернуться, взмахнул руками, хлопнул по чему-то мягкому и сел в постели, опершись на выставленные назад руки. Его взору открылась обширная палата с бревенчатыми стенами, ломаным витражным, но одноцветным окном. Да и коечка у него была явно не казенная – размером с половину домашней спальни.

– Андрюшенька, дитяtko мое! Очнулся, исцелился, миленький! Вернулся, вернулся ко мне, кровинушка! – Рассмотреть комнату подробнее он не смог, поскольку его сгребла в объятия какая-то тетка и принялась тискать, словно кусок пластилина. – Радость моя, солнышко единственное, чадо мое лóбное! Да ты, вестимо, голоден, что зверь лесной? Почитай, неделю росинки маковой во рту не бывало. Я сей же час, стряпухам крикну. Принесут чего быстренько...

Тетка вышла, оставив Андрея одного, и он смог осмотреться еще раз.

Палата была обширной, не меньше двадцати метров. Дощатый пол, такой же дощатый потолок. Стены срублены из бревен в пол-обхвата, но за изголовьем шла широкая полоса изразцов. Окно собрано из небольших кусочков неправильной формы, клеенных в светлую оправу – то ли из олова, то ли из свинца. Скорее, олово – свинец ведь мягкий слишком. Справа, в дальнем от окна углу, за небольшими занавесочками, стояла на полке темная икона с болтающейся на окладе крохотной медной рукой. Или золотой?

Еще на стене висел широченный, с ладонь, ремень с саблей, ножами и еще какими-то мешочками и подсумками. Под ним – застеленный красно-синим войлочным ковриком сундук, и под иконой – еще один. Возле окна стоял полутораметровый деревянный пюпитр, чуть дальше имелся высокий, но узкий темно-вишневый шкафчик с вычурной резьбой. На подоконнике пылились два трехрожковых подсвечника без свечей, а на пюпитре – масляная лампа с длинным носиком, из которого выглядывал почерневший фитиль. С улицы доносились коровье мычание, кудаханье кур, бляенье, лай, гоготание – в общем, звуки живой полной жизнью сельской глубинки. А чего тут не имелось – так это люстры, розеток, фонарей, ламп, компьютера, телевизора, магнитолы и стола со стопкой учебников и тетрадей.

– Однако, – пробормотал Зверев, закончив осмотр, – классно меня ширнули. Интересно, это у всех общий наркоз так проходит, или у меня одного глюки? И главное, натурально все так... Не то что за фантомами бессмертными по небу гоняться.

Мысль о том, что наркоз может вот-вот кончиться, заставила его подняться, пройти по холодному влажному полу к окну. Ему хотелось увидеть, что творится снаружи, за окном – но не тут-то было! Вблизи выяснилось, что вместо стекол в окна вправлена тонкая слоистая слюда, сквозь которую различались только полутона: справа что-то темное, сверху светлое, слева опять темное.

Он попытался сдернуть крючки запора – и тут впервые обратил внимание на свои руки. Смуглые мясистые пятерни украшали два крупных золотых перстня, один из которых был к тому же с печаткой, а другой имел посередине глубокую бороздку. Это были совсем не те пальчики, которыми он стучал каждый вечер по клавиатуре, катал мышку и крутил джойстик.

Хотя и мозолей на ладонях он не нашел – Андрей из наркотозного сна тяжелым трудом все же не занимался.

Зверев торопливо ощупал себя, опустил глаза вниз. На нем висела длинная, до колен, полотняная рубаша с разрезами по сторонам и завязкой под горлом. На шее болталась льняная нитка с нателным серебряным крестиком.

– Зеркало, – закрутился он. – Зеркало хочу!

Зеркала в палате не было. Хотя какая же это палата? В больницах ничего подобного не бывает. Даже в психлечебницах – если его вместе с глюками занесло именно туда. Андрей прыгнул к поясу на стене, дернул из ножен клинок. Из полоски полированной стали глянули все те же карие глаза, которые он каждое утро наблюдал в зеркале над умывальником. Каштановые волосы, чуть приплюснутый нос, широкие губы, слегка ушедший назад подбородок – мать все обещает в поликлинику отвезти, прикус правильный сделать.

Хотя клинок – это, конечно, не зеркало. Не такой ровный, не такой большой. Картинку искажает.

– Никак, спала горячка, барчук? Ну и славно! А то дворня о недобром бормотать уже начала...

В дверь без стука заглянул похожий на сказочного лесовика мужичок. Ростом с Андрея, одетый в похожую рубашу, но с красной оторочкой понизу, он оброс торчащими во все стороны русыми с проседью волосами так, что наружу выглядывали только глаза и кончик носа. Его борода, сливаясь с усами в единое целое, плавно перетекала в лохматую шевелюру, укрытую лишь небольшой тубетейкой. Самым забавным в лице незнакомца были тонкие, изящно изогнутые брови, словно украденные с лица какой-то прелестницы.

– Ты как, подыматься надумал али еще отдохнуть мыслишь? Сил-то опосля колик совсем, небось, не осталось?

– Каких еще колик? – не понял Зверев.

– Дык, на прошлой седмице слег ты, барчук, с коликами брюшными. Да так занедужил, что вскорости и вовсе в беспмятство впал. Нешто не помнишь? Хотя, коли в беспмятстве, може и не помнишь...

– А ты кто?

– Я? – Мужичок вздрогнул, склонил набок голову: – Дядька я твой, Пахом Белый. То Белым на дворе кличут, то Пахомом... Боярин к тебе, барчук, для воспитания приставил... Не прилечь ли тебе, сердешный? Гляжу, не отпустила еще горячка-то!

– А я кто?

– Ты – Андрей Лисьин, боярина Василия Лисьина сын. Нечто и это забыл, дитятко мое?

– Не знаю... – зачесал в затылке Зверев. – Мне сейчас пятнадцать лет?

– Пятнадцать годков от роду набежало, – согласно кивнул дядька.

– А маму мою зовут Ольгой?

– Матушка наша, боярыня Ольга Юрьевна, – признал Пахом. – Стало быть, помнишь, барчук? А я уж спужался.

– Сыночек! Андрюша, в трапезную пойдём. Федосья балык и сбитень принесет, да хлеба. Перекусишь покамест, а опосля вечерять будем... – В комнату зашла хозяйка, бросила на сундук штаны, длинную безрукавку, поставила на пол синие сапоги с набитыми по верху голенища желтыми пластинами.

– Мама? – неуверенно предположил Андрей.

В лице женщины угадывались многие знакомые ему черты, но все облачение: повойник, сарафан, из-под которого проглядывала нижняя рубаша и пачка юбок, тяжелые золотые серьги и перстни с крупными изумрудами и рубинами – делали ее совершенно неузнаваемой.

– Да, чадо мое, – улыбнулась женщина. – Одевайся. Вижу, молитвы мои пошли на пользу. Лихоманка ушла. Откушаешь, ветром свежим подышишь, ввечеру баньку стопим, пропаришься. Не останется ни следа от твоей горячки. Пахом, помоги ему.

– Помогу, помогу, матушка. А ты чего же не опоясался, барчук? Не дай Бог, опять бесы какие прилипнут, чур меня, чур... – Дядька торопливо перекрестился, после чего подобрал в ногах кровати тонкий пеньковый шнурок и протянул Звереву.

Андрей принял веревку, покрутил перед собой, раздумывая, на какое место его нужно намотать.

– Прямо как дитя малое! – Бородач отобрал шнурок, решительно обвязал паренька на поясе поверх рубашки, снял с сундука белые полотняные штаны, протянул.

Зверев надел их, отпустил – портки поползли вниз. Пахом хмыкнул, подпернул на место, вытянул из пояса кончики матерчатой тесьмы, завязал, встал на колени и соорудил «бантики» из завязок на щиколотках, плотно притянув штанины к ноге. – Шаровары-то сам надеть сможешь, али тоже подвязать?

Зверев взялся за штаны из плотной шерстяной ткани, натянул, завязал бантик на поясе – внизу «хвостиков» не было. Закрутил головой в поисках носков. Как бы не так! Вместо них заботливый дядька протянул байковые портянки:

– Давай, барчук, наматывай. Бо холодно нынче на улице.

Андрей задумчиво уставился на полоски ткани, и Белый, тяжело вздохнув, принялся их накручивать:

– Ты хоть ногой к полу угол прижми, барчук! Неудобно же!

Последней была надета темно-синяя суконная жилетка почти до колен, расшитая спереди и на спине рисунками в виде треугольников, с несколькими квадратными бархатными заплатками, украшенными бисерными тюльпанами, с пуговицами в виде палочек из сладко пахнущего сандалового дерева и тонкой меховой оторочкой спереди и вокруг ворота – вместо привычного Звереву воротника. Одевание это Пахом насколько раз назвал ферязью, и спорить с ним Андрей, естественно, не стал.

– Управились, – застегнув последнюю пуговицу, облегченно вздохнул дядька. – Ну, айда в трапезную, голоден ты, мыслю, ако зверь дикий. Девять ден не жрамши! Варя тут пока приберет. Али прилечь опосля хочешь?

– Зря, что ли, одевался так долго? – усмехнулся Андрей. – Нет, не лягу. Осмотреться хочу.

Он остановился у двери, постучал ногой по крайней доске. Из нее выходили два шипа, вверху и внизу, которые попадали в отверстия соответственно на полу и потолке. Вдоль косяка шла кожаная полоска – наверное, чтобы не дуло. Это была первая дверь без петель, которую Зверев видел в своей жизни. Забавно, что наркотический сон способен предусмотреть подобную мелочь. Сны, вообще-то, обычно ограничиваются перебиранием того, что есть в памяти, и никогда не показывают ничего нового и неведомого. А тут – нате вам! Дверь без петель, на поблескивающих салом подпятниках.

– Идем, барчук. Матушка, небось, заждалась.

– Да, идем, – кивнул Андрей, притворяя дверь за деревянную ручку.

В широкой горнице, на угол которой выходила лестница, ничего странного не обнаружилось, если не считать бревенчатого потолка, затянутых чем-то, похожим на пергамент, окон и сплетенных из тряпочных обрезков половиков. Лестница со скрипучими ступеньками тоже мало отличалась от тех, по которым Звереву приходилось бегать в реальности. Ну, деревянная, а не каменная, как в школе или дома – что с того?

Зато трапезная поразила его изрядно. Помещение было размером с половину баскетбольной площадки, потолок подпирали четыре стоящих ровным рядом, резных деревянных столба. Укрытые скатертями столы разворачивались ко входу основанием буквы «П» и могли

вместить, наверное, с сотню гостей – и то если не тесниться. Вдоль столов тянулись укрытые толстыми пушистыми коврами скамьи, но во главе стола возвышалось кресло – разумеется, резное, темно-темно-красное, с высокой спинкой, обитой чуть более светлым бархатом, и широкими подлокотниками, на каждом из которых легко разместился бы обед из школьной столовой: две тарелки с супом и вторым, компот и два кусочка хлеба. Еще для ложки, вилки и тарелки с пирожком место бы осталось.

Пирожки, кстати, имелись в наличии: низкое блюдо с десятком румяных пирожков, деревянный ковш, над которым струился белый парок, и массивные бутерброды ждали его на углу стола, справа от кресла. Андрей ощутил, как у него и вправду засосало под ложечкой, быстрым шагом прошел к угощению, перебрал ноги через скамью, сел.

– Кушай, кушай, сыночек, – предложила стоявшая рядом «матушка боярыня Ольга Юрьевна», но стоило ему протянуть руку к пирожку, как она испуганно охнула: – Как же ты, не помолившись, Андрюша?

Зверев замер от неожиданности, но сюжет забавного сна решил не разрушать, сложил руки перед грудью, пошевелил губами, размашисто перекрестился, после чего ухватил облюбованный пирожок и принялся уплетать.

Пирог оказался с рыбой и грибами. Сочетание неожиданное – но на вкус приятное. Вот только тесто было суховатое. Паренек придвинул к себе ковш литра в полтора, отхлебнул светло-коричневого напитка и поперхнулся от неожиданности: горячий напиток был злобно пряным, в нем ощущалась и корица, и миндаль, и ваниль, и мед, и что-то очень терпкое, и, кажется, даже перец. Андрей прокашлялся, снова отхлебнул. Теперь, когда он был готов к такому невероятному букету пряностей, жгучий напиток легко проскочил в горло. Юноша почувствовал, как он сразу разлился по жилам, согревая тело до кончиков ушей и пальцев на ногах, взбодрил разум, прогнал остатки сонливости.

Отставив ковш, Андрей потянул к себе бутерброд с толстым ломтем копченой рыбы... и замер. До его сознания наконец дошло странное понимание того, что все, что он только что ел, – вкусно. Причем угощение не просто имело вкус – оно имело вкус ярко ощутимый, а напиток – даже резкий.

– Что ты, дитяtko? – забеспокоилась боярыня. – Поперхнулся? Так ты сбитнем запей.

Андрей кашлянул, сделал пару глотков. Сбитень был горячим, остреньким, сладким. Острым и сладким настолько, что даже наяву такой вкус не часто ощутишь...

Во сне со Зверевым случалось всякое. И в пропасть падал, и «Хорнеты» сбивал, и в море купался, и шашлыки ел. Но и невесомость падения, и холод морской воды, и жар горящего самолета, и вкус шашлыков всегда были слегка «картонными», ненастоящими. Огонь не обжигал, холод не выстуживал. Пища оседалась, но не имела вкуса. А тут... Он – ощущал! Он чувствовал вкус еды, вкус незнакомый, вкус, который невозможно придумать, а уж тем более – вообразить во сне, увидев глазами. Эта была такая же настоящая еда, как та, что он ел в столовой. И вдобавок – она утоляла голод и жажду. Во сне же, как известно, сколько ни ешь, а если голоден – голодным и останешься.

– Ты кушай, кушай, – напомнила женщина.

– Спасибо... – Он откусил край бутерброда с рыбой, принялся медленно жевать, теперь уже вполне сознательно прислушиваясь к ощущениям. Это была рыба, по вкусу похожая на форель, но только белая. В меру жирная, в меру сочная, почти несоленая. Настоящая...

– Господи, как оголодал, кровинушка, – погладила его по голове боярыня. – Прямо с хлебом балык кушает!

– Матушка Ольга Юрьевна, – заглянула в дверь пухлая женщина в повойнике и белом платье с коротким рукавом. – В погребе, никак, крынки с гусями тушеными потрескались.

– Да ты что? – охнула боярыня и быстрым шагом устремила к ней. В дверях она оглянулась, кивнула: – Кушай, Андрюша, кушай. Вечерять нескоро будем, – и вышла из комнаты.

Оставшись без присмотра, Зверев расслабился, хорошенько приложился к ковшу со сбитнем, съел копченую рыбу, закусил парой пирожков. В животе появилась приятная, неправдоподобная для сна тяжесть. Наелся.

Он встал, подошел к окну, но и здесь выглянуть на двор не смог – вместо стекол в раме стояла сеточка из ромбовидных пластин слюды.

Юноша пожал плечами, вышел из трапезной, пересек по длинному половику горницу, приоткрыл одну дверь – за ней оказалась большая комната с кирпичной печью. Толкнул другую – там было просто помещение с лавками, на одной из которых дремал бородач в засаленной рубахе и портах. За третьей дверью открылась еще горенка, застеленная половиками, с несколькими скамьями. Но самое главное – здесь на стенах висело несколько кафтанов, душегреек и тулупов, стоял целый ряд сапог, полусапожек и низких туфель, болталось на деревянных штырях с десятком картузов и шапок разного размера и фасона. В общем – прихожая.

Андрей пересек комнатенку, с силой толкнул тяжелую створку, сколоченную из досок в ладонь толщиной, и зажмурился от ударившего в глаза яркого света. Он оказался на высоком крыльце, поднятом над землей не меньше, чем на три метра. Сверху оно было крыто уложенными встык досками со смолистыми подтеками в щелях, ступени уходили вниз вправо, вдоль самой стены, а впереди... Впереди открывался вид на обширный двор, который можно было бы назвать хозяйственным, если бы не два могучих камнемета, что стояли по дальним углам, метясь куда-то Андрею за спину. Между ними тянулась стометровая земляная стена, в которой темные пещеры (а как их еще назвать?) чередовались с жердяными загородками. Поверх стены шел частокол в полтора человеческих роста высотой с частыми бойницами размером с голову и еще тремя довольно широкими. Напротив крупных бойниц стояли на деревянных станинах длинные, метра по два, арбалеты с деревянными дугами. Возле одного из них болтали два мужика в долгополых коричневых кафтанах, опоясанные саблями. Если прислоненные к тыну копья принадлежали тоже им, то это наверняка был караул. Или стража – как она тут должна называться?

Поразило Зверева то, что суемящиеся во дворе люди совершенно не обращали внимания на столь фантастические агрегаты. Они невозмутимо занимались своими делами. Какой-то мужик в шляпе с обвисшими полями деловито переливал воду из высокой пузатой кадки из плотно подогнанных досочек в деревянную же лохань. Из нее бок о бок пили пара телят и четыре упитанные хавроньи. Другой мужик ковырял что-то долотом в колесе с желтыми деревянными спицами, третий – опаливал факелом растянутую в рамке шкуру. Пара теток, сидя друг против друга, ощипывали здоровенных гусей. Рядом с ними возвышались две кучки – птица голая и птица в перьях. Малышка лет пяти с прутиком в руках сидела прямо на станине одного из камнеметов, следя за роющимися в пыли курами. Куры частью крутились у ее ног, частью забрели в ближнюю «пещеру» и выклевывали что-то меж сваленных там огромной кучей камней – видимо, снарядов для «тяжелого оружия».

Впрочем, большая часть хозяйственных хлопот наверняка оставалась скрыта от глаз: справа, начинаясь от дома, к дальней стене тянулись жердяные сараи, в которых кто-то мычал, ржал, хрюкал, стучал и позвякивал, слева стояли стена к стене несколько амбаров, срубленных из бревнышек всего в голову толщиной, причем каждый имел прочную дверь с наружной железной пластиной поперек створки. За амбарами виднелся стог сена высотой с трехэтажный дом. Мало того – каждая из хозяйственных построек имела чердак, и из каждого чердака тоже выпирало плотно набитое сено.

Впрочем, Андрея больше всего заинтересовало, естественно, оружие. Он сбежал по лестнице, двинулся через двор к дальней стене и...

– Вика? – Он остановился, глядя на девицу в длинном платье, подвязанном красным пояском под самой грудью, и в платочке, из-под которого свисала чуть ниже лопаток коса с

атласным бантиком. Розовые щеки с ямочками, те же тонкие губы, те же глаза и вздернутый остренький нос. Он повысил голос: – Вика?

На этот раз величаво ступающая с коромыслом на плечах девушка повернула к нему голову, смущенно улыбнулась:

– Меня кличешь, Андрей Васильевич?

– Ты кто?

– Варвара я, Андрей Васильевич, – остановилась та. – Старого Трощенко дочь, нешто не признали?

– Считаю, что признал... – Зверев перевел взгляд на деревянные ведра, и его осенила мудрая мысль: – Ну-ка, поставь!

– Зачем тебе, Андрей Васильич? Никак, напиться желаешь? Так вода – она колодезная. А ты, сказывали, недужил изрядно...

Тем не менее, коромысло Варвара опустила, положив поверх ведер, и смущенно потупила глаза. Андрей убрал коромысло в сторону, подождал, пока вода успокоится, и наклонился над одной из бадеек. Не зеркало, конечно – но уж получше узенького клинка.

Из темной воды на него глянуло почти знакомое лицо. Разве только чуть попухлее, и волосы длинноваты. Отросли, что ли, за время наркоза? Тело тоже показалось не совсем знакомым. Вроде и не жирное – живота он у себя нынешнего не отметил, – а все равно крупноватое.

Зверев решительно расстегнул френз, сунул ее девушке, содрал с себя рубаху, снова склонился над водой.

Зрелище открылось весьма неплохое. Чертовски неплохое. Не Шварценеггер, конечно, но мышцы вырисовывались весьма рельефные. Витя Стеблов с параллельного класса уже год культуризмом занимался – так он даже близко к такой картинке не подошел, хотя и любил выпендриться, в одной футболочке после физкультуры по этажам пройтись – как бы жарко ему, вот и не одевается. Да, такое и вправду только во сне привидеться может.

И тут Андрея посетила еще одна мысль, на этот раз шальная. Он решительно поднял бадью и опрокинул себе на голову.

– Ой-ё-о... – От неожиданного ледяного холода на миг перехватило дыхание. Кожа мгновенно покрылась мелкими мурашками, плечи свело. Мерзкий холодный ручеек заструился со спины в штаны.

– Да ты что же, барчук?! – с крыльца с дробным топотом слетел Пахом Белый, накинул ему на плечи опашень. – Что же ты творишь?! В горячке еще вчера метался, а ныне уж, не помолясь, без парилки, под воду холодную лезешь! А ты, дура, чего смотришь?! Плетей на конюшне давно не пробовала? От, боярыня тебя вдосталь накормит!

– А я? – растерялась Варя. – Я чё? Я...

– Порты сухие тащи, дура! Белье за домом сохнет. Неси, пока не заметил никто...

Дядька, обняв Андрея поверх овчинного опашня, потянул его вверх по ступеням, в дом, и дальше – в комнату, в которой Зверев очнулся. Здесь торопливо растер юношу внутренним мехом одежды, сбросил ее на пол, откинул с постели покрывало с кружевным краем, приподнял одеяло и чуть не насильно уложил Андрея туда:

– Что же ты, барчук?! Ну да ладно. Я быстро одежду отнесу да баню велю стопить. А как Варька порты принесет, в сухое переоденешься.

Молодой человек не ответил, переваривая неожиданные результаты эксперимента.

Он чуть не задохнулся от холода! Во сне такого не бывает. Во сне может быть просто холодно. Но уж ведро колодезной воды на голову во сне – от такого просыпаются, порой даже с криком. Если наяву спящего облить – вскочит. Да чего там сон! Сознание человек потеряет – и то его ведром воды в чувство привести можно! А тут... Как наяву!

В дверь бесшумно просочилась девушка. Втянув голову в плечи, она кинула на сундук неглаженные портки и черные шаровары, тут же выскочила наружу. Андрей поднялся, передел нижнее белье, опоясал рубаху и снова лег в постель. Ему нужно было хорошенько подумать.

В глубине души он все еще продолжал надеяться на то, что это все-таки сон. Или наркоз. Всплыла даже мысль о коме, но ее молодой человек усилием воли зачихал обратно в подсознание. Безнадежные варианты Звереву не нравились.

– Итак, пусть это будет просто очень крепкий, правдоподобный сон, – вслух предположил он. – Такой яркий сон, что в нем можно утолить жажду, наестся, ощущая вкус, и чуть не схватить паралич от холода, вылив на себя ведро воды. Неплохие впечатления. С другой стороны – что будет, если тут во сне мне дадут дубиной между глаз? Сотрясение мозга и полный букет сопутствующих ощущений? А если в водоворот речной попаду и утопну? Я на самом деле копыта откину – или все же проснусь, получив все полагающиеся впечатления?

Ближайшая аналогия, что пришла в голову, – это фильм «Матрица». Только там человек во сне мог получать такие же яркие впечатления, как в реальности. Но в «Матрице» после «впечатления смерти» герои умирали...

– И проверять на себе, правда это или нет, как-то не хочется... – закончил мысль Андрей, вылез из-под одеяла и принялся одеваться. Лежа думалось плохо – хотелось побегать из угла в угол.

– Да, влип я по полной программе. – Накинув на плечи ферязь, он отошел к окну, выдернул-таки из кольца крючок и толкнул выходящие на двор створки. – Сон не сон, а шкуру надобно беречь со всем тщанием. Если, чего доброго, после смерти мне еще и ад так же ярко причудится, то – бр-р-р.

У дальней стены между камнеметами на длинном поводке мальчишка гонял по кругу серого коня, а другой сидел у скакуна на спине.

– Наездники... – пробормотал Андрей. – А ведь мне, верно, в этом сне тоже придется к седлу привыкать. И почему я на компьютер, кроме авиа- и автосимуляторов, ничего не ставил? Сейчас бы половину проблем уже снял.

Теперь оставался вопрос номер два: что делать с этим смачным сном до пробуждения? Остаться в усадьбе – или признаться, что он никого и ничего не знает, никому не родственник и вообще чужой?

– Допустим, я признаюсь, – прикинул он. – Вариантов два. Либо мне поверят и отпустят на все четыре стороны, либо сочтут, что я после горячки сбрендил. Тут, судя по мечам, камнеметам и арбалетам, царит глухое средневековье. Как в те времена сумасшествие лечили? На цепь в холодный погреб, и бить плетью, пока болезный за ум не возьмется? Нет, что-то не нравится... Особенно с учетом яркости впечатлений... А если поверят – что тогда? Пинка под зад и за ворота? И я останусь в чистом поле голый, босой, без денег, без дома, да еще не представляя, что это за мир, с чем его едят, каковы его законы и где вообще я нахожусь... Классная перспектива. Даже не знаешь, что и лучше. Психа хоть и бьют, но подкармливают. А тут... Траву, как лошади, жрать? Так ведь даже на траве только до первого снега дотянешь.

Получалось, у него оставался единственный разумный выход: признать себя пока здешним барчуком. Тем более что именно таким его вроде и считают, а странности на недавнюю горячку списывают. Язык здешний он вроде понимал – видать, некоторые навыки в новом теле остались. Относятся все с дружелюбием, отдельные промахи простят. Можно пожить да хоть немного оглядеться первое время. А там видно будет...

Отцовский подарок

– Оделся, барчук? На, выпей! – Пахом вошел с каким-то кожаным мешочком в руках, протянул Андрею.

Бурдюк туго стягивался вокруг деревянного горлышка с болтающейся на коротком шнуре пробкой. Зверев запрокинул непривычную флягу над головой, не сразу догадавшись, что мешочек нужно отдельно поднять за острый хвостик, сделал несколько глотков и только тут сообразил, что в мешочке – чуть сладковатое терпкое вино. Он оторвался, отер губы, протянул бурдюк обратно:

– Спасибо. Хорошая штука.

– Ты допивай, допивай, – потребовал дядька. – Пусть кагор² кровушку согреет да по жилам разгонит. Пей.

Андрей не заставил себя уговаривать дважды, допил вино, вернул кожаную флягу Белому. Ему действительно сразу стало тепло, даже захотелось расстегнуть флязь. В голове тоже появилась приятная расслабленность. Во всяком случае, чувствовал себя Зверев уже не так тревожно. А может, беспокойство ушло с принятием решения. Теперь он знал, что делать.

– Пожалуй, чувствую я себя вполне здоровым, Пахом, – решительно сообщил Андрей. – Нечего мне более в постели валяться. Давай, покажи мне крепость.

– Какую крепость, барчук? – не понял дядька.

– Ну... – Андрей запоздало сообразил, что как сын хозяина, выросший в этих стенах, он и так все должен отлично знать. – Я хотел сказать, давай пройдемся немного? Свежим воздухом подышу после болезни.

– То мысль добрая, – тут же кивнул Белый. – Пошли. Токмо, чур, не обливаться боле!

– Не буду, – пообещал Зверев. – То помутнение на меня нашло какое-то. Но теперь буду держать себя в руках.

– Да я и вижу, горячка след свой оставила, – согласился дядька, выходя в горницу. – К озеру пойдем? Свечу за исцеление, опять же, поставить надобно.

– Давай на стену сперва поднимемся?

– Отчего не сходить? Глянем заодно, все ли ладно там...

Спустившись с крыльца, Пахом повернул направо, нырнул в проход между домом и хлебом, обогнул груды соломы, прикрытую рогожей, затем по узкой тропе, вытопанной вдоль склона, поднялся на земляной вал и тут же глянул в одну из бойниц:

– Блестит сегодня золото как, барчук, глянь.

Андрей подошел к соседней бойнице, выглянул. По сторонам, куда ни падал его взгляд, растекался бескрайний океан густого зеленого леса. Лишь изредка то тут, то там, светились проплешины полей или поблескивали влагой небольшие озера. Слева, справа, вдалеке поднимались еще холмы, но уже не такие высокие, а далеко у горизонта поблескивало что-то желтое, словно велосипедный катафот.

– Что это там такое, Пахом?

– Как что? То ж Луки, барчук, нечто забыл? Купол храма Вознесенского золотом на солнце отливает.

² По какому-то недомыслию принято считать, что в XVI веке Русь и Западная Европа имели друг о друге расплывчатое представление и поддерживали очень слабые контакты. Между тем, на Руси еще в начале XVI века имелся полноценный «иностранный легион» из обедневших европейских дворян. В частности, при штурме Казани евраемники (англичане, немцы, поляки) составляли шестую часть русских войск – 10000 человек! (см.: «Сказание о начале царства Казанского и о взятии онаго» / Автор неизвестен, написано в 1564–1565 годах («Соловецкий список»)). При «слабых связях» такое просто невозможно. Кроме того, вина на Руси предпочитали испанские, французские, рейнские. Для церковных треб использовались исключительно французские вина! (см.: «Иван Грозный, историческое исследование» / Казимир Валишевский).

– Какие Луки-то?

– Да не какие-то, а Великие! В прежнюю-то пору звали их оплечьем Новагорода Великого супротив Литвы, а ныне предсердием Москвы кличут!

«Великие Луки, – тут же шелкнуло в голове Зверева. – Это, помнится, где-то в Псковской области. Граница с Белоруссией, кажется. Ну, теперь хоть что-то понятно. Значит, я в России. Вот только...»

– А какой ныне год, Пахом?

– Дык, семь тысяч пятьдесят третий, барчук, какой же еще? Али изменилось что округ, пока ты недужил?

«Так я, что, в будущем? Мир после атомной войны? Ничего себе фокус!»

– Семь тысяч пятьдесят третий... От Рождества Христова? – после короткой заминки уточнил он.

– Шутишь, барчук? – рассмеялся Белый, постукивая по торчащим из земли кольям в полметра толщиной. – От Рождества Спасителя! От сотворения мира, вестимо.

– А-а-а... – Перевести одни даты в другие Зверев с ходу не мог, но понял, что находится все же в прошлом. Где-то лет четыреста тому назад.

– Подгнило бревно... – остановился возле одного из кольев дядька. – Тут, конечно, не так опасно, но поменять надобно.

– Пахом, а почему с той стороны и самострелы, и камнеметы, а с этой – ничего?

– Склон здесь и круче, и выше, барчук, сам глянь. Опять же, через дубраву лестницы нести неудобно, а без них тут не залезешь. С востока речушка к стене не даст подойти, с запада – озеро всего в ста саженьях, лучники всех ратников посекут, пока те на штурм собираются. Твердыня любая – она ведь не стенами, она людьми сильна. А с северной стены и приметы поставить можно, и дорога до самых стен имеется. Ее держать крепче всего и надобно.

Они двинулись дальше, к западной стене. С нее Андрею открылось озеро в форме правильного креста – прямо как рукотворное. Возле самого берега поднималась рубленая церквушка с остроконечной маковкой, обнесенная простенькой изгородью в три жердины. За изгородью чернели вскопанной землей ровные грядки, однако возле самых стен покачивались ветви сирени – священник здешний заботился не только о желудке, но и о красоте. По ту сторону, к северу от озера, поднимался еще один холм, куда более высокий, нежели тот, на котором стояла боярская крепость, и почти совершенно лысый, если не считать редких чахлах кустиков.

– Вон, еще одну крепость соорудить можно, – кивнул на нее Андрей.

– На Сешковской горе, что ли? – Пахом торопливо перекрестился. – Скажешь тоже, барчук... Там же нечисть водится! Что ни полнолуние, то огни странные светятся, голоса звучат. Леших не раз смерды на ней видели, духов вида страшного. Сам Дьявол, сказывали, раз с горы к дальнему Колошину озеру напиться ходил, а наутро там рыба вся передохла и вода серой воняла до ужаса. Кровь из земли еще, сказывали, от плача детского проступает, навки хороводы водят в ясные ночи и уж с полтора десятка парней с окрестных селений переловили. Сказывали, князь старый, Семен Друцкий, сюда наезжал, мыслил обосноваться у озера святого, а как домой вернулся, в три дня и зачах. Ты не ходи туда, барчук, ой, не ходи. Знаю, дело молодое, удаль показать хочется, девок поугагать. Но ты не ходи. Там и в обычный день враз сгинешь, голоса подать не успеешь. А уж ночью али днем перед полнолунием такие страсти случаются...

Вон, с благословения епископа Филарета церковь поставили, землю от бесов отмаливать. Двое батюшек там, без матушек, и послушников двое с Печорской обители. Трудятся, молятся, поклоны кладут, власяниц не снимают. Ходят на гору, водой святой поливают. Ан, что ни год, а из святых отцов половина наш мир покидает. В детстве твоём, барчук, случилось, что ночью прибег отец Афанасий – простоволосый, седой весь, без креста и в платье рваном. Призвал Господа нашего Иисуса громким голосом да прямо на пороге и упал. А за ним по пятам туман шел

цвета желтого, и голоса из него звучали. Насилу успели батюшку втащить да ворота запереть. У нас тут освящено все, с благословением выстроено, к нам нечисть не ходит. Вот... Пошли мы поутру в храм – а в нем ворота с петель сорваны, кресты опрокинуты все, и нет никого. Так и не нашли в тот раз никого из святых отцов. А отец Афанасий до утра кричал страшно да с первыми лучами и преставился. Вот так, барчук. Спустя месяц токмо новые монахи приехали, подвиг вершить.

Дядька внушительно цокнул языком.

– Коли так страшно на горе, откуда люди знают, что там кровь из земли течет или духи всякие из угла в угол бродят? – недоверчиво поинтересовался Андрей. – Кто же ходит туда за водопоем дьявола наблюдать?

– А куды ты денешься, коли баран или коза отбились и на гору ушли? Трава там, глянь, какая зеленая, хоть и осень ныне. Летом и вовсе смотреть завидно. Скотина и блазится. Забредет буренка на гору – тут и Дияволу в пасть полезешь, кормилицу выручать.

– Да, жизнерадостные места, – передернул плечами Андрей. Он думал о том, в реальности он находится или все же во сне? Если во сне – то тут вполне могут водиться и лешие с навками, и дьяволы с огнедышащими драконами. – А в другие места эта нежить не ходит?

– Некуда, боярин. До усадьбы князя Друцкого отсель верст десять, так далеко лешаки наши не захаживают. До Лук Великих им и вовсе не добраться. Деревня Бутурли, что отцу твоему принадлежит, – за озером Крестовым в пяти верстах, за речкой Линницей, на восток. Норково еще дале, в аккурат у самого озера Северета³. Здешние же смерды в усадьбе привыкли обитать. Места наши беспокойные, токмо за стенами не страшно. В дальних деревнях люди в схронах лесных, почитай, столько же, сколь и в домах своих живут. А наши хоть и не так вольготны, ан за живот свой не боятся. Крепостные люди. Завсегда при крепости. Да ты, барчук, и сам знаешь.

Пока они добрались до северной стены, ратники уже успели разойтись в разные углы и, сжимая копыя, сурово таращились в бойницы. Пахом на них внимания не обратил, простучал только бревна тына. Андрей же первым делом самострел осмотрел. Устройство это было простое. Деревянная дуга с толстой тетивой, ворот для натягивания и штырь, что утапливался в ложе при нажатии на медную боковую кнопку. Судя по размеру ложа, стреляло оружие одинокими стрелами – но довольно толстыми, с большой палец диаметром.

Из бойницы вид открывался благостный: сразу за крутым, градусов сорока пяти, склоном начинался луг, который тянулся до древних курганов – пяти остроконечных холмиков в три человеческих роста высотой. За курганами начиналась густая дубрава. Судя по всему, здесь вообще ничего, кроме дубов, и не росло. Через луг от усадьбы тянулась дорога, что отворачивала за дубравой куда-то вправо. Там еще проглядывал край желтоватого жнивья – видимо, скошенного хлебного поля.

Над воротами на стене стоял бревенчатый терем – тоже с бойницами, с дырками в полу. Зачем, Андрей и сам догадался: если враг взломает первые ворота, то, пока он ломится во вторые, через дыры в него можно стрелять из луков, метать копыя и лить кипяток.

– Здесь колья сухие, – подвел итог осмотру Белый. – Пару лет простоят. На дуб мореный тын менять надобно, на дуб. Да пока его вымочишь, ужо внуки вырастут.

– У тебя много внуков, Пахом?

Дядька дернулся, сморщился:

– Мыслю, много быть должно. Да где они все ныне? Кто ведает... Ты как, барчук, отдыхать ныне пойдешь, али делом займемся?

– Делом, – тут же встрепенулся Андрей. – В постели поваляться еще успеется.

³ Ныне озеро Дергановское.

– И то верно, – согласился дядька. – Негоже молодцу к перине привыкать. Перина – для стариков немощных. Отроку же в седле жить надобно. Спускайся к воротам, а я лук принесу.

К терему вела своя, деревянная лесенка. Зверев спустился по ней, миновал скучающего паренька лет шестнадцати с копьём и круглым щитом. Тот низко поклонился. Андрей кивнул в ответ, вышел из усадьбы и остановился, повел носом, втягивая влажный аромат травы, прислушиваясь к стрекоту кузнечиков, дыша полной грудью.

Нет, все здесь было настоящим. Слишком, слишком настоящим. И все же... Четыреста лет в прошлое – разве это возможно? Как он мог сюда попасть? И как долго здесь пробудет?

– С другой стороны, – отметил он, – теперь мне не нужно ходить в школу и зубрить уроки. А главное – уж отсюда меня точно в армию не призовут. Руки у военкомата коротки.

– Держи, – появился из ворот Пахом. За спиной его, на скрещенных ремнях, висели два колчана. Андрею же он протянул широкий серебряный браслет, украшенный синей, зеленой и красной эмалью и несколькими жемчужинами. – Чего любишься? На запястье надевай! Бо забудешь, опосля тетива руку порежет.

– Как порежет?

– Как-как... Как стрелу выпускаешь, тетива часто до руки, что кибить держит, достает. Тугая – оттого и режет, что нож вострый. Айда на озеро.

У основания «перекладин» крестообразного озера поднимался небольшой взгорок, перед ним из земли торчал совершенно иссеченный пенёк в половину человеческого роста. Дядька остановился метрах в двухстах от него, расстегнул колчаны. В одном оказался двояковыгнутый лук, в другом – толстый пук стрел.

– Давай, – разрешил Пахом, вешая колчан со стрелами Андрею через плечо, а сам уселся на травку позади паренька.

Зверев вытянул одну из стрел, наложил ее на тетиву, попытался натянуть, зажав двумя пальцами.

– Да ты чего, барчук, первый раз лук в руках держишь?! – неожиданно возмутился Белый. – Чего ты комель, как девку за сосок, тискаешь? Кольцо у тебя на что? Браслет? Ты чем тетиву держишь? Ох, горе мое!

Дядька подскочил, развернул браслет выпуклой стороной внутрь, потом показал, как вложить тетиву в паз кольца, что украшала у Андрея большой палец, как зажать кончик большого пальца указательным.

– А стрелу комельком аккуратно меж пальцев клади. Припомнил? А коли так, то стреляй!

Андрей решительно натянул лук – от натуги зазвенело в ушах и что-то затрещало в позвоночнике. Каким-то усилием воли ему удалось еще и направить кончик стрелы в сторону пня. Он ослабил указательный палец – тут же тугая тетива, расправляясь, вырвала большой и басовито запела, подобно гитарной струне... А у пня, в самой середке, вырос новенький оперенный сучок.

– Молодца! – похвалил дядька, усаживаясь обратно в траву. – Токмо запутался ты маненько. Неча натягивать лук, покуда не заметишься. Этак у тебя никакой силы не хватит. Ты прицелься, а уж опосля натягивай да спускай.

Сказать это куда легче было, нежели сделать. Лук – это не «Калашников», прицела на нем нет. И как только Зверев попытался как следует целиться – стрелы тут же начали лететь куда угодно, но только не в пенёк. Вторая, третья... десятая... двадцатая... Мимо. Вскоре развлечение начало ему надоедать, заныли мышцы спины и рук, тетива нахлестала синяк рядом с браслетом – он оказался закреплен слишком низко.

– Да, не ладится у тебя ныне, барчук, – покачал головой Белый. – Ладно, положь пока лук, отдохни. Давай в ножички поиграем, разомнемся маненько. Ты чего, пояса своего не надевал? Ну, да ладно, у меня два.

Дядька поднялся, выдернул из ножен у себя на поясе два ножа. Тот, что подлиннее, с половину локтя, оставил себе, а тот, который лезвием всего с ладонь, протянул Андрею:

– Давай, барчук, нападай.

– Так нечестно! – возмутился Зверев. – У тебя нож больше!

– А я тебя не справедливости учу, дитятко. Я тебя побеждать выучиваю. Невелика мудрость того, что слабее, одолеть. Ты сильного завали!

– Ладно, давай... – вздохнув, смирился Андрей.

Он взялся за нож, чуть пригнулся и сделал выпад, норовя уколоть Пахома в живот. Тот отскочил, возмущенно сплюнул:

– Да ты, никак, все на свете запомнил, барчук?! Кто же так нож держит? Кто колет им, яко мечом? А ну, у меня кольчуга под рубахой, али пряжка какая, али на ребро клинком попадешь? У тебя лезвие упрется, а перекладыны на ноже нет. Рука соскользнет – сам же и порежешься. Это мечом так бить надобно, он и броню, и ребра, что масло, рассечет. А ножом режут, барчук, режут! Давай, рукоять в кулак, да лезвие вниз опусти, дабы не светилось понапрасну. Неча раньше времени его ворогу показывать. Кулаком бьешь как бы, а клинок следом и проскальзывает. И лучше сразу в горло, коли открыто, метить. А не достать – по рукам секи, по рукам. Чем боле порезов, тем сильнее кровь стекает. Чем сильнее течет, тем ворог слабее. По запястью с внутренней стороны чиркнуть удобно али выше, вот тут, под локтем. Но коли плечо подставилось, то и его секи, и поглубже. Больше пусть истекает, больше. Десять порезов длинных один удар смертельный заменяют. Уклониться от них куда как сложнее, а сделать проще. Дотянешься до груди – тоже секи. Хоть знать будешь, есть броня какая али нет. Коли на землю тебя свалят – вот здесь, под бедрами режь. Место тут смертельное, жила толстая. Чикнешь – за минуту ворог истечет. А брони тут даже у кавалеров ливонских нет, коли снизу бить. Понял, барчук? Ну, так давай!

Андрей перехватил нож по-испански, клинком вниз, и начал новую атаку, метясь дядьке в горло. Не тут-то было. Пахом отскакивал, уворачивался, отмахивался, уклонялся. Зверев то и дело чувствовал, как по его рукам чиркало тыльной стороной пахомовского лезвия. Пару раз оно же «резануло» и ноги. Поняв, что «убит» уже раз пять, Андрей сменил тактику. Теперь он не столько стремился к горлу противника, сколько не упускал возможности то «подрезать» руку, которой дядька парировал его выпад, то чикнуть выставленную вперед ногу. Белый при этом очень правдоподобно вскрикивал, отдергивал руки, припадал на ногу – и в один из таких моментов Андрей с гордостью прижал кулак к его горлу:

– Ты убит, Пахом!

– Ой! – Дядька охнул, отвалился на спину, раскинул руки и простонал: – Все, лежать мне ныне на сырой земле. А тебе, барчук, лук в руки брать да опять в пенек метиться. Отдохнул – и хватит.

– Хитрый ты, Пахом, – покачал головой Андрей, но за лук взялся. Достал из наполовину опустевшего колчана очередную стрелу, зацепил тетиву пальцем, поставил паз стрелы на тетиву, навел острием на пень.

Ему внезапно вспомнилось, откуда взялся знаменитый символ «виктория»: пальцы, поднятые в виде буквы «V». По слухам, попавшим в плен английским лучникам немедленно отрубали на правой руке указательный и средний пальцы, которыми они оттягивали тетиву. Поэтому на вопрос, как дела, более удачливые лучники обычно вскидывали эти два пальца: дескать, видишь – не отрублены. А значит – все в порядке.

На Руси знак этот особо не прижился. Зато прижился другой. Когда спрашивают про дела здесь, то люди с готовностью вскидывают большой палец. Может быть, потому, что именно этим пальцем он сейчас оттягивает тетиву...

Андрей потянул правую руку к себе, одновременно выпрямляя левую, с луком. Свистнув, низко запела тетива, и стрела задрожала во пне рядом с первой.

– Чегой-то у тебя, барчук, токмо первые выстрелы справными случаются, – отметил с земли Белый.

Зверев хмыкнул, наложил еще стрелу, пустил... Мимо! Дядька громко хмыкнул.

– Ладно, сейчас. – Андрей снова схватился за стрелу, навел наконечник на пень и... Опустил оружие.

Метиться из лука в цель было бесполезно. Все равно тетиву он оттягивал не к глазу, а за ухо. К тому же стрела уходит не прямо, а чуть влево, куда ее уводит выпирающая в обе стороны толстая рукоять. Прицелиться из лука невозможно. Можно только знать, куда пойдет выпущенная из этого лука стрела. Можно привыкнуть к тому, куда нужно смотреть, куда направлять оружие, чтобы попасть в выбранную точку.

Это как на велосипеде. Нельзя научиться ездить на нем по книжке. Все равно при первых попытках будешь падать, падать и падать. Можно только приноровиться, научиться держать равновесие, научиться нажимать на педаль, а не тормозить, чтобы не упасть; нужно привыкнуть инстинктивно выбирать нужный уровень наклона, при котором не падаешь во время поворота, причем наклон каждый раз должен быть иным в зависимости от скорости и крутизны поворота, но каждый раз единственно верным – иначе не обойтись без драных коленок и разбитого лба.

Точно так же и с луком. Здесь нет смысла в остром глазе или трезвом расчете. Все решает только опыт, практика. Умение точно стрелять из лука – это навык, засевающий в мышцах спины, рук, ног. Это умение не человека, а его тела, выработанный за несколько лет инстинкт. Чтобы попасть в цель, нужно выстрелить раз сто. Чтобы попадать сто раз, нужно выпустить тысячу стрел. Чтобы попадать всегда – сто тысяч. Два раза он выстрелил без тщательного прицеливания – и оба раза попал. Значит, в его теле этот навык есть. Нужно только не мешать ему своими стараниями...

Андрей коротко выдохнул, поудобнее расставил ноги, примериваясь – где находится пень, а где он сам, – поднял лук и, не столько целясь, сколько просто желая попасть между двумя первыми стрелами, рванул тетиву.

Цок! Между двумя первыми появилось еще одно оперение. Зверев поднял колчан, перекинул его перевязь через плечо и раз за разом расстрелял последние стрелы. Чок, цок, цок, цок, цок! Пять попаданий, два промаха.

– Ужо славно, славно, барчук! – поднялся Пахом. – Погоди-ка, я сбегаяю, стрелы соберу. Опосля еще раз опробуем.

Второй раз из полусотни стрел Андрей вогнал в древесину не меньше сорока. Дядька сбегал за ними, а вернувшись, взял воспитанника за руку и отвел уже метров на триста от пня:

– Давай, барчук. Раз десять попадешь – и вечерять пойдем. Чую, смеркается. А тебя еще банька жаркая ждет, остатки немочи из тела выгнать.

«Триста метров – дальность прямого выстрела из „АКМ“», – почему-то вспомнилось Андрею. Он повел уже изрядно ноющими плечами, удобно расставил ноги, сыпанул стрелы в колчан, сдвинул его за бедро и взялся за тетиву.

Под басовое пение тетивы стрелы одна за другой ушли в сторону озера. Зверев перевел дух, неторопливо спрятал лакированный лук в чехол, накрыл крышкой.

– Готово.

– Че, и глянуть не хочешь? – прищурился Пахом.

– Глянуть? – снисходительно хмыкнул Андрей, но не выдержал: – Пошли!

Быстрым шагом он первым достиг пенька и довольно рассмеялся: из деревяшки торчало не меньше полутора десятков стрел.

– А, видал? – довольно пнул он Белого локтем под бок.

– Ловок ты, барчук, в силу вернулся, – признал дядька. – Ан все едино, из пяти стрел токмо две в ворага положишь. А иной татарин из десяти девять попадает. А ну, с таким Господь встретиться доведет?

– Коли доведет, и двух из пяти тому хватит, – пообещал Зверев. – Пойдем домой, Пахом. У меня всю спину уже ломит.

– Ниче, барчук. Парком да веничком еловым всю боль прогоним. Не впервой.

Андрей подумал, что дядька шутит, но он жестоко ошибался. Когда они, вернувшись и оставив оружие и верхнюю одежду, отправились в баню, Пахом заварил в кипятке пучок зеленых еловых лап, отчего парилка наполнилась едким смолистым запахом. Пару раз поддав квасного пару, дядька уложил паренька на живот и пошел играть по спине колючими ветвями. Звереву показалось, что его гладят раскаленным докрасна утюгом. Он даже попытался выскокить – но Белый с неожиданной силой удержал его.

– Русскому на радость, бесам на испуг, – продолжал охаживать его веником Пахом. – Нет тебе, лихоманка, тут места, нет тебе тут отдыха. Коли в огне не сгоришь, то в воде потонешь, коли в воде не потонешь – в пару задохнешься, а в пару не задохнешься – в ели обдерешься. Не бывать тебе в теле человеческом, не пить жизни христианской. Во имя Отца, и Сына и Святого Духа. Аминь!

– Ой, мама... – Когда боль из спины ушла, Андрей обнаружил, что двигаться не может. Совершенно. У него не оставалось сил шевельнуть ни рукой, ни ногой. Хотя, надо признать, Белый не обманул. После елового веника мышцы на спине и в руках болеть перестали. Испугались, наверное.

– А теперича щелоком сполоснемся. Видано ли дело, полную седмицу без бани! Тут без мочалки не обойтись...

Андрей почувствовал, как на него что-то вылили, прошлись мочалкой, но отозваться смог, только когда его перевернули на спину:

– Я сам, Пахом.

– Да лежи уж, дитятко. Ты после горячки, такому в слабости стыда нет.

Где-то через полчаса, дважды ополоснувшись и облачившись в чистые рубахи, они выбрались на лавку на улицу, хлебнули оставленного на скамье холодного шипучего кваса.

– Ну, чего скажешь, Андрей, Васильев сын? – откинулся на бревенчатую стену дядька.

– Скажу, что, если это сон, то я папа Римский.

Пахом довольно захохотал, отхлебнул еще квасу, налил полный корец, протянул пареньку:

– Пей. Бо пота много вышло, надобно попить чего заместо, дабы сушняка не случилось. Хорошо. Силы старые ушли, ныне свежие появятся.

– Скоро?

– Скоро, барчук, скоро. Как матушке Ольге Юрьевне ждать нас к трапезе закатной надоест, враз и появятся.

– Белый!!! – послышался со стороны дома женский крик. – Белый, ты где?! Боярыня кличет!

– Вот и оно, барчук. Хошь не хошь, а идти надобно. Вечерять пора.

В этот раз в трапезной за столом собралось семь человек. Кресло по-прежнему пустовало, справа от него сидела здешняя хозяйка, внешне и вправду сильно похожая на маму Андрея – ничего удивительного, что он обознался, когда пришел в себя. Женщина постоянно смотрела на Зверева как-то по-собачьи, с мольбой и радостью, словно была чем-то перед ним виновата. Самого паренька посадили слева от кресла. Дальше, за углом стола, сидел Пахом и еще трое мужчин, похожих друг на друга окладистыми бородами и солидным возрастом. За хозяйкой, тоже за поворотом стола, неторопливо кушала сухонькая женщина лет пятидесяти. С коричневым лицом, остроносая, с мелкими седыми кудряшками, она походила на крысу, которой на голову натянули кусок овечьей шкуры. Андрей так решил, что за хозяйский стол были допущены самые доверенные и заслуженные из слуг – но он вполне мог и ошибаться. Может, это родственники?

– Ты кушай, сыночек, кушай. Тебе силы восстанавливать надобно. Вот, карасиков в сметане возьми, поутру из Крестцов выловили. Балык бери. Кашки, кашки не забудь. Сыру передать?

– Нет, спасибо... – Андрей поколебался и добавил: – Матушка...

– Да ты кушай, кушай! Чего же ты не ешь совсем?

– Ой, матушка, ем, сколько влезает. А больше, не обессудь, не могу.

Пахом Белый на своем месте тихонько хмыкнул, его сосед опустил голову ниже. Крысиная старушка, наоборот, вскинулась, но промолчала. Хозяйка же лишь улыбнулась:

– Ну, кушай, Андрюшенька, сколько сможешь...

На самом деле Зверев успел одолеть уже большущую миску запеченных в сметанном соусе рыбешек – штук пять, и каждая с ладонь, – белесое заливное из какой-то белой рыбы, обильно украшенное луком и морковкой, сладкую кашу из тыквы и пряную, с шафраном, щучью спинку. В нормальной жизни этого хватило бы ему на неделю.

– Спасибо, очень вкусно. Но больше не могу.

– Благодарствую за угощение, матушка Ольга Юрьевна... – Пахом поднялся, широко перекрестился и склонился в поклоне.

– Благодарствую, – повторил его жест сидевший рядом рыжебородый мужик.

– Спасибо, – еще раз повторил Андрей, поднялся, перекрестился, склонился в поклоне и выбрался из-за стола.

– Устал, кровинушка моя? – Хозяйка жестом подозвала его к себе, наклонила, поцеловала в лоб. – Ну, иди, сыночек, отдыхай...

Дорогу в свою комнату Зверев уже помнил, а потому легко нашел, несмотря на сумерки, наполнившие дом. В животе было тяжело и сладко, голова чуть кружилась, глаза слипались – словно после бутылки пива. Андрей разделся догола, аккуратно сложил одежду на сундук, забрался под одеяло, глубоко утонув в нежной перине, и провалился в сон, едва коснувшись головой подушки.

Почти сразу неподалеку зазвучал колокол – надрывно, упрямо, звонко.

«Телевизор, что ли, соседи включили? – сквозь дрему подумалось ему. – Зачем же в такую рань? Сегодня вроде воскресенье, в школу не нужно».

А еще он вспомнил невероятный сон, что причудился ночью. Что он – барчук в богатой усадьбе, что ловко стреляет из лука и умеет правильно драться на ножах.

Андрею даже было жалко открывать глаза и возвращаться в этот скучный однообразный мир, где нужно зубрить матанализ и органическую химию, где на завтрак кормят сосисками и макаронами с кетчупом, а потолки всегда белые, словно саван.

Но вставать, хочешь не хочешь, все равно нужно. В кровати ведь всю жизнь не проведешь.

Он откинул одеяло, сел в постели и открыл глаза. Закрыл и снова открыл, не зная – радоваться увиденному или огорчаться?

– В общем, в школу я сегодня не ходок, – сделал он верный вывод, дотянулся до сундука и через голову влез в рубаху. Опоясался, раз уж дядька так учил, натянул порты, шаровары. Встряхнул портянки, вспоминая, как их нужно наматывать.

Тут дверь приоткрылась. В комнату заглянула Варвара, коротко поклонилась:

– Доброе утро, Андрей Васильевич, – и принялась расправлять одеяло.

– Ты чего? – от неожиданности не сразу нашелся Зверев.

– В светелке прибору, Андрей Васильевич, – оглянулась через плечо девушка.

В простеньком белом сарафане – только волосы прикрыты блестящим бисерником, – она без тени смущения крутилась у него в спальне, старательно застилала постель. В отличие от Вики, ухо у нее проколото не было, и никаких сережек в нем не блестело. Но в остальном... Просто невероятно!

– Варя...

– Что, Андрей Васильевич? – с готовностью оглянулась она.

– Я хотел сказать... Ты красивая, Варя. Ты очень красивая.

Зардевшись, девушка пригнула голову и продолжила свое занятие.

И что дальше? Будь он в своем мире, мог бы предложить ей сходить в кафе или в кино, на дискотеку, съездить за город. А что здесь? Что можно предложить девчонке в этом мире, чтобы как-то завязать отношения? Не в церковь же ее звать или на Сешковскую гору за приключениями?

Тут в светелку заглянул Пахом и довольно пригладил бороду, увидев почти одетого Андрея:

– От, чудеса какие баня за один раз с немощными людьми творит! Ты ферьязь не надевай, барчук. Я сейчас поддоспешник принесу. Разомнешься после ночи.

Поддоспешником оказалась плотная и короткая, до пояса, куртка из войлока в палец толщиной, с застежками-крючками на левом боку. В этом облегающем тело валенке Андрею сразу стало жарко – но если бы Белый ограничился только им! Застегнув паренюку крючки, он открыл сундук под иконой и с усилием вынул черную шелестящую кольчугу:

– Поднимай руки, барчук, помогу облачиться...

Гибкая железная броня весила килограммов двадцать и сразу навалилась на плечи, прижимая Зверева к земле. Однако дядька этого, кажется, вовсе не заметил, указал только на висящую на стене саблю:

– Пояс не забудь! Пошли.

На улице, возле крыльца, их ждали два щита и меч в кожаных ножнах. Пахом обнажил его, рассек воздух:

– Для начала попроще будем. Все же слаб ты пока. У меня меч тяжелый, у тебя сабля легкая. Бери щит. Как рубиться, помнишь? Места где слабые? Давай!

Андрей, естественно, ничего подобного не помнил, но решительно ринулся в атаку, норовя длинным клинком достать голову своего учителя. Не тут-то было! Круглый деревянный щит закрывал, казалось, Пахома целиком, и Зверев без толку вился вокруг, пытаясь ткнуть его сверху или сбоку острием клинка. Между тем меч Белого, неожиданно вылетая из-за щита, то и дело стучал Зверева то по руке, то по ноге. Паренек снова пришел к выводу, что конечности подрезать проще, чем добираться до горла и головы, немного увеличил дистанцию, уходя из зоны поражения мечом, но зазевался и получил довольно сильный удар пахомовским щитом в грудь.

– Что же ты ослаб-то так, барчук?! – укоризненно покачал головой дядька. – Сколько раз тебе сказывал: щитом, коли враг открылся, завсегда бить сподручнее! На нем заточки нет, им и по железу колотить не жалко. Щит тяжелый – и броню пробьет, и кирасу выгнет. А бездоспешному все ребра разом переломает. Понял? И еще... Вижу, сразить меня тебе хочется – голову снести али грудь проколоть. Желание это доброе, да токмо для поединка боле годное, не для сечи. В сече времени завсегда в обрез, да и силу беречь надобно. Посему шибко к победе полной не стремись. Твое дело – убрать ворога, дабы на поле не мешался, и все. Руку заметил – отсекай, и дальше наступай. Ногу кто выставил – ее руби, и забывай о вороге. Жив, не жив – то уж не важно. Важно – не рубится он более ни с кем. Упал, убежал – его дело. Кровь из жил вытечет – все едино преставится. До головы вражьей добраться – хлопот много, а проку никакого. По колену его стукни, чтобы упал и не мешался, и все. Поединок честный – дело доброе. Но в сече уцелеть – важнее. Все, бери щит. Нападай!

Андрей крутился вокруг Пахома довольно долго. Кольчуга – все равно, что рюкзак на плечах, да и щит с саблей легкими только первые десять минут кажутся. Сам Зверев в своем бы теле умер минут за двадцать. Барчук же, обливаясь потом, отвалился на перевернутую бадью где-то через полтора часа. Говорить он не мог – только дышал широко открытым ртом.

– Слаб ты еще после горячки, дитяtko, – покачал головой Пахом, который, даром что раза в три старше, даже не вспотел. – Анфиса, воды от колодца принеси! Андрею Васильевичу умыться. Ты пока отдохни, барчук. Броню, как на завтрак покличут, не снимай. Боярыня не осерчает. Опосля верхом к Барсучьему лесу поскачем. В седле отдышишься. Что же ты запамтовал совсем, как не уставать, клинком работая? Ты его не держи все время-то. Как не нужен – повесь перед ногой али на сгиб руки положи, на плечо, да хоть и на щит. Сабля лежит – рука отдыхает... Ну, да припомнишь еще...

Если раньше Андрей опасался того дня, когда ему придется подняться в седло, то теперь он ждал этого часа с нетерпением. Ноги гудели, горели огнем, а кольчуга продолжала давить на плечи при каждом шаге. Хоть ты к столу иди, хоть в отхожее место отлучайся. Возможность посидеть в седле, свесив ноги, воспринималась им как шанс на райское блаженство.

И действительно, ездить на коне оказалось совсем не так трудно, как он думал раньше. Может, гнедой скакун был очень умным и сам угадывал, куда нужно скакать. А может – навыки управления лошадью сохранились в «подкорке» его нынешнего тела, и Андрей, не зная, что делать, просто не мешал.

Шпор ему не полагалось. Впрочем, Зверев ничуть не огорчился оттого, что не будет колоть шипами несчастное животное. Зато барчуку полагалась рогатина: трехметровое копьё с обоюдоострым наконечником, похожим на короткий, тридцатисантиметровый меч, и толстым древком. Пахом, разумеется, отправился в путь налегке. Без пики, без кольчуги. Только сменил на поясе меч на саблю да повесил позади седла саадак с луком.

Проехав спокойным шагом версты три по дороге, тянущейся от усадьбы в сторону Великих Лук, Пахом свернул на недавно скошенный луг, пустил коня вскачь и через минуту натянул поводья возле одиноко стоящего дуба. Дерево было невысоким, но раскидистым. На одной из веток слегка покачивался на двухметровой высоте объемный чурбак размером с торс человека. Деревяшка носила следы многочисленных «ранений».

– Понятно, – опустил рогатину Андрей. – Я должен разогнаться и бить копьём в это полено?

– Нет, барчук, с ним успеется, – покачал головой дядька, закидывая на ветку тонкую веревочку с привязанным снизу стремяем. – Ты должен разогнаться по тропинке во весь опор и нанизывать на рогатину эту железку.

– Но ведь ее ветром раскачивает! Как в нее попадешь?

– А ты думаешь, в сече тебе кто-то голову или плечо под острие подставит? Они, поди, тоже будут уворачиваться. Но ты все равно попасть должен. Всегда. Поезжай, разворачивайся и скачи.

* * *

Это продолжалось день за днем. Андрей стрелял с лука – стоя, с седла и на скаку, – он то ловил копьём раскачивающееся стремя, то врезался рогатиной в тяжелый чурбак. Он рубился на мечах со щитом и без, метал легкий боевой топорик и бился им против трех выбранных дядькой холопов. Он резался на ножах, прятал в рукаве кистень, а потом с одного замаха плющил им расставленные Белым на ступеньках, перилах или земле шишки. Кольчугу поначалу носил через день, но где-то недели через две снимал ее уже только на ночь, отчего тело начинало казаться невесомым, парящим в воздухе. Однако насладиться этим полетом Звереву никак не удавалось, поскольку каждый вечер он проваливался в сон, едва добирался до постели, а думать мог только о постоянно ноющих от натуги мышцах. Он ухайдакивался так, что мысли о Варе на время вылетели из головы. Радовало только, что управляться с оружием у него получалось. Тело неплохо помнило то, чему его учили раньше – да и сам Зверев был совсем не дурак.

На улице тем временем установилась слякотная осень, дожди все чаще и чаще загоняли Пахома и его ученика в дом или в терем – с лука тут не постреляешь, рогатиной не размахнешься, разве что к ножу и кистеню приноровиться можно.

В усадьбе тем временем отметили Воздвижение, наполнившее двор капустными запахами⁴, а затем и Трофимовы дни⁵. По утрам на улице все чаще выпадал иней, а на Покров аккуратно лег и первый пушистый снежок. К полудню он растаял, но через неделю выпал снова, и теперь уже на совесть. Что ни день снег становился лишь толще и толще, полностью погребая под собой жнивье, ведущие к усадьбе дороги, крыши и земляную стену. Встал лед на озере и на вытекающей из него речушке Окнице, что огибала усадьбу, но выходить на него пока еще было опасно. Однако, не дожидаясь сильных холодов, холопы пробили возле берега прямоугольную прорубь и на протяжении пяти дней возили в кадках на санях из нее воду, поливая стены крепости и склоны холма вокруг.

К концу работы все подходы к усадьбе были покрыты сплошной ледяной коркой в два пальца толщиной. Качество покрытия тут же начали проверять усадебные детишки, с визгами и смехом съезжая в сторону озера и дороги. Взрослые, как положено, ругались, предупреждая, что под лед, на который те выкатывались, можно запросто провалиться. Дети, естественно, не слушались. Андрею же досталось рубить на скаку снежных баб – и не просто, а в отмеченное шишкой место. Либо колоть в него же саблей. Либо бить рогатиной или кистенем. Справа, слева, с передней стороны, в спину – бить, бить, бить...

Если это и был сон, то до обидного однообразный.

Вместо ферязи Зверев теперь больше носил лисий налатник – крытую синим сукном свободную куртку примерно пятьдесят четвертого размера, длиной до колен. Правда, пуговиц на этой куртке не имелось, и она застегивалась у горла похожим на круглый рекламный значок аграфом, украшенным двумя крупными самоцветами – рубином и изумрудом. Но зато налатник легко надевался поверх поддоспешника и кольчуги, при этом не особо стесняя движения. Хозяйка пыталась навязать еще и меховые штаны, но тут Андрей встал на дыбы: он и так во время постоянных тренировок потом обливался. Налатник хоть скинуть можно одним движением – а штаны, взопрев, стягивать не станешь.

За покровом пришел Ерофеев день⁶ – первый, когда Алексей получил немного отдыха. Внизу, у озера, с самого рассвета тревожно гудел колокол, ворота в усадьбе не стали открывать вовсе, на дворе с работами никто не появлялся. Усадьба погрузилась в тревожное затишье, нарушаемое лишь заунывным пением девиц, что сидели за прятками в левом крыле дома. Остаться без дела было непривычно, и, послонявшись с полчасика по дому, Зверев отправился на поиски своего дядьки.

Пахом сидел в людской, играя на сдвинутых вместе двух скамьях в кости. Судя по унылому выражению лиц двух других холопов – выигрывал именно он.

– Отчего тоска такая вокруг, Белый? – окликнул его Алексей. – Никто не работает, ворота не открываются.

– Дык, день-то ныне какой, барчук? Лихоманский день. Сегодня, сказывают, лешие везде буйствуют. Бродят, кричат, хохочут, хлопают в ладоши, деревья ломают, гоняют зверей лесных, а человека вмиг заплутают да болотнику и продадут. Кикиморы из подвалов вылезают, овинники пошутить норовят, а в баню сунешься – банники вусмерть запарить могут. Нехороший день. Молиться сегодня надобно, душу спасти... – Дядька кинул кости на скамью: – Девять! Ну, Осип, бери кружку. Глянем, какая у тебя рука ныне! А из домов выходить ныне

⁴ Конец сентября. Во многих областях в этот день рубили капусту для заготовок.

⁵ Начало октября. На Трофимовы дни молодежь устраивала вечеринки, выбирала женихов.

⁶ 17 октября.

зело опасно, барчук. С кикиморой управиться еще можно, а со стаями нежити лесной да болотной и отцы святые не совладают.

– А кикиморы разве не на болотах живут?

– Да ты что, барчук? – чуть не хором удивились холопы. – Откель им на болоте-то взяться?

– А где же они тогда обитают?

– В подполе, вестимо, – ответил рыжебородый мужик, которого Белый называл Осипом.

– И у нас в доме – тоже есть?

– А кто их знает? – пожал плечами другой холоп, успевший выслужить себе атласную рубаху и изрядную лысину. – Може, и есть.

– Ладно, – ухмыльнулся Андрей. – Давайте проверим. Где у нас вход в подпол?

– Нешто полезешь туда, барчук? – ошеломленно переглянулись мужики.

– Никогда кикиморы не видел, – пожал плечами воспитанный в мире реальности Зверев. – Отчего не глянуть?

– Ну, ты отважен, барчук. – И, цыкнув зубом, Белый собрал со скамьи кости. – Что же, коли желаешь глянуть, так пойдем, покажу, где спускаться. Касьян, лампу принеси. Осип, и ты с нами.

– Ты бы кистень, что ли, прихватил, барчук, – посоветовал рыжебородый Осип. – Али косарь взял.

– Нечто будет польза от кистеня супротив кикиморы? – из угла ответил лысый Касьян, разжигающий масляную лампу. – То же нежить, ее железом не возьмешь. Молитва надобна, икона. Икону снять, Пахом?

– Крест святой при себе есть, и ладно, – отмахнулся Белый. – Так идем, барчук?

– А может, не надо, Пахом? – вдруг засомневался Осип.

– Отроку храбрость не токмо при встрече с живым врагом надобна, – сухо ответил дядька, – но и с мертвым. Не видишь, Андрей Васильевич сам дух свой спытать решил?

Зверев только хмыкнул в ответ, понимая, что пожилые холопы пытаются его запугать.

Вчетвером они пересекли горницу с лестницей, зашли в кладовку за ней, где висело на стенах изрядное количество старой одежды, а на полу валялись ломаные косы, подковы, стершиеся топоры, ржавые воротные петли, какие-то пруты и скобы. Андрей уже знал, что все это при нужде отдается кузнецу и под ударами молота превращается во что-то новое и полезное.

Пахом слегка разгреб хлам с середины комнатки и, нащупав ременную петлю, потянул ее к себе. Пол скрипнул, и три половицы поднялись, открыв лаз с метр высотой.

– Пойдешь, барчук?

– Естественно.

Зверев забрал у Касьяна лампу с приплясывающим желтым огоньком, наклонился. Под лазом осветились ступени, и паренек начал по ним спускаться вниз. Наверху послышался шорох, пыхтение. Андрей поднял голову:

– Пахом? А ты куда лезешь? Тут же кикиморы!

– Коли с тобой случится что, барчук, боярин мне голову снимет. Уж лучше с кикиморой повстречаться.

– Ее еще найти надобно...

Высота подпола под домом местами превышала полтора человеческих роста, местами снижалась до локтя. Землю перед строительством никто не ровнял – усадьбу просто вознесли на десятки деревянных столбов, соединенных толстенными бревнами.

– Не сгниет? – пощупал один из столбов Зверев.

– Не бойсь, барчук, и на твой век, и детям твоим, и внукам хватит, – пригладил бороду Белый. – Мореный дуб – чего с ним сдеется? Мы, слава Богу, не в Литве живем. Дуба у нас в достатке. Хоть все из него строй.

– А там что? – Андрей разглядел какую-то стену, повернул к ней, потрогал рукой кладку из покатых валунов.

– Печь над нами, барчук. Она, понятное дело, каменная, на столб не положишь – уйдет в землю под тяжестью. Печей у нас аж четыре, и под каждую основа подведена.

– А кикиморы где?

– Кто же их знает, прости Господи? – перекрестился дядька. – Может, обратно двинем? Отвагу ты свою уже показал, про то все знать ныне будут...

– Сейчас... – Андрей увидел впереди небольшой кустик, подошел ближе, потрогал травинки. Это оказалась высокая кочка осоки.

– Ты это... Руками не тронь, барчук!

– Это всего лишь трава, Пахом!

– Какая трава, прости Господи, в подполе без света? Почитай, сто лет свет сюда не падал.

И тут прямо под рукой кочка превратилась в огромную гремучую змею. С угрожающим шипением она взметнулась Звереву на уровень лица и распахнула пасть, в которую без труда вошел бы человеческий кулак в зимних меховых рукавицах. В свете лампы блеснули пятисантиметровые клыки, заплясал раздвоенный язык. Подумать Андрей ничего не успел – ноги сами помчали его к лазу. Рядом, громко топоча, неся Пахом. Спустя несколько мгновений они выпрыгнули вверх с резвостью антарктического пингвина, выскакивающего на льдину.

– Видели? – с надеждой спросил Осип.

– Не, – тяжело дыша, мотнул головой Пахом, – на рохлю наткнулись. Огромный...

– Ну, рохли – они ничего, тихие, – отмахнулся Осип. – Никого не трогают, никуда не лезят. Разве только кошек в подполе пугают. Оттого мыши и крысы часто заводятся, коли рохля живет. Вот кикимора – это да... У моего соседа завелась, так он волком выл. То кур всех живьем ошпишет за ночь, то пряжу бабе его перепутает, то горшки побьет, то тесемки на одежде свяжет. Насилу отчитали дом его. А один у нас мужик – так и вовсе дом бросил. Невмоготу приживалка стала.

– Кикимора – это что, – не согласился Касьян. – Вот баечник – это да-а. Коли привязался, за один раз до смерти извести может. Коли слышишь в доме по ночам стоны да вздохи – стало быть, это он, старый, бродит. Тут уж в темноте вовсе ни с кем говорить нельзя. Ибо он через речь из человека душу вытягивает, тот чахнуть начинает быстро да и помирает совсем...

Тут все холопы как-то дружно покосились на Андрея, все сразу, и он почувствовал некое смутное беспокойство.

– А в усадьбе такой нежити часом нет? – поинтересовался Зверев.

– Он, сказывают, на старичка похож, – сказал Осип. – Коли видишь незнакомого старика в доме али во дворе, то говорить с ним не след. Все. И не случится тогда ничего.

– Батюшку звать надобно, пусть подпол освятит, – задул лампу Пахом. – Рохла, знамо, не баечник и не кикимора, но от крыс тоже хорошего мало. Пойдем, мужики.

Теперь все они старательно не смотрели Андрею в глаза, только усиливая его тревогу.

Он пошел в свою светелку – и едва не столкнулся на лестнице с Варварой, волокущей бадейку с грязной водой.

– Привет, – остановился он. – Давно не виделись.

– Ты все в седле да в седле, Андрей Васильевич. – Она поставила деревянное ведро, низко поклонилась, отерла лоб. Голова ее была укрыта белым платком, завязанным под подбородком, подол серого некрашеного сарафана покрывали влажные темные пятна. – А я пол у тебя помыла. Душно там ныне, в светелке. Сыро. Уж прости, что не вовремя получилось.

– Ты про баечника когда-нибудь слышала? – поинтересовался Зверев, все еще оставаясь под впечатлением недавнего разговора.

– Нет, не слыхала... – Глаза девушки забегали по сторонам.

– Что, так совсем и не слышала ничего?

– Нет, Андрей Васильевич, ничего...

– Врешь! Как можно здесь жить и ничего про баечника не слышать?

– Нет, барчук, про него я знаю. Но про то, как ты с баечником разговаривал, мне не ведомо... – Осекшись, девушка испуганно охнула, прижав мокрые ладони к лицу.

– Когда я с ним разговаривал? – Зверев подступил ближе и повысил тон: – Когда?!

Варвара отрицательно замотала головой.

– Говори, раз начала. Говори, все равно проболталась! – Андрей подождал ответа, пригрозил: – Смотри, у боярыни расспрошу да на тебя сошлюсь.

– А матушка Ольга Юрьевна и не знает, – сквозь ладони ответила девушка. – Это по усадьбе слух пошел, будто с баечником ты в начале листопада на дворе ночью столкнулся да заговорил. Оттого и немочен стал. Украл баечник твою душу. Мы опосля усадьбу всю наново освятили, службу отслужили на защиту от нежити, святому Георгию-заступнику подарки в три обители разные отослали...

Икона Георгия-Победоносца висела над въездными воротами усадьбы, ее Андрей видел уже не раз.

– Дальше?! – потребовал он.

– Сказывают, боярыня к колдуну на болото ездила, на Козютин мох. У него душу твою назад выкупила. Намедни ты в горячке да беспамятстве лежал – мыслили все, представишься до рассвета. А как с колдуном матушка перемолвилась, ты поутру уж здоровым веселился.

– Что за колдун такой? – еще не осознавая важность услышанного, уточнил Зверев.

– Лютобор-вещун. – Варвара подхватила бадью, ринулась к лестнице: – Пора мне, барчук. Ключница осерчает.

– Подожди... – попытался остановить Варю Андрей.

Вскинутая рука легла девушке на грудь. Он ощутил мягкое сопротивление ее жаркой плоти – ладонь сама мгновенно стала горячей. Его словно пробило током – юноша отдернул руку, и холопка убежала вниз. Но ощущение мягкой, пышущей жаром, полностью поместившейся в ладонь груди осталось. Пальцы словно продолжали удерживать ее, ощущать ее упругость, форму, ее тепло.

– Вот, черт, – выдохнул паренек. – Глупо получилось. Нужно было о чем-нибудь постороннем поговорить. Узнать чего про нее. Спросить – может, она знает, как тут время провести, коли вдвоем посидеть хочешь. А я ей форменный допрос учинил. Теперь, наверное, и разговаривать со мной не захочет. Еще и хозяйкой пугал... Да, точно теперь и близко не подойдет. Глупо.

– Е-едут!

Снаружи сухо загудело било.

– Е-едут!!

Андрей по ввевшейся за прошлую жизнь привычке кинулся к окну, чертыхнулся, упершись носом в мутную слюду, быстро заскочил к себе, сцапал с сундука налатник, опоясался саблей и побежал вниз.

На крыльце уже успели столпиться с десяток баб в душегрейках и серых пуховых платках, мужики же бежали к стене – одни к воротам, другие направо, за дом. Паренек выбрал второй вариант, промчался вдоль стены и, через минуту оказавшись у частокола, выглянул в свободную бойницу.

По реке, разбрасывая копытами неглубокий еще снег, двигалось два десятка конных воинов в островерхих шапках и папахах, в ярких зипунах и меховых налатниках, в начищенных ярких сапогах. Все были опоясаны саблями, у каждого на луке седла болтался круглый щит. За отрядом тянулся обоз из четырех полупустых телег, укрытых коричневыми рогожами.

– Кто это? – не понял Андрей.

– Батюшка Василий Ярославович со службы государевой вертается... – сообщил стоящий у соседней бойницы подворник. К счастью, повернуть голову и посмотреть, кто задает столь глупый вопрос, ему в голову не пришло. – Молва шла, на южное порубежье ныне его Иоанн Васильевич посылал. В Каширу. Землю русскую от татарвья беречь.

– Кашира – южное порубежье? – не поверил своим ушам Зверев. – Граница с чужими землями?

– Вестимо, граница. Чай, не Тверь.

– Кашира... – изумленно мотнул головой Андрей. Ему всегда казалось, что это – московский пригород. А тут на тебе – южная граница! Интересно, а Воронеж – это тогда что? Или Белгород? Или Тамбов?

Всадники тем временем свернули с речушки, по заснеженному полю проскакали сотню сажений до дороги, повернули к усадьбе. Громко заскрипели, открываясь, наружные ворота, грохнул, падая, засов на внутренних. Прибывшие скрылись за поворотом стены, и вся дворня хлынула обратно к крыльцу.

На ступени вышла боярыня в платке, поверх которого возвышалась бобровая шапка в виде полуметрового цилиндра, и в тяжелой собольей шубе, свисающей до самых пят. Дворня вокруг нее расступилась, лишь за спиной остались стоять несколько теток в возрасте. Они были в длинных темных юбках, похожих меховых душегрейках и украшенных жемчугом кокошниках.

Ворота распахнулись, во двор въехали всадники – и внутри сразу стало тесно. Воины спешивались, с кем-то обнимались, кого-то приветствовали, с кем-то целовались. Им тоже кричали приветствия, забирали лошадей, помогали скинуть сумки. Кони ржали, им отвечали другие, из конюшни, от озера продолжали звенеть колокола, скрипели запираемые ворота.

В этом шуме первый из всадников – в подбитом горностаем налатнике, в шапке из рыси и ярко-красных яловых сапогах – спешил к крыльцу, кинул поводья Пахому, быстро поднялся на две ступени и обнял хозяйку. Скинул шапку, крепко поцеловал женщину. Потом рванул ее к себе, ненадолго приподняв в воздух, опять поцеловал. На его абсолютно гладкой, бритой налысо голове лежала коричневая тубетейка с двумя парчовыми треугольными вставками, украшенными по краю мелкими самоцветами; русая с проседью, курчавая окладистая борода спускалась на грудь; пальцы желтели от крупных аляповатых перстней; на шее поверх одежды болталась толстая золотая цепь. Больше всего этот человек напоминал классического, даже несколько карикатурного, моджахеда, упертого исламиста, отринувшего мир во имя войны против неверных. И все же... И все же в нем было что-то знакомое. Глаза, нос... Общие черты. Что-то от инженера станкостроительного завода Василия Зверева, металлурга во втором поколении.

Ощувив взгляд, боярин оглянулся, скользнул глазами по толпе. Усы его дрогнули, поползли в стороны, показывая, что губы разошлись в улыбке:

– Сын! Дитя мое! – раскинув руки, он сбежал со ступеней. – Андрюшка, Андрей!

Зверев оказался стиснут в железных объятиях, тяжелые ладони застучали по спине:

– Возмужал-то, возмужал как! Не узнать даже! Вроде и не видел тебя всего ничего, а уж другой совсем стал, сынок. И взгляд, и плечи иные, и ростом выше. Растешь!

– Пахом! Осип! От холопы, все с конями да сумками разошлись! – всплеснула руками хозяйка. – Сафия! Найди этих остолопов, скажи, я баню стопить велела. И пусть квас и пиво туда из погреба приготовят. И мед хмельной.

– Матушка! – выскочила из дома Варя с большущим ковшом с резной рукоятью и заматалась, не в силах дотянуться до госпожи.

Прочие женщины зашевелились, передали корец из рук в руки боярыне. Та поклонилась, протянула мужу:

– Испей с дороги, любый мой, сбитеню горяченького, освежись.

Лисьин принял ковш, припал к нему, медленно вскидывая над головой, потом перевернул и решительно стряхнул последние капли наземь. Дворня радостно закричала, и все вместе люди двинулись в дом.

В трапезной, оказывается, уже всю накрывали стол. Поверх светлых подскатерников были наброшены бордовые скатерти, изукрашенные желтыми лебедями и причудливыми синими цветами. На них уже стояли блюда с копчеными рыбинами и цельными свиными окороками, лотки с заливной рыбой, миски с подернутым солевой коркой студнем, груды соленых грибов, капусты, едко пахнущий маринованный чеснок и лук, чищенные орехи, курага, изюм... Всего и не перечислишь. Разумеется, тут же стояли и кувшины с напитками, явно не самыми постными.

Боярин чинно уселся на свой трон, остальные мужчины – запыленные, веселые, пахнущие потом и дымом – рассаживались на скамьи. Хозяйка устроилась слева от мужа, Андрей занял свое место справа. Какие-то мальчишки, которых раньше в трапезной не бывало, споро наливали вино в медные, оловянные и золотые кубки. Золотые – боярину, хозяйке и Андрею, медные и оловянные – прочим.

– Ну, други! – поднял хозяин свой бокал, украшенный тремя мрачно поблескивающими, темными сапфирами. – Вот мы и в стенах родных! За возвращение, други, выпьем! За милость, которой Господь нас в делах ратных и путевых одаривал, за покой, что простер над землей и над домом моим. За супружницу мою, боярню Ольгу, что очаг мой во дни странствий моих хранила! Выпьем!

– Любо!!! – дружно гаркнули, вскакивая, мужики. – Любо матушке Ольге! Любо боярину! Любо, любо, любо!!!

Они выпили и, тут же схватившись за ножи, принялись шустро остригать окорока, нарезать рыбу, вспарывать студень и выкладывать его на толстые ломти хлеба. На некоторое время воцарилась относительная тишина – все работали челюстями. Андрей тоже отсыпал себе на хлеб немного грибов, отрезал от ближнего окорока большой ломоть, наколот на нож. Ему впервые стало понятно, отчего на поясе каждого мужчины висит не один, а два ножа. Большой предназначен для нужд хозяйственных – колышек остругать, кожу разрезать, брюхо татю вспороть, веточки порубать, а маленький для еды – мясо, хлеб порезать, в зубах поковыряться, вместо вилки кусочек чего вкусного наколоть.

– Ты что долго так? – тихо поинтересовалась хозяйка и положила руку на подлокотник кресла. – Какой служба оказалась?

– Скучной. – Боярин накрыл руку жены ладонью. – В дозоры у Каширы ездили, за путниками приглядывали. Пару раз шайки татарские встретили. Кого посекали, кто убечь исхитрился. Ничего не случилось. Служба порубежная, пустая...

– А тебе лишь бы сечу подольше да ворога погуще?

– А чего ради еще боярину жить, как не ради боя горячего да земли отчей, любая моя? – Боярин проследил, как ему наполнили кубок, вскинул руку. За столом мгновенно повисла тишина. – А теперь, други, кубок за сердце свое поднять желаю. За счастье единственное, за радость, Богом мне данную, за сокровище, с коим сравниться нечему. За женушку мою любую, матушку вашу, Ольгу Юрьевну!

– Лю-юбо-о! – немедленно подхватили пирующие. – Славься! Любо!

Хозяйка, зардевшись, привстала. Боярин наклонился к ней с высоты своего кресла, поцеловал в сладкие уста, одним махом опрокинул в себя полулитровый кубок, поднялся, сунул руку за пазуху, достал небольшой тряпочный сверток, развернул и протянул женщине пару золотых серег, усыпанных изумрудами и яхонтами.

– Спасибо, единственный мой, – поклонилась боярыня, но примерять подарок не кинулась, положила пока в тряпице на стол. Бросила оценивающий взгляд на мужчин, стремительно

истребляющих угощение, и тихо сообщила: – Велела я еще куриц десяток запечь да белорыбицу с ледника. Токмо оно часа через два лишь дойдет.

– Нам спешить больше некуда, любая моя, – покачал головой Василий Ярославович. – Мы ныне дома. Да, сын, для тебя у меня тоже подарок есть. Но неожиданный, особенный.

Боярин наколот на нож кусочек балыка, не спеша прожевал и продолжил:

– Был у меня ныне повод задержаться. Повод важный, таковой не отбросишь. Ты помнишь сестру мою двоюродную, Аглаю, что за Ивана Крошинского замуж вышла? Имение у них под Полоцком, верстах в тридцати на юг будет?

– Конечно, помню, – кивнула хозяйка. – Сказывали, два сына у них и дочь растут.

– Верно, он это. Прислал родич вестника ко мне на порубежье. Беда у него случилась ныне.

– Что за беда, батюшка? – встревожилась женщина.

– Князь Юрий Радзивилл о позапрошлом годе по велению короля Сигизмунда на ливонцев рать водил, однако же под Елгавой бит был изрядно, бежал второпях, обоз и знамена побросав. Посему у Ивана двое родичей израненными лежат и в седло подняться не могут, холопов убьют изрядно, а племянник в полон кавалеру Карлу Хартмуту попал. И кавалер сей с родичей выкуп за племянника в полторы тысячи дукатов требует.

– Ох ты ж, Господи, – перекрестилась женщина. – Откель он столько золота возьмет?

– Откель у кавалера ливонского мысль появилась выкупы столь несуразные назначать – вот что непонятно! – стукнул кулаком по подлокотнику боярин и потянулся за новым куском рыбы. – Вот и отписал он мне о беде своей, Оленька моя. Помощи просит.

– Так и у нас столько золота не наберется! Откель?

– Ни у кого не наберется, любая. Однако же племянника выручать надобно. Кто еще в беде подсобит, как не родичи?

– Как же его выручишь, коли платы взять не откуда?

– Жадных да глупых учить надобно, – покивал боярин. – А выручать станем известно как. Копьем и саблей, копьем и саблей. Не впервой. Иван Крошинский дважды к кавалеру ездил, цену желал сбить. Сбить не сбил, но замок рассмотрел хорошо. И подходы, и стены, и про владения кавалера вызнал.

– А хватит сил у вас с Иваном замок ливонский взять да уйти целыми?

– Замок сей недалече от Режицы – двадцать верст всего от границы литовской. В Литву от них и уйдем. А что до сил, то как раз из-за них я и задержался. К скобарям, в Псков заворачивал. Они, известное дело, зимой скучают, а руки на дело доброе у них завсегда чешутся. Вот и подговорил я охотников к кавалерам через пару недель наведаться. Ватага мечей тридцать набирается, а более и не надо. Замок ведь не стенами, а людьми крепок. Людей убрать – а уж стены одолеем, дело нехитрое. Нищий замок, Иван отписывал. Ров зарос давно, осыпался. Да и замерзнет зимой-то. Лес округ не подсекает никто, чуть не к стенам подходит. Людей ратных в замке немногим более полусотни наберется, да два кавалера там сидят. Мы с Иваном на пару тоже полста холопов наберем. А там...

– Ох, любимый мой, опять собираешься. Что же не вижу я тебя совсем? Нет тебя рядом, холодно одной.

– Здесь я, родная. Мы токмо через две недели тронемся, не бойся. И вернемся скоро... – Боярин вскинул руку: – Главное забыл, из-за чего разговор весь затевал. Слушай меня, сын. Вырос ты уже, вижу, возмужал. Оттого решил я не тянуть более, просьбы твои не отвергать. Пора. На кавалеров, с ордынцами ливонскими сражаться ты со мной пойдешь. Дозволяю!

Над столом повисла длинная пауза. Андрей не сразу сообразил, что слова эти относятся именно к нему. А когда сообразил – не знал, как реагировать. Его зовут принять участие в мясорубке. Это, что, и есть обещанный подарок?

– Он не верит, – рассмеялся боярин. – Не бойся, сын, ныне я решил твердо: беру! Пойдешь со мной славу ратную добыть, кровь ливонскую на цвет проверить. Быть тебе в походе!

Зверев хотел было сказать, что нормальные родители в военкоматы деньги засылают, чтобы ребенка «отмазать», а не пихают под рыцарские мечи – но тут все равно вряд ли кто знал, что такое военкомат.

Хлопнула дверь, вошел Пахом:

– Разогрелась баня, мужики! Идите, пыль смывайте, медом-пивом балуйтесь. А опосля горяченьким подкрепитесь.

Холопы начали подниматься, прихватывая со стола и кидая в рот куски рыбы или соленые огурчики, допивая вино из кубков. Боярин Василий проводил их взглядом, улыбнулся жене:

– Мы с тобой опосля помыться успеем, правда? Идем, не видел я тебя уже сто лет!

Андрей остался наедине со столом, с которого проворные мальчишки начали собирать тарелки и подносы. Зверев прихватил один из кувшинов, налил себе полный кубок, выпил, налил еще, выпил снова. Покачал головой:

– Вот тебе, бабушка, и институт с отсрочкой от призыва. От военкомата удрал – так папа почти родной в солдатики забривает. Будем надеяться, тут хотя бы дедовщины нет. Хотя «отцовщина» имеется точно.

Он наполнил себе третий кубок, выпил, потом пошел к себе в светелку и упал на постель.

Полтора сажен

– Огорчился ты, барчук, погорчился. – Пахом похлопал его по плечу, и даже такое легкое сотрясение вызвало резкую головную боль и приступ тошноты. – Петерсмену корчагами пить – это не каждому по силам. Я бы и не взялся.

– Вчера сказать не мог?

– Кто же умные советы опосля первого кубка слушает? Их токмо наутро понимать начинаешь. На, выпей.

Андрей медленно, стараясь не растрясти голову, поднялся, принял от дядьки оловянный ковш, полный до краев шипучего, пахнущего ржаным хлебом, кваса, выпил. Голову чуть отпустило, он даже смог подняться, отряхнуть ферязь:

– Я, что, в одежде спал?

– А ты как мыслишь, барчук? – усмехнулся Белый. – Вот, и постель не разобрана. От Варьки тебе благодарствие, ей хлопот меньше. Ты давай, в трапезную поспешай. Там щи кислые вчерашние поданы, да студень стоит. Поешь, тебе легче станет⁷.

Зверев послушался, спустился в трапезную, где приводили себя в чувства еще человек пять, перекусил приготовленными «лекарствами» и выбрался на улицу, на холодок. На дворе было так же пусто, как вчера. Лишь конюх плавными, размеренными движениями добывал из колодца воду, да одинокая баба в овчинном тулупе шла с дымящимся кожаным ведром к правому крылу, где располагалась кухня. Видимо, несла парное молоко. Оно и понятно – ни кони, ни коровы в празднике не участвовали. Хочешь не хочешь, а поить да доить скотину каждый день надобно.

– Не застудись, барчук, – кинул ему Пахом на плечи налатник. – Ты бы все же оделся да баб снежных у озера порубал. Батюшка, вестимо, еще долго отдыхать будет. Но как поднимется, пусть видит, что ты делом занят. А то гляди, передумает, не возьмет тебя в поход, не даст сабелькой вострой побаловать.

– Это что – награда такая, да? – не утерпел от сарказма Андрей.

– А ты, что, в смерды решил податься, барчук, али в юродивые? – тем же тоном ответил Белый. – Без сабли ныне и в монахи не возьмут. Святым отцам тоже копьем и саблей стены монастырские то и дело оборонять приходится. Ты не беспокойся, я тебя понимаю. Как сам первый раз в поход собирался, тоже в животе свербило. И хотел идти – ан душа все едино в пятках сидела. Иди лучше, броню надень. А я пока серого оседлаю. Кистенем помашешь часок, тревога и уйдет.

Кистенем паренек махал не час, а до обеда, начавшегося далеко за полдень. На трапезу собрались уже все участники вчерашнего пира – мужики опять пили вино, кричали здравицы хозяйке, боярину и Андрею. Сам Зверев предпочел сегодня вина не касаться – при одном взгляде на кубок его мutilо. Обошелся квасом и пряным горячим сбитнем, что тоже стояли на столе.

– Ты, вижу, молодец, сын, – отметил Василий Ярославович после того, как холопы выпили за его супругу. – Времени зря не теряешь. Но одно дело баб снежных разить, а другое – ворога живого да ловкого. Вечор смерды из Бутурлей наябедничать успели, что волки им досаждать начали. Двух буренок зарезали, в овчарню раз забрались. Все про волкодлаков талдычат неуязвимых. Посему, мыслю, надобно нам показать серым, кому земли сии Богом

⁷ Древнерусский способ борьбы с похмельем по сей день является наиболее оптимальным. Квас восполняет потерю жидкости, микроэлементов и витаминов группы «В», рассол или щи – группы «С», студень или заливное, благодаря присутствию глицина, стимулирует работу мозга. Все прочие методики, вплоть до самых современных, постепенно приводят к алкогольным психозам, на Руси никогда не ведомым.

дадены. На охоту завтра поедем. На волков. Там удаль свою и покажешь. Повеселимся да и дело доброе сотворим. Чай, наших смердов забирают. Прощать такое не с руки!

После этой речи хозяин с хозяйкой удалились, и холопы устроили гомон, вспоминая что-то из минувшего похода. Андрей, чувствуя себя в компании чужим, переложил себе запеченную куриную полть, наскоро обглодал косточки и тоже ушел. В седле с рогатиной он чувствовал себя куда более уверенно, нежели за столом с незнакомыми мужиками.

Утром Пахом разбудил его еще затемно, помог собраться при свете лампы. Саблю с собой сказал не брать, оставить на поясе только ножи и ложку, помог верно заправить в рукав кистень – чтобы и не вываливался, пока не нужен, и не застрял, коли понадобится, – посоветовал вместо поддоспешника надеть ферязь, вытащил из сундука зипун.

– Прочее Осип в сумки положил, – кивнул он. – Пошли.

На дворе стояли уже оседланные лошади, подворники увязывали на их спинах чересседельные сумки, крепили саадаки.

– Возвращайтесь скорее! – вышла вслед за боярином на крыльцо хозяйка. Крепко его поцеловала, поправила мужу ворот овчинного охабня. Мелко закрестила лоб сыну.

– Это ты не мне, это ты серым говори... – усмехнулся Василий Ярославович, скользнул ей ладонью по щеке и сбежал вниз, на ходу просовывая руку в ремешок плети. – По коням!

– Давай, барчук... – Дядька придержал Андрею стремя, кинул в руку повод: – Это твой заводной. С Богом!

Кавалькада из шести всадников одвуконь шагом выехала за ворота, спустилась по дороге с оледеневшего холма, повернула вправо, перемахнула реку и перешла в галоп.

Зима еще не успела накопить снега, чтобы начисто перекрыть все пути-дороги, белый ковер в толщину едва достигал ладони, и кони легко мчались по промерзшей земле. Первым скакал, естественно, боярин. За ним двигался Андрей. Особого труда он для этого не прикладывал – просто холопы соблюдали субординацию и вперед барчука не совались. Да и конь был ходкий, не полукровка.

К тому времени, когда охотники влетели под кроны вековой дубравы, солнце только только начало подниматься над горизонтом. Однако даже в лесных сумерках Василий Ярославович не сбрасывал скорости, неведомо как определяя дорогу под сплошным снежным покровом. Видимо, земли свои знал так, что и с завязанными глазами каждую тропку мог найти. Минут десять – и они вынеслись на широкий простор. То ли луг, то ли поле, то ли болото – поди определи, когда все вокруг белым-бело!

Только оказавшись под солнечными лучами, Андрей понял, что одет, как настоящий щеголь – в ярко-синий зипун, отороченный по краю и вдоль стоячего ворота коричневой ондатрой. Причем все швы зипуна были закрыты витым желтым шнуром, а с плеча свисали несколько петель и кисточек, тоже из шнура, но уже алого. Шапка у него была бобровая, рукавицы – из горностая. Все прочие были одеты куда как скромнее: длинные суконные плащи без рукавов, подбитые на плечах лисицей, лохматые шапки то ли из росوماхи, то ли из персидской кошки. Боярин и вовсе обошелся простым охабнем да песцовой ушанкой.

Зверев закутил головой, нашел взглядом Пахома, но высказать свое мнение по поводу наряда не смог: галоп – не лучший аллюр для разговоров.

Охотники перемахнули холм, и впереди показалась деревенька из шести широко раскиданных дворов: от дома до дома метров триста, не меньше. Василий Ярославович перешел на рысь, и через пару минут всадники въехали в деревню. Тем не менее, их уже заметили – от домов к центру деревни побежали мужики, укутанные в платки женщины.

– Здорово, Ерема! – натянув поводья, громко крикнул боярин. – Жалишься, сказывают. Отговорку ищешь оброк скостить, защитника и благодетеля своего голодом уморить же лаешь?

– Помилуй, батюшка... – сбив шапки, начали кланяться мужики. – Замучили совсем серые. Скотину, что ляхи бездушные, режут, спать не дают, в деревню прямо выходят. За малых

боязно. Однако же в самоловы не суются, трубуху отравленную обходят. Токмо вороны от нее передохли. Четырех собак по дворам порвали. С косами мужики ходили – никого в лесу не нашли. Не иначе, волкодлаки завелись. Токмо на ночь в зверя перекидываются, на свету же в людском облике бродят.

Говорили все это люди на разные голоса, но довольно слаженно, без разнобоя. За разговорами появилась девица с ковшом, закутанная в платок так, что снаружи был виден только острый нос и голубые глаза, окаймленные длинными черными ресницами:

– Вот, батюшка, испей горячего с дороги.

Василий Ярославович принял подношение, решительно выпил, передернул плечами, вернул корец:

– Благодарствую, красавица! А вы, грешные, чем жалиться, сказывайте, откуда серые в деревню приходят?

– От Щекатина леса, боярин. Туда следы уходят.

– Стая большая?

– По следу судить, зверей пять, не менее.

Пока Василий Ярославович выяснял подробности, Андрей повернул коня к Пахому:

– Почто ты меня так вырядил, дядька? Все люди как люди, а я – как скоморох!

– Дело молодое, барчук. Тебе по летам красоваться, девкам глаза застить да души беречь. Это мы токмо за зверем диким охотимся. Ты же удаль свою кажешь.

– Тогда скажи, чего мужики здешние деревню не огородят? Мало ли чего?

– Города не города, а от врага тут не уберечься. Тут они, коли беда случается, зараз в леса, в схроны уходят. Там прячутся, покуда чужаки восвояси не уберутся, а опосля в дома возвращаются. Али новые рубят, коли родные сожжены. Зверь же к жилью редко ходит. Вот и не боялись ранее.

Андрей почувствовал на себе пристальный взгляд, но стоило ему вскинуть голову – девица отвернулась и побежала назад к дому, размахивая ковшом.

– Стало быть, в чаще Щекатиной логово устроили? – подвел итог боярин. – Ладно, глянем в чашу – что там за волкодлаки поселились. Пошли!

Чуть не расталкивая смердов грудью коня, Василий Ярославович выехал из селения, перешел на рысь и помчался через поле, начинающееся за огородами.

– Глянь, Вторуша! Вот и следы пошли. Вроде свежие.

Андрея обогнал один из холопов, громко подтвердил:

– Свежие, края не осыпались еще. Не иначе, ночные. Часа три назад серые прошли. Не спешили.

– Коли так, то и нагоним... – решил боярин, снова переходя на галоп.

Скача по следу, всадники повернули в небольшой кленовый лесок, пробились через орешник. За кустами на утопанной поляне все было заляпано кровью, валялись кости и ошметки шкуры.

– Косулю задрали, – с ходу определил холоп. – Мыслю, час они тут потеряли, не менее.

– Стало быть, недалеко где-то, – кивнул Василий Ярославович. – Веди, не томи!

– Здесь они игрались... Сытые звери, не опасались ничего. Здесь скакали, не уходили. Четыре. Четыре волка, боярин, не пять. Один пошел, остальные погнались... Волчица, что ли? Ага, туда пошли, к дубраве. И вправду, к Щекатину лесу повернули.

Охотники шагом обогнули густой орешник, под которым проскочила волчья стая. Вторуша спешился, пригнулся над несколькими темными катышками, утонувшими в снегу:

– Горячие еще, боярин! Здесь они где-то!

Словно в ответ метрах в ста дрогнули, роняя снег, ветки низкого куста, и через разделяющую клены и дубовый лес вдалеке низину стремглав помчались сероватые тени. Лошади громко заржали, затопали на месте.

– Заводного давай! – крикнул Пахом. Не дождавшись, он рванул повод у Андрея из рук, дохнул в ухо: – Чего стоишь?! – И хлестнул серого по крупу.

Конь сорвался с места, несколько раз скакнул, разгоняясь во весь опор. Зверев лишь чуть-чуть поправил поводом направление – и скакун помчался вслед уходящим зверям. Волки стлались над самым настом: серые с проседью спины, белые «чулки» на лапах, возбужденно приоткрытые пасти, – но конь оказался быстрее и каждую минуту сокращал расстояние на пару сажений. Андрей, поначалу против желания, входил в азарт. Догонит – не догонит, догонит – не догонит. До дубравы оставалось с полкилометра, и звери вполне могли уйти, скрыться в густом кустарнике, спрятаться в норах или оврагах. В лесу скачку не устроишь – на валежнике, на выпирающих корнях, на невидимых под снегом ямах запросто ноги коням переломать можно.

– Давай, давай! – подгоняя серого, пнул он пятками лошадиное брюхо. – Давай!

Человек по натуре своей – хищник, и вид убегающей добычи окончательно подавил в голове паренька человека разумного. Инстинкт охотника взял верх, и Зверев уже не думал о том, что каждое живое существо имеет право на жизнь. Он думал о том, что брать нужно не просто волка, а самого крупного, матерого, шедшего вторым.

– Давай, родной, давай! – Он привстал на стременах, пригнувшись к гриве. – Ближе!

До дубравы оставалась всего сотня метров – но серый уже наступал волкам на пятки. Самый задний, коротко оглянувшись, шарахнулся от коня в сторону – и остался жив. Андрей нагнал второго. Тот тоже оглянулся, но вместо того, чтобы спастись, попытался цапнуть коня за ноги, кинулся под брюхо. Зверев, пригибаясь, сколько можно, взмахнул рукой – грузик кистеня выскользнул из рукава и четко впечатался хищнику между глаз. Волк полетел кубарем, а паренек еще раз пнул пятками брюхо:

– Гони!

Матерый чуть повернул голову, оскалился, попытался увеличить скорость, но до леса все равно никак не поспевал. Внезапно он подпрыгнул и, перевернувшись в воздухе на сто восемьдесят градусов, оказался к преследователю мордой. Тут же взметнулся в прыжке. Андрей понял, что раскрытая пасть вот-вот схлопнется на горле коня, и рванулся из седла навстречу. Они со зверем столкнулись в воздухе – он угодил волку плечом в грудь, сграбастал пальцами густую шерсть на боках и, падая, обеими руками рванул ее вбок, как метатель молота рвет рукоять своего снаряда. В тот же миг он грохнулся на спину, но и матерый, отлетев в сторону, заскользил на боку по насту, взмахивая лапами. Наконец изогнулся, вскочил. К этому мгновению паренек тоже был на ногах. Глаза врагов встретились – и волк прыгнул снова, метясь уже в его, Андрея, горло. Зверев, чуть приседая, отклонился вправо и назад, взмахнул кистенем. Секунда – и когда морда матерого оказалась на уровне его уха, грузик стремительно ударил между ушами. Послышался тихий «чмок», и глаза зверя погасли. На землю упало уже мертвое тело.

– Ни себе чего! – облегченно выдохнул Андрей. В ногах ощутилась внезапная слабость, и он сел прямо на снег.

– Барчук! Ай, молодец, барчук! Молодец! – подъехав, засмеялись холопы. – Никак загрызть волка хотел? Весь в отца!

– Че скалитесь, пустобрехи? Коня лучше поймайте! Не видите, ускакал? – появился Пахом.

– Спасибо тебе, дядька, – улыбнулся ему Андрей.

– За что, барчук?

– За шишечки, Пахом, за шишечки сосновые. Сам не представляю, как я ему ухитрился в такой позе точно в темечко попасть! Повезло...

– Повезет, барчук, когда кошель на дороге найдешь. А для всего прочего стараться надобно. Ты так и будешь сидеть, пока снег не растает?

Паренек спрятал грузик обратно в рукав и поднялся. Его серого скакуна уже поймал один из холопов и вел за собой в поводу. Другой, держа за задние лапы, волочил за собой мертвого хищника. Подъехав ближе, кинул рядом с матерым:

– Тоже твой, барчук. Ты, вижу, токмо самых крупных выбирал?

– Это они меня выбирали, – отмахнулся Андрей. Спустя несколько минут третий холоп привез двух зверей, подбитых стрелами, а затем Вторуша кинул в общую кучу рычащего хищника со связанными лапами и перевязанной же мордой, в которую была почти целиком вбита меховая шапка.

– Живой, что ли? Как же вы его?

– А это я, сынок, – подъехав, сообщил боярин, – глядя на тебя, тоже решил детство вспомнить, руками задавить. Ты чего на волка-то прыгнул?

– Так получилось. Времени не оставалось для замаха. Он мне чуть коня не зарезал. В общем, деваться было некуда.

– Молодец, сынок! Иной ведь коня бы лучше отдал... – Боярин спешился, оглядел добытых зверей. – Крупные твари... Эх ты их, одним ударом. Пахом!

– Да, боярин!

– Шкуры со зверей сними, да в светелке сыну постелешь. Такой добычей гордиться не грех. Пусть теперь у Андрюши под ногами валяются. А этому, матерому, голову отрежь, и у стремени его повесь. Там пускай теперь скалится. Глянь, Вторуша, а волков-то пятерых заваляли!

– Зябко чего-то, – передернул плечами Андрей. – А еще волков тут нет? Как-то больно быстро все кончилось.

Все опять засмеялись.

– Ты токмо при смердах деревенских такого не скажи, – попросил боярин. – Решат, будто ты это зверей на их голову скликаешь. А что до охоты... Ну, коли ты по баловству сему заскучал, можем завтра прокатиться, зайцев погонять. Матушку с собой возьмем – тоскливо ей, небось, в четырех стенах.

К обижаемой волками деревне охотники вернулись спустя час – торопиться было некуда, а потому ехали они неспешным походным шагом. Возле колодца скинули добычу, распугав сидящих на лавке старушенций. Спешились, отпустили подруги. Вторуша кинул в черную глубину кадушку, через несколько мгновений вытянул на свет зеркало теплой чистой воды.

От домов опять начали подтягиваться смерды. К тому времени, когда охотники, пустив кадушку по кругу, утолили жажду, вокруг собрались, наверное, все обитатели селения.

– Глянь на этих матерых, Ерема, – с тайной гордостью указал боярин. – Сын мой в одиночку взял. Одного и вовсе руками. Похоже, смертны твои разбойники, хитрец ты мой. Обычному кистеню поддались.

Народ изумленно охнул, начал креститься. Андрею даже горячо стало от восхищенных взглядов.

– Мы же их гоняли, батюшка, – скинув шапку, перекрестился седой крестьянин, который, видимо, считался здесь старшим. – Не раз ходили, искали.

– Видать, так искали, Ерема, что найти не могли.

– Заговоренные они все же, боярин, – опять перекрестился мужик. – Ей богу, заговоренные. Как бы прятались так долго, коли не заговоренные? А ну, перекинутые все же?

– Видишь, связанный один дергается? Оставь себе да пригляди, допроси с пристрастием. Коли обратно человеком станет, можешь кол осиновый в сердце забить, дабы не плодилась нежить всякая. А что тебе расскажет, через неделю поведаешь, как оброк в усадьбу привезешь.

– Ужель через неделю, боярин? – удивился Ерема. – Грязник же еще!

– Ты по сторонам посмотри, грешник. Какой же грязник, коли снег вокруг? Полузимник, считай, пришел – ноябрь по-христиански.

– Мы, боярин, с волками-то за скот боялись сильно. Сена совсем не заготовили...

– Ой ли, Ерема? Завсегда ты себе на уме был!

– Вот те крест, боярин! Вот же они, звери, нечто не веришь?

– Ладно, грешный, – вздохнув, махнул рукой Василий Ярославович. – Медом возьму.

– Дык, боярин... И в лес ходить было боязно... – Имея на руках неоспоримые факты «форс-мажора», старшина всеми путями пытался выбить хоть какую-то поблажку.

– Устал, верно, добрый молодец? – Андрей вздрогнул от неожиданности, но это была всего лишь девица. Та самая, с голубыми глазами и острым носом, что выглядывал из белого пухового платка, окаймляющего лицо. – Испей кваса домашнего. И благодарность за избавление от напасти прими.

– Спасибо... – принял ковш Зверев, но его руку тут же перехватил вездесущий Пахом:

– Не тому даешь, красавица. Боярин пить просил. Ему и неси.

Белый вывернул рукоять ковша из руки воспитанника, вернул селянке. Та, сверкнув взглядом, шагнула к Василию Ярославовичу, но тут же оступилась и упала, пролив желтый квас на снег. Вокруг засмеялись над ее неуклюжестью, и девушка побежала к дому.

– Ты чего, дядька? – не понял Андрей. – Ничего не просил боярин!

– Неужто не уразумел? Приворотного зелья она принесла. Оттого и разлила. Не хотела старого, хотела молодого.

– Почему ты так решил?

– Дык, не на всех ведь принесла, тебе одному. Странно.

– Правда, странно... Как же она сама не догадалась, что заподозрят?

– А вы, молодые, вечно себя мудрее нас, стариков, мните. Да и ты ведь не догадался, барчук? Могло и получиться.

– А наказание за такие шутки у вас... У нас не полагается?

– Поди докажи, – пожал плечами Пахом. – Яду ведь нет, а прочее не проверишь.

– А-а-а...

Наличие такого понятия, как презумпция невиновности, приятно удивило Зверева. Раз для обвинения ведьмы нужны какие-то доказательства, а не просто столб и куча хвороста – значит, здешний мир не столь уж и дик. Значит, тут и суды наверняка есть, понятия морали и аморальности. Не только меч и звание все решают.

– Все, хватит спорить! – повысил голос боярин, давая понять, что теряет терпение. – Бортничество прощаю, мед можете не везти. Но сено доставишь полной мерой. Сам же сказываешь, скота у вас ныне мало, вам излишки ни к чему. Убоины десятину скидываю. И все! Вторуша, волков забирайте, и по коням.

В усадьбе Андрей тоже стал героем номер один. В рассказах холопов об охоте как-то совершенно забылся кистень, и получилось, что барчук голыми руками задушил двух матерых зверей, причем оба хищника достигли совершенно невероятных размеров. И в прямом смысле: снятые шкуры Пахом растянул на стене амбара, и получилось, что каждая закрывает торцовую стену целиком. Бычка молодого в такую шкуру завернуть можно. Дворня смотрела на Андрея круглыми глазами. Ему было неудобно – но не станешь же каждому объяснять, что охотники, по извечной привычке, слегка приврали!

– В общем, Геракл по сравнению со мной – жалкий карлик, – сделал он вывод, укладываясь вечером спать. – Он всего лишь змей придушил, а я – волков. Интересно, а как у него было на самом деле?

Однако обещанной на завтра охоты он ждал с нетерпением.

* * *

В этот раз они снарядились на охоту всемером и без заводных. Помимо вчерашних холопов за добычей отправилась Ольга Юрьевна, прихватив с собой чернавую холопку, имени которой Андрей не знал. Да и поехали недалеко – на то поле, где Зверев через день с копьём под дубом упражнялся. Только отвернули не налево, к опушке, а вправо, да проскакали еще с полверсты. Там дубрава сменилась низким ивовым кустарником – видимо, летом тут было сыровато. Холопы начали прочесывать кусты. Боярин Лисьин придержал коня, Андрей сделал то же самое. Несколько минут – и вдруг из кустов через поле порскнул белый ушастый зверек.

– Давай, сынок... – позволил боярин, и Зверев отпустил поводья, пнув скакуна под ребра.

Заяц оказался еще медлительнее, нежели волки, Андрей догнал его за пару минут, но тут косою заметался из стороны в сторону. Первым ударом паренек даже промахнулся, но при второй попытке стал более внимательным и взмахнул рукой через секунду после того, как ушастый свернул в очередной раз. Белый комочек закувыркался по снегу – Андрей натянул поводья, повернул назад и на ходу, резко качнувшись вниз прямо из седла, подобрал добычу. Со вторым зайцем Андрей управился и вовсе с первого удара: помчался наперерез, а когда косою отвернул в сторону – сбил его кистенем.

Третьего пришлось ждать долго, почти четверть часа. Зверев расслабился, а потому проморгал момент, когда заяц выскочил из кустов. Тот успел промчаться метров сто, прежде чем охотник кинулся в погоню. Пять минут, десять... Горя азартом, Андрей начал заносить руку. Взмах! Косою внезапно скользнул под брюхо коню – Зверев попытался дотянуться до него там и... Наклонившись слишком далеко, вывернулся из седла, на всем ходу ухнулся на спину и по инерции прокувыркался по снегу вслед за конем метров пять.

– Проклятье! – Андрей поднялся на ноги, но скакун его, почему-то взбрыкивая ногами, скакал далеко справа, косою же, прижав уши, во весь опор мчался к дальнему лесу.

– Ловок шельмец, – остановился рядом боярин. – За что помилование и заслужил. Вот так и надо. Бороться нужно всегда, до конца. Даже если все безнадежно. Только тому, кто не сдастся, Господь дарит свою милость. Ты как, не зашибся, сын?

– Ерунда, до свадьбы заживет, – повел плечами Зверев. – Зипун толстый – упал, как на подушку.

– Помаши матери рукой, а то беспокоится. Может, хватит охоты, пора дичь зажарить?

– Еще одного... Обидно ведь, прямо из-под кистеня ушел. Одного, хорошо?

– Сколько угодно, – расплзлись у боярина усы. – Хоть двух.

Он нагнал немного успокоившегося серого, поймал за поводья, вернулся, подождал, пока сын сядет, и дальше они поехали стремя к стремени.

– Скажи... отец, – после неловкого молчания спросил Андрей, – я все понять не могу, почему часть дворни меня по имени-отчеству величает, а многие барчуком зовут или просто Андреем?

– Андреем тебя холопы кличут, сын, а по отчеству – прочая дворня.

– А почему?

– Нешто сам не понимаешь? Холоп с тобой в сечу бок о бок идет, живот свой за тебя и землю отчую кладет. Оттого он и ближе, почти ровня. Оттого и позволительно ему более. А обычный смерд – он что? Так, прах земной.

– Не люди, что ли?

– Как же не люди? Те же христиане... Но токмо не совсем те же. Понимаешь, сын... Есть люди, которые созданы володеть, и те, которые созданы ради того, чтобы ими володели.

– Ты считаешь, что это справедливо, отец? – покачав головой, мягко, издали, начал излагать свою, правильную точку зрения Андрей. – Разве все люди не рождаются одинаковыми,

ничем не отличимыми друг от друга? Разве можно в младенце отличить смерда от князя, графа от ремесленника? Разве они не рождаются равными?

– Ты прав, сын, – неожиданно легко согласился боярин. – На Руси все рождаются равными. А станешь ты владеть или принадлежать – это каждый решает сам. Господом так заведено, что землей имеет право владеть только тот, кто готов ее защищать. Разве не в этом высшая справедливость?

– Свою родину должен защищать каждый! – тоже согласился Андрей. – Это священный долг каждого, если на страну враг нападает.

– Вот видишь, ты мыслишь, как боярин, – довольно усмехнулся Василий Ярославович. – Как воин. И это значит, что ты рожден владеть. Но есть те, кто не хочет защищать отчину. И это те, кто выбрал долю раба.

– Разве такие существуют?!

– Ты настоящий боярин, – опять подтвердил «отец» Андрея. – И потому не веришь в сие, но так уж устроен мир. Есть такие, как ты или я. Мы храним землю и по праву владеем ею. Когда приходит ворог, мы берем меч и встаем ему навстречу. А есть те, кто не хочет класть живот за свой удел, за хлеб и детей, что растут в его доме. Они приходят к нам и говорят: «Защити нас от ворога, боярин. Спаси животы наши и добро, что трудом своим добываем». И мы допускаем их на свою землю, и защищаем их, и мы володеем ими. Так решает не Господь, сын. Так решают они сами. Так решаем мы. Разве может иметь хоть что-то тот, кто не готов сражаться за свое имущество? Разве могут быть равны те, кто сражается, и те, кто покорен? Мы бояре, сын. Потому что всегда готовы к бою. Они – смерды. Потому что не решаются встать грудью своей навстречу стрелам и мечам. Мы господа – они рабы. Разве это не справедливо?

Андрей промолчал. Все его воспитание восставало против того, чтобы делить людей на рабов и хозяев. Но он не знал, как возразить словам боярина Василия Ярославовича Лисьина.

– Что до холопов, – продолжил «отец», – то и они сами свой удел выбрали. В душе они воины, защитники, владетели. Да не хватает им терпения владения свои найти, не хватает родства али серебра оружие и броню купить. Ленивы они часто али глупы и не ведают, как стремления свои определить. Рабами быть не желают – но среди бояр места добыть не способны. Посему приходят они к нам и говорят: купи мою жизнь, боярин. Купи живот и кровь мою. Вместе будем землю оборонять, которой ты владеешь. Платишь ты им звонкое серебро, а опосля они вместе с тобой в сечу идут, наравне с тобой голову под мечи подставляют. Теперь тебе понятно, сын? Холоп тебя барчуком али Андреем кликнуть оттого право имеет, что завтра, может, ему под рогатину кидаться достанется, тебя спасая. А смерд, пока ты дерешься, в лесу али подвале отсиживаться будет.

И для него ты – Андрей Ярославович!.. Чего примолк, дитячко мое?

Звереву очень хотелось возразить, но он никак не находил нужных слов. Вспоминались крестьяне, что убежали от хозяев на свободные земли. Но ведь так и выходило, что не владели они своей землей. Не защищали – убежали, чуть что грозило. Вот казаки – защищали.

Так они никогда ни рабами, ни крепостными и не были. Даже налогов, помнится, не платили. Заместо этого – службу несли. Собственно, такие же бояре, как Лисьин, и получались. Только малоземельные.

– А вот псковичи, отец. Ты обмолвился, они завсегда подраться готовы – ты с собой какую-то ватагу, кажется, подговорил. Они как – владеют кем-то, или это ими владеют?

– Это скобари, что ли? А ты видел, как они живут? Власти никакой не признают, как чего хочется – толпой собираются да орут до хрипоты. Вече называется. Не бояре, конечно, бестолковы сильно. Но и не рабы.

«Все, – понял Андрей. – Нокаут».

Других аргументов он придумать не смог.

– Смотри, косуля!

Из кустарника выскочило коричневое существо размером всего втрое больше зайца, с острой мордочкой и маленькими рожками и помчалось влево от всадников, к широкому кочковатому полю, на котором торчали отдельные куцые деревца.

– Ты чего, сын? – выждав пару минут, поинтересовался боярин. – Косуля! Или ты оленины не ешь?

– Ой-ё-о... – за разговором Андрей как-то забыл, что он на охоте, а не на сайте на научном диспуте. – Пош-шел!

Косуля времени зря не теряла и успела устрекотать почти на полкилометра. Правда, и скакун Андрея отдышался, так что в галоп перешел легко и теперь стремительно сокращал дистанцию.

Вот уже до белого пятнышка под торчащим хвостиком четыреста метров. Вот уже триста... Двести...

– Стой!!! Стой!!! Сто-о-ой! Барчук, стой! Стой, барчук!

Уже сто метров. Всего ничего!

– Сто-о-о-о-ой! Стой, Андрей!!! Ба-а-рчу-у-к!

Зверев оглянулся и увидел, что позади, метрах в трехстах, мчатся двое холопов, Пахом и даже боярин.

– Сто-о-ой!

Не понимая, что происходит, он все же натянул поводья, переходя на шаг.

– Стой! – вырвался вперед красный, как рак, Пахом. – Стой, барчук, топь там дальше! Провалишься!

После такого предупреждения Андрей, естественно, повернул коня, остановился. Глянул на болото. Легконогая косуля весом от силы килограммов десять бодро прыгала через кочки, то ли не зная о топи, то ли уверенная в своей безопасности. Она же не конь со всадником – пройдет.

Добыча, до которой он уже почти дотянулся, нахально уходила все дальше. Сердце барчука кольнула острая обида – и руки сами собой скользнули назад, рванули крышки саадака. Лук, стрела... Косуля уходила почти по прямой, от него к горизонту, так что упреждение ни к чему. Расстояние – метров двести-двести пятьдесят. Ерунда.

Он зацепил кольцом большого пальца струну тетивы, поставил комель в кулак, не отрывая взгляда от дичи, облизнул враз пересохшие губы, застыл, сливаясь с движениями цели. А потом резко выпрямил левую руку, одновременно оттягивая правую к уху.

Т-ть! – струна больно ударила по запястью, на которое он не удосужился надеть браслет. Косуля ушла куда-то вниз, оставив на виду только рожки.

– Мимо... – холодной волной окатило тело разочарование.

И тут зверек неожиданно подпрыгнул, решив перемахнуть какую-то кочку. Стремительный штрих, рассекавший воздух, достиг ее тела, рывком швырнул вперед – косуля рухнула на снег, привстала, упала снова и больше уже не шелохнулась.

Андрей опустил лук и коротко выдохнул:

– Есть!

– Я достану! – тут же предупредил нагнавший его Белый. – Сам не ходи. Сейчас, слуги срежу и вернусь... Куда же тебя понесло, барчук? Это же Суриковская вязь! Топь бездонная! Забыл?

– Так ведь зима же, Пахом. Замерзло все.

– Суриковская вязь, барчук! Она никогда не замерзает, в самые лютые холода парит. А где не парит, там завсегда все и проваливаются. Болотник, вестимо, здесь обитает. И навки зловредные. А може, ключи теплые быют. Уж сколько народа тут сгинуло – не счесть! Видишь, где деревца – там человеку встать еще можно. А где тишь да гладь, туда и смотреть боязно. Везде топи. О прошлом веке, сказывают, зимой гать в сторону княжеской усадьбы положить

пытались – так даже гать в болото ушла, и смердов трое утопло. А морозы трескучие стояли, иначе и не посмел бы никто.

– Давненько я таких выстрелов не видел, сын, – нагнал их Василий Ярославович. – Давно... Тут ведь сажень полтора было, не менее. Да, такую удаль и при великокняжеском дворе показать не зазорно. Медведя задавить любой увалень способен, а вот за полтора сажень коосулю в прыжке подловить... Да, сын, пора тебе в новики бриться. Достойн!

Пятый крест

В поход с Василием Ярославовичем отправилось тридцать холопов, пять саней и больше полусотни коней – три десятка под седлами и еще столько же заводных, что шли вовсе налегке. Весь груз – мешок с морожеными половинками куриц, еще такой же с судаками, несколько сумок овса и запас крупы – поместился на санях. Да и те все равно оказались почти пустыми.

Проводы были короткими. Боярыня всплакнула на крыльце, по очереди поцеловала Андрея и мужа, перекрестила их и закрыла лицо ладонями. Холопы в это время уже выезжали за ворота. Хозяева поднялись в седло и двинулись следом.

Тропить снежный наст путники не стали – свернули за воротами к реке, скатились на лед и двинулись вниз по течению. По узенькой речушке ехать приходилось по одному, а сани едва вмещались от берега до берега. Но уже через два часа пути, верст через десять, путь реке преградила наезженная дорога метров десяти шириной. Река нырнула под бревенчатый мост, а путники выбрались на тракт и повернули налево. Теперь холопы сомкнулись по трое в ряд, разбившись по полтора десятка, впереди и за санями, и отряд сразу обрел внушительность: поблескивали вскинутые к небу наконечники рогатин, грозно свисали с ремней сабли, многозначительно покачивались на боках коней щиты.

Андрей тоже ехал с копьем в руке. Комель древка опирался на петлю, спущенную с седла рядом со стремяном, рукой в меховой рукавице он только придерживал ратовище, так что особых хлопот это громоздкое оружие ему не доставляло. Как и куяк, что Пахом заставил надеть в поход поверх и без того тяжелой кольчуги. Куяк представлял собой безрукавку из густого черного каракуля, обшитую спереди прямоугольными стальными пластинками, что напоздали друг на друга подобно рыбьей чешуе.

Валенки, меховые штаны, войлочный поддоспешник, каракулевый куяк, налатник, меховые рукавицы, лисий треух... Зверев думал, что сварится в первые же минуты. Однако медленная езда со скоростью саней была совсем не тем, что тренировки под присмотром настырного Пахома. Андрей, конечно, не мерз – но и особенной жары не испытывал.

Отряд двигался через разрезанный дорогой лес со скоростью километров десять, если не медленнее. Одинокого странника обогнали – но вот несколько верховых промчались вперед, как мимо стоячих. Верста за верстой, час за часом. Пуповский шлях – промелькнуло в разговорах холопов название тракта. Стратегическая артерия, получается. А по виду – обычный проселок. Тоска...

– Пахом! – отстав от боярина, пристроился рядом с дядькой Андрей. – А почему у нас на весь отряд всего пять луков? У нас с отцом, у тебя и еще у двоих?

– Дык, барчук, лук-то того... Серебра стоит, и немало. За него деревню вроде Бутурлей купить можно. А ты хочешь, чтобы у каждого холопа по такому было? Да и не всякий натянет. Тугой лук, сам ведаешь. Да и попасть из него умение потребно. Ты этому с измальства обучен. Взрослого же учить поздно, не совладает.

– Почему же так дорого, Пахом? Это же просто деревяшка!

Дядька и ближние холопы засмеялись.

– Четыре года тому назад, барчук, – присоединился к разговору безбородый холоп, что ехал рядом с Белым, – мы возле Рыльска пашу османского в полон взяли. Так он сказывал, у них в стране мастерству луки клеить даже султанов обучают. Такое искусство важное и тайное, что каждый правитель знать обязан.

– И где этот паша теперь?

– В Москве единовержцы выкупили. Боярин дорожиться не стал, вот купцы какие-то и забрали. Мыслью, у себя он им втрое больше серебра за свободу свою отсыпал. Так он сказывал, тайное искусство эти луки мастерить – просто страсть. Что клеют их не просто клеем рыбьим,

из костей, а особым, токмо из неба волжского осетра сваренным. Как варить – секрет. Лаком от воды покрывают их таким, что от сгибания не трескается. Как его сделать – тоже тайна.

– Подумаешь, тайна! – обиделся другой холоп. – Нешто наши мастера в Москве али Суздале хуже делают? Надобно токмо, чтобы плечи у лука неотличимыми, совсем одинаковыми были. Для того их не из стволов, а из ветвей делают. Кленовых, яблоневых, ясеневых иль дубовых. Ветку такую вдоль расщепляют, и комельками к кибити клеют. Дабы волокна в разные стороны от середины к концам плеч шли. Распаривают, вестимо, дабы форму нужную придать. Опосля спереди жилы клеют одинаковые, а сзади пластинки роговые али из копыт вырезанные прилепляют. Ну, кожей сверху покрывают тонкой и лаком. Выдерживают года три, дабы схватилось все, – и готово.

– Языком молоть «готово», – огрызнулся Пахом. – А как руками делать – это и жилы, и пластины для каждого плеча одинаковые подобрать надобно, и без зазоров сделать, каждую костяшку вплотную, и клей такой, чтобы не рассыпалось. В общем, много секрета в ладном луке скрыто, барчук, не в каждой деревне тебе его сделать смогут, и не в каждом городе. Это не меч, что всякий кузнец выковать возьмется. Мастеров мало, воинов много. Оттого лук каждый и стоит, как полста мечей.

– Хороший меч тоже не каждый кузнец сладит, Белый, – ответил безбородый холоп.

– Хороший – не каждый, Агей. Да ведь лук даже плохой мало кто склеит. А уж добрый, тугой да точный...

Так, за разговорами, тракт и уходил за спину верста за верстой. После полудня путники остановились на короткий привал. Поели холодных пирогов, запивая холодным же пивом, переседлали коней на заводных и двинулись дальше. Только в поздних сумерках свернули они на поляну возле какой-то реки. Пока одни из холопов рубили прорубь и поили лошадей, другие развели костры и вскоре заварили гречневую кашу с салом, соблазнительный мясной аромат от которой сильно не соответствовал ее вкусу.

Растянувшись на постеленном ему толстом промасленном потнике, Андрей подумал было спросить, почему вдоль дорог нет ни деревень, ни усадеб. Но почти сразу догадался сам. Армии в недоброе время тоже ведь по этому тракту ходят. Большой город, может, и отобьется, а маленькие деревеньки и усадьбы – вряд ли. Так зачем на виду торчать? Спокойнее в лесу, в стороне затаиться да выждать. Авось, и не найдут. Не те времена, чтобы кричать о себе на каждом углу. Туристы здесь не ходят...

С этой мыслью он и провалился в сон.

* * *

Хорошо быть барчуком. Андрея никто не тревожил до тех пор, пока на костре не забулькал густой, похожий на суп-пюре, кулеш с душистой грибной крошкой. Ни за дровами не посылали, ни коней седлать, ни кашеварить. Проснулся, перекусил, до ветру в лес сбегал – и в седло.

Второй день пути тоже не принес ничего нового, и только на третий, вскоре после полудня, отряд увидел впереди воинский дозор: небольшой сруб с трубой, высокий стог, коновязь с десятком лошадей и ратники в броне и с копьями, скучающие возле дороги.

– Вот и Себеж! – облегченно вздохнул боярин. – Порубежье.

– Такой маленький? – изумился Андрей.

– То дозор, сынок, – усмехнулся Василий Ярославович. – Сама твердыня слева, на перешейке меж двумя озерами стоит. Крепость могучая, всего девять лет назад срублена. По велению государя князь Шуйский поставил. Три года тому все лето стены в ней надстраивали. Ныне ее так просто не возьмешь, зубы пообломаешь... Здрав будь, Бажан Ветранович! Давно не виделись. Как здоровье, боярин, как супружница? Растут ли дети? Плодоносят ли поля твои, стоит ли усадьба? Здоровы ли князя Засекин и Тушин, хороши ли у них дела?

Боярин Лисьин натянул поводья, спешился и обнялся с вышедшим из избы дородным бородачом в собольей шубе с длинными, до земли, рукавами и в собольей шапке. Правда, из-под ворота запахнутой шубы холодно поблескивала пластинчатая броня, доказывая, что ее владелец в любой миг готов к схватке. Сабля, скорее всего, тоже висела на боку под парадным одеянием.

– И ты здоров будь, Василий Ярославович! Жена моя, слава Богу, здорова, по осени еще карапуз мне подарила. Да и старшие подрастают. Именье мое тоже не трогает никто. Под Белоозером спокойно ныне – ни мора, ни татар давно не видели. Так что, благодарствую за внимание, Господь заботой не обходит... – Глава порубежной стражи размахисто переkreстился, поклонился на восток. – И в крепости у нас ныне благолепие. Князь Тушин в отъезде, но второй воевода дело знает крепко. Недавно, Василий Ярославович, приступ сорока тысяч литовцев отбил да почитай всех их положил под стенами, а кого в озере утопил. Государыня в честь победы той храм Святой Троицы поставила, слышал⁸? С тех пор спокойно у нас, тьфу-тьфу, чтобы не сглазить. Правда, срок перемирия здешней зимой, сказывают, к исходу приходит⁹. Ну, да припасов у нас полно за стенами, а силы у литовца да ляха супротив нас ныне нет. Не сунутся. А у тебя как дела, Василий Ярославович? Что супружница твоя, Ольга Юрьевна? Как сын? Здоров ли, растет?

– Андрей! – громко крикнул Лисьин.

Зверев, чуть выехав вперед, поклонился.

– Возмужал, возмужал, – признал порубежник.

– Новик! – кратко сообщил боярин.

– Смотрю, волосы торчат из-под шапки.

– Не посвящен еще, Бажан Ветранович. Новик.

– А-а... – вздохнул порубежник. – Вижу, вижу... Вижу, собрался ты куда-то, Василий Ярославович, и с сыном, и с холопами своими, и обоз ведешь...

– Обоз пустой, сам смотри. А что с сыном и холопами... Так ты о чем намекаешь, боярин?

– Сказывали, человек твой доверенный в Литву ушел, Василий Ярославович. Вроде как с королем польским о достойном имени уговариваться...

– Ярыга¹⁰ это! – злобно рявкнул Лисьин и стукнул кулаком по седлу. Конь фыркнул, отошел чуть дальше. – Ярыга проклятый, отрыжка дохлого енота! Так дела мои в Луках Великих вел, что подворье разорил дочиста и пятнадцать гривен долга на мне оставил. А как головой выдали, так еще и сбеги, жену и двух девок бросив. Серебра, мыслю, казну с собой унес. Ему в Литве лепко, кто тут спорит. А что доверен – то как поймаю, на первой же сосне повешу такого доверенного, дабы далече видно было, как ноги его брыкаются.

– Я тебе верю, Василий Ярославович, – кивнул глава стражи. – Ан слухи разные бродят.

– Что мне слухи, Бажан Ветранович? – Лисьин развернулся, рывком поднялся в седло. – Не видишь, ни жены, ни дворни не везу! А кабы и вез – я боярин вольный!

Он пустил коня шагом прямо на порубежника. Холопы, не дожидаясь приказа, двинулись следом.

– Все мы бояре вольные, – отступил с дороги глава стражи. – Да государи ныне обидчивы. Сигизмунд, сказывают, зело на князя Друцкого обижен, что тот руку московскую принял. Хотя в праве своем князь. Но земли его к порубежью близки... Как бы чего не вышло.

– Это угроза, боярин? – нехорошо покосился на порубежника Лисьин.

⁸ Насчет сорока тысяч боярин Бажан Ветранович приврал, было их всего двадцать тысяч. Но насчет храма – правда.

⁹ О нравах того времени можно судить по договору с королем Сигизмундом от 1537 года, по которому тот обещался 5 лет не разорять окрестности Себежа. То есть взаимный грабеж считался отношениями нормальными, а вот некоторый перерыв оговаривался, как событие.

¹⁰ *Ярыга* – человек, попавший в рабство за долги.

– Князю Юрию Друцкому? Может, и так статья, Василий Ярославович. Но не от меня боярин, не от меня...

– Тогда прощевай, Бажан Ветранович. Князю Засекину от меня поклон.

– Прощевай, Василий Ярославович. Передам...

Сотрясая коваными копытами мерзлую землю, отряд промчался мимо стражи. Вскоре тракт повернул вправо, и стража скрылась из виду.

– Кто такой «новик»? – тихо поинтересовался у Пахома Андрей.

– Новик, барчук, – это сын боярский, что впервые на службу заступает.

– Ты это, сынок, ты! – подал голос боярин. – Как меч первый раз с врагом скрестишь, так новиком и станешь. Да... Жалко, в Себеж завернуть времени нет. Вроде и рядом крепость новая, а все не глянуть, что там отстроили.

– Странно, что она не на дороге стоит, – удивился Зверев. – Крепость ведь, по уму, пути на Русь должна защищать?

– Она путь и обороняет, – ответил Василий Ярославович. – А стоит там, где ее захватить труднее.

– Как же обороняет, отец, если с нее дороги и не видно вовсе?

– Самим существованием своим, сын. Сам помысли, как ты войну вести сможешь, если такая крепость во вражеской земле стоит?

– Да обойду ее просто и дальше двинусь.

– Не двинешься, – покачал головой боярин. – Я из этой крепости стану отряды распускать, они обозы разорять будут, что к тебе с припасами и казной идут, а также те, что ты с добычей и людьми увечными домой посылаешь. Коли кто из людей твоих пожелает на захваченных угодьях осесть – разорю да на деревьях развешу. А чуть рать твоя сильная появится – обратно за стены спрячусь. Нет, сынок, пока все крепости не захвачены, ни землю присвоить, ни наступление вести никак невозможно. Татар казанских возьми. Они с разбоями своими порой и вовсе до Москвы доходят. Но ни пяди земли русской себе под руку не получили. Отчего? А оттого, что ни одного города, ни одной крепости никогда взять не могли. Народ беду за стенами пересидит да обратно к пашням своим возвращается.

– Заслон возле крепости можно оставить, чтобы гарнизон вылазок не делал, – предложил Андрей.

– У одной твердыни заслон, у другой заслон – на сем рать твоя и кончится. Малым ведь заслоном не обойдешься, его защитники сомнут. А больших не наоставляешься – никакого войска не хватит. Юн ты еще, сын, наивен иногда, как дитя малое. На ливонцев, вон, глянь. Они токмо замками землю свою и держат. Жмудье сиволапое, знамо дело, ненавидит их лютой ненавистью, ан сделать ничего не способно. Не может твердыни ордынские одолеть. Крестonosцы, чуть не по-ихнему что, выходят из-за стен, бунтарей жгут да вешают, недовольных порют, оброк свой изо всех выбивают – да обратно прячутся, отдыхают за стенами каменными. Так, почитай, четыре века и живут – с тех пор, как Ярослав Мудрый им земли приморские пожаловал. Пока замки стоят, до того часа и власть ордынская¹¹ остается.

Андрей кивнул. Похоже, знаменитая тактика времен второй мировой – «обходить опорные точки и развивать наступление» – для здешнего мира не годилась. К «передовой» тактике требовались в приложение миллионные армии, сплошные линии фронта и хорошо охраняемые линии снабжения. Да и то партизаны изрядно крови попить способны. Здесь же как раз вокруг «опорных точек» вся тактика и крутится. Имея армию всего из нескольких тысяч воинов, дорогу в пятьсот верст патрулями не перекроешь. Особенно, если «партизаны» не в кустах от холода трясутся, а за неприступными стенами отсыпаются.

¹¹ Понятие «орда» в русском языке означает, помимо войска, еще и разбойничью шайку, что вполне совпадает с отношением людей к крестonosцам и их наименованию «орден».

И все же, и все же...

– Однако татар такие крепости не останавливают.

– Ничего не поделаться, сын. Поперек всего рубежа стены ведь не поставишь. Однако надолго те же татары задержаться не способны – потому как все добро вынуждены при себе, рядом с ратью держать. Ни назад отослать не могут, ни подмоги из дома получить. Пришли, схватили, что успели, – и в Казань скорее, добычу всей силой обороняя. И все из-за того, что крепостей боятся. Коли на малые силы разделятся, воеводы городские эти отряды тут же истреблять начнут. Да и сами татары тоже не саблями одними, а твердыней могучей держатся, Казанью. За нее прячутся, не достанешь.

– А если собраться всей Русью – да взять?

– Оно, конечно, дело хорошее, – вздохнул боярин. – Однако же тяжело ныне Руси. Со всех сторон нас, нешто собаки, и свеи, и османы, и литовцы, и татары рвут. Во все стороны грозить надобно. Как тут в одном месте великую силу супротив Казани собрать? Супротив татар соединишься – ан в другом месте рубежи оголишь. Опять же, земли немалые потеряешь.

– А сейчас мы, кстати, все еще по русской земле едем или уже нет?

– Земли русские до самой Лабы тянутся, сын. Однако же здесь у нас княжество Московское, а за Свейским озером – уже княжество Литовское будет. Земля русская, а государь иной¹².

– Плохо, – покачал головой Андрей. – Что же это русские земли пополам разделены оказались?

– А разве я тебе о том не сказывал, барчук? – громко удивился Пахом. – Нечто не поведал тебе истории креста Андреевского?

– Нет, – ответил Зверев. – Не помню.

– Да и я запамятовал, – кивнул Лисьин. – Давай, Белый. Дорога еще долгая. Скучно. Кто и помнит, не откажется еще раз выслушать. Давай.

– Ходит молва... – Дядька прокашлялся. – Ходит молва, после вознесения Господа нашего, Иисуса Христа, сговорились ученики его, апостолы, веру истинную в разные концы света нести. Кинули жребий, кому куда идти, и любимому ученику Иисусову, апостолу Андрею, выпало счастье на Русь отправиться, слово святое здесь провозгласить. Тут же грянул гром оглушительный, разошлись на небе облака, и опустилась пред Андреем ладья сказочной красоты с парчовыми парусами. Возшел апостол на палубу – взвилась ладья и перенесла его в тот же миг в дикую Тавриду, где схизматики и татары токмо обитают. Там произнес Андрей первое истинное слово, там воздвиг первый крест и храм Христовый.

Из Тавриды по Борисфену¹³ священному поднялся он до стольного города Киева. Сошел у Киев-града апостол Андрей, произнес люду русскому второе свое слово и поставил второй крест, после чего пошел по Руси, неся слово Божие, благословляя смертных и исцеляя немощных. И где ни проходил он, везде сами собой падали идолы, немели волхвы, а нечистый дух бежал и плакал горячими слезами, а с ним вместе бежала нежить и колдовство, упыри и навки, водяные и лешие. Где ни вещал он – воздвигались храмы и возносились молитвы. Так пришла на Русь в первый раз вера Христова, первый раз к истинному Богу русский люд позвали, за что и наречен тот апостол Андреем Первозванным.

Сказывают, и на месте Москвы будущей останавливался апостол. Леса там были дикие, нехоженые, а промеж них – волок длинный. Пока ладью его тамошние волокушники перетягивали, долго он в окрестных селениях проповедовал, и место сие особо благословил. Препрек: сердцем мира место сие станет. И поставил он там третий свой крест.

После волока спустился Первозванный до Ильмень-озера, миновал Словенск Великий, что стоял на месте нынешнего Господина Новгорода. В те времена обитал на Волхове могучий

¹² Даже после Люблинской унии 1569 года официальным языком нового «субъекта» признавался русский.

¹³ Днепру.

князь Перей-Туча, род свой еще от Словена Великого ведущий. Был у него единственный сын, и тот недужен страшной болезнью, что муки ему доставляла неисчислимы, а справиться с ней никто из лекарей не мог. И предрек князю вещий волхв, что исцелит его сына токмо иноземец из дальних краев. С тех пор посадил Перей-Туча дружину свою на реке и повелел хватать каждого прохожего и проезжего, а кто окажется иноземцем, к нему везти.

Приводили воины иноземцев, и каждому князь приказывал сына своего исцелить. Кто не мог – того тут же в Волхове и топили. А потому как никто с болезнью справиться не мог, то топили всех иноземцев, на Волхов заплывавших. Остановили и Андрея Первозванного, привели к ужасному правителю. Велел и ему Перей сына исцелить. Ответил апостол, что готов сотворить такое чудо, однако же при условии, что все домочадцы, вся дворня княжеская и сам правитель веру истинную примут. Повелел князь всем креститься. И сам окрещен был, и принял он имя Иоанна. В тот же миг исцелился сын Перей-Тучи. И была великая радость в роду княжеском, и верою наполнились сердца человеческие. Брат же Перей, Мунга, принявший во Христе имя Герман, отправился вместе с апостолом далее нести истинную веру. И в память о чуде сем оставил Андрей Первозванный в том месте, в селении Грузино, что на Волхове, свой посох.

Засим отправился апостол на острова Валаамовские, на коих со дня сотворения мира были языческие капища, стояли идолы, а бессмертные волхвы творили свои страшные заклинания. В тот час, когда ступила нога Андрея Первозванного на камни святого острова, заплакали идолы и рухнули сами собой, рассыпались капища, а волхвы, увидев сие чудо, уверовали и преклонились пред истинной верой, став ее самыми преданными служителями. На берегу же, в том месте, где пророк ступил на остров, вырос из камня четвертый крест, поставленный в русских землях.

На сем подвиге счел апостол дело свое законченным. Оставив возле креста, на святом острове Валааме, новообращенного князя Германа, отправился Первозванный восвояси. Проходя через наши земли, поразился Андрей бесчинствиям, что творили здесь слуги дьявола, бесы всяких пород, нежить лесная да болотная, колдуны злые, хитрые. Дошел он до самого логова дьявольской силы, что хитростью колдовской сотворила себе храм зла аж на самой Сешковской горе. И напротив той горы, аккуратно у подножия холма, на котором ныне усадьба боярская стоит, воздвиг апостол Андрей молитвой да силой Господней свой пятый крест.

В тот день и час рухнул храм бесов на горе Сешковской, похоронив под собой половину нежити, что водилась на наших землях. Вздохнули люди радостью и покоем, начали строить храмы христианские, молиться Иисусу Христу и сеять хлеб на земле, что была до того дня околдована чарами. Разбежались колдуны древние. Любовод на Суриковское болото отправился, спрятался там в самую глубину вязей, да в ненависти своей что зимой, что летом путников случайных топил. Чернотрав на закат ушел и в землю зарылся, часа нового торжества дожидаясь. Белобой на востоке на высоко гору забрался и заморозил, чтобы ходу к нему никто найти не мог, Лютобор средь Козютина моха скрылся, а многие и вовсе пропали. Нежить же пуганой стала. Днем коли и появится, то редко, тайно и со страхом. Да и ночью гнева христианского боялась больше огня небесного, больше смерти, больше, нежели сами люди ранее нежити страшились. Такую силу людям христианский этот крест Андреевский давал.

Надо сказать, други, в те времена язычники, слуги бесов и ложных богов, зело сильны еще были. Посему, когда со словом истинным пришел Андрей в Грецию, ждала его страшная беда. Начал он проповедовать там в городе Патры. Недужные от слов его исцелялись, слепые от его прикосновения прозревали. По молитве апостола выздоровел тяжело больной Сосий, знатный горожанин; наложением апостольских рук исцелилась Максимила, жена правителя Патрского, и его брат Стратоклий. Совершенные апостолом чудеса и его пламенное слово просветили истинной верой почти всех граждан города Патры. Немного оставалось язычников в Патрах, и среди них – правитель города Эгеат. Апостол Андрей не раз обращался к нему со

словами благовестия. Но даже чудеса апостола не вразумляли Эгеата. Святой апостол с любовью и смирением взывал к его душе, стремясь открыть правителю христианскую тайну вечной жизни, чудотворную силу Святого Креста Господня. За такие речи разгневанный Эгеат приказал распять апостола. Язычник думал опорочить проповедь святого Андрея, коли предаст его смерти на кресте, прославляемом апостолом. С радостью принял Андрей Первозванный решение тирана и с молитвой к Господу сам взошел на место казни. Дабы продлить мучения апостола, Эгеат приказал не прибавать руки и ноги осужденного, а привязать их ко кресту. Два дня апостол с креста учил собравшихся вокруг горожан. Люди, слушавшие его, всей душой сострадали учителю и потребовали снять апостола с креста. Испугавшись смуты, Эгеат приказал прекратить казнь. Но святой апостол стал молиться, чтобы Господь удостоил его крестной смерти. Как ни пытались воины тирана снять апостола Андрея, руки им не повиновались. Распятый апостол, воздав Богу хвалу, произнес: «Господи, Иисусе Христе, приими дух мой». В тот же миг яркое сияние осветило крест и распятого на нем мученика. Когда сияние исчезло, апостол Андрей Первозванный уже предал свою святую душу Господу.

Так закончил земное служение апостол Андрей, первым позвавший Русь нашу к православно́й вере – но не закончилось дело его. Ибо стояли на Руси пять его крестов и одним видом своим освещали людям истинный путь, по коему надлежит душам их идти, и угнетали все дьявольские порождения, что затаились по темным закуткам сего мира. И стала нежить искать способа, чтобы избавиться от такого Господнего наказания.

Сами они никак не могли подойти к кресту животворящему – сгорали, ровно бабочки в свете факелов. Однако же люди к крестам сим подходили без страха. И пошли посланники дьяволы на все четыре стороны света искать того, кто эти кресты уничтожить посмеет. Долго ходили они, а никто поднять руку на крест святой не решался. Сошлись обратно посланники на Сешковской горе, на проклятом камне, и стали думать, как дальше им быть. И замыслили тех, кто изничтожить кресты не решается, серебром да золотом купить. Собрали из тайных кладов казну великую и пошли поперва на восход, откель день новый рождается, искать того, кто за плату кресты святые повергнет. Искали, искали – не нашли.

Пошли они тогда на закат, туда, откуда ночь приходит. Дошли до храма одного, обернулись князем богатым со свитой, да и предложили попу тамошнему дар великий, на храм новый каменный. Увидел груды серебра и золота священник, не выдержала душа его – и согласился он за награду богатую крест Андреев порушить. Пришел он к пятому кресту. Не было тогда еще нашей усадьбы, некому было его остановить. Свалил священник из страны заката крест святой, срубил его под самый корень. А он порушить не смог. Как упал крест оземь – так земля его сразу в свое лоно и приняла. Утонул он в земле, осталась токмо яма огромная в виде креста Господнего. Да и та враз водой наполнилась, от кощунственных рук святыню спасая. Так и не получила нечисть победы полной, хотя силы у нее и прибавилось.

Пошла отрава золотая по земле святой. За награду бесовскую отступники веры истинной и в Тавриде крест порушили, и в Киеве. Хотели в лесу, на волоке свалить, да князь Перей-Туча, во Христе Иоанн, оборонил. Поставил вокруг креста твердыню, назвал ее Москвою, в честь Моска, сына Ноева, одного из предков своих, и стал там проживать и службу ратную во имя Господа нести. А на Валаам явились – прогнал их князь Мунга, Герман во Христе. И осталось на Руси опосля апостола первого крестов святых всего два из пяти.

Дошло до Господа нашего, Бога-отца, и Сына, и Святого Духа, как за презренный металл, за золото и серебро люди смертные душу продают, и обрушил он на землю гнев свой великий, и разделил мир надвое, на людей восточных и западных. На тех, кто душу превыше серебра ценит, и тех, кто серебро превыше души. И заселил землю людей души дубами, ибо прочен их дух, как дуб вечный. Земли же людей серебра и золота заселил соснами, ибо хоть и прочны они, но не таковы, чтобы с дубом тягаться. И порешил он спор случившийся так. Коли одолеют люди со стороны рассвета тех, кто Бога своего предал – тогда настанет на земле царствие Божие,

счастье вечное. Коли одолеют люди запада – быть на земле царству диаволу, царству смерти. Некого тут будет спасать для жизни вечной – и отринет от людей Господь лик свой навеки...

Вот так с тех пор и заведено, барчук, что разделен мир земной надвое, и граница аккурат по Пятому кресту проходит. И воюем мы с княжеством Литовским во имя Божие век за веком, и они с нами за веру лживую воюют. А нам, барчук, с того времени озеро крестное осталось, что рядом с усадьбой лежит, да рубеж, Богом для суда поставленный.

– Где же этот рубеж, Пахом? Мы до него уже доехали?

– Ты, сынок, видать, слушал плохо, – вмешался боярин. – Земли наши Господь разделил ясно и понятно. Земли людей, кто выстоял перед искушением дьявольским, ако Спаситель в пустыне, дубами означены. А тех, кто продался – соснами. Нешто забыл? А граница сия всего в версте от усадьбы нашей проходит, коли на закат скакать. Помнишь, где боры сосновые в нашем имении начинаются? Дед твой еще жив был, рубежи московские аккурат по тому месту и тянулись. Граница с Литовским княжеством. Полвека прошло. А ныне, волей Божией, рубежи мы на закат уже на две сотни верст сдвинули. Стало быть, не иссякла еще сила Господня, одолеваем схизматиков. Настанет час – вся земля веру истинную примет!

– А сейчас мы на московской земле али на литовской?

– В порубежье, сынок. Я же в трактаты мирные не заглядывал. Себеж, знаю, наш. А Свей – уже литовский. Сказывали, по берегу озера Свейского рубеж считается.

– Название странное.

– О прошлом веке свеев несколько к князю под руку попросились. Одному из них озеро сие с островом и деревни ближние на кормление государь отвел... Однако смеркается. Все едино сегодня до озера не доберемся. Вторуша! Скачи вперед, место для привала присмотри. Поутру к литовцам въедем.

* * *

Стоявшая возле Свей порубежная стража мало чем отличалась от московской. Разве только у двоих дозорных поверх кафтанов красовались матовые кирасы, да вместо копий в руках у них были алебарды с непропорционально крохотными топориками.

– Куда путь держим, господа хорошие? – поинтересовался литовский старший в высокой шапке «пирожком» с приколотым сбоку ярко-сиреневым, с красным кончиком пером. Наверное, петушиным.

– По приглашению князя Ивана Крошинского едем, боярин, – кивнул с седла Василий Ярославович. – Подарки богатые князь обещал. Оттого и возки с собой катим.

– Князь хоть ведает, что подарки надобно готовить, али дружина такая для напоминания идет?

– Иван Крошинский на сестре моей Аглае женат, боярин. Нешто родичу железом о чем-то напоминают?

– Иного родича не то что железом, веревкой пеньковой встретить хочется, – вздохнул порубежник и махнул рукой: – Проезжай!

– Однако... – покачал головой Андрей. – Почти взвод при полном вооружении через границу идет, а стража смотрит, будто так и надо.

– А с чего бы им беспокоиться, сын? – пожал плечами Василий Ярославович. – Мы ведь не просто так, мы к князю Крошинскому едем со всей открытостью. Опять же, вспомни легенду про Пятый крест. Земля округ русская, и люди русские. Попробовал бы с дружиной в земли ордена так проехать... У-у... Все бы железо, кроме разве сабель, отдать бы заставили. Опять же, по обычаю древнему, все русские люди вольными в выборе господина считаются. Желаете, Новгороду под руку идешь, желаете – Москве, желаете – Литве. Да хоть Польше! Боярин в любой час волен со всей дружиной к иному двору отъехать, и за то корить его не должно, и

имение его правитель прежний забирать в казну али разорять права не имеет. Как бы князя дружину свою пополняли, коли стража их каждого оружного холопа останавливала да прочь гнала? Войны у нас с Литвой ныне нет, оттого и ездить мы вольны, куда желаем да как желаем.

– А вдруг мы сейчас возьмем да разграбим какую-нибудь деревню?

– Кто сбежит, у кого дом загорится, кто сам стог сырой запалит, – пожал плечами боярин. – Тревога начнется, бояре окрестные холопов в седло поднимут, стражу порубежную враз дружиной крепкой усилят. Назад уйти не дадут, никак не дадут. Загонят в чашу да вырежут там всех до единого. Маловато нас силой прорываться.

– А после того, как замок возьмем? Тогда как вырвемся?

– То не наша, то князя Крошинского забота. Он ведь дороги разведывал да замок доглядывал. Должен придумать...

Литовскую порубежную заставу они миновали где-то через час после выхода в путь, а уже к полудню увидели впереди поднимающиеся в небо дымки.

– Вот и Дрисса¹⁴... – кивнул боярин. – На Наума-грамотника¹⁵ уговаривались с князем встретиться. Аккурат к сроку и попадаем.

– Что такое «Дрисса»? – поинтересовался Зверев.

– Крепость такая, – ухмыльнулся боярин. – Да ты на названье не гляди, твердыня ладная. Обороняться умеет.

На самом деле Дрисса оказалась довольно крупным и шумным городом, обнесенным низкой земляной стеной с частоколом, за которой далее виднелась рубленая цитадель, возвышающаяся над наружной стеной метров на десять.

Впрочем, отряд боярина Лисьина в город заезжать не стал. Вокруг Дриссы раскинулись широкие посады: изрядное количество огородов и дворов. Среди них Василий Ярославович быстро сыскал ворота, над которыми красовалась вывеска: «Хлеб-соль», и въехал на просторное подворье, размером лишь втрое уступавшее лисьинской усадьбе, с бревенчатым домом в два этажа и длинным навесом с коновязью у правой стены.

Боярин решительно спешился, отдал поводья подскочившему простоволосому мальчишке в козьей шубейке до пят, кинул через плечо:

– Вторуша, за лошадьми проследи! – После чего поднялся на крыльцо, толкнул темную, засаленную дверь.

Андрей спешился, двинулся следом. Внутри было сумрачно, пахло кислятиной, конским потом и мясным отваром. Сразу за дверью открывалось помещение размером с трапезную в усадьбе, заставленное столами и табуретами. В самом центре горницы боярин Лисьин уже обнимался с каким-то узколицым молодым хлыщом в тесной суконной куртяшке, в штанах, похожих на два слипшихся воздушных шарика, и в колготках, плотно облепляющих тощие ноги до самых сапог с высокими раструбами. В одном из раструбов белели кружева. Голое лицо туземца с тонкими усиками казалось после бородатых русских мужиков неприлично голым, осунувшимся.

– Знакомся, Иван! – поднял руку, подзывая Зверева, боярин. – Это сын мой, Андрей.

– О-о, юный Лисьин! – Туземец оторвался от Василия Ярославовича, кинулся к Звереву, крепко обнял и тут же отодвинулся, похлопывая его по плечам: – О-о, какой могучий воин! Когда же, когда и мои дети так же станут со мною вровень! Это какой у тебя поход, боярин? Пятый? Третий?

¹⁴ Дрисса – ныне город Вехнедвинск.

¹⁵ 14 декабря. С этого дня на Руси для крестьянских детей начинался «учебный год». До весны – пока рабочие руки опять в поле не понадобятся.

– Первый, княже, – остудил восторг родственника Василий Ярославович. – Я так помыслил, коли начинать, то на ливонцах, на кавалерах ордынских. Бо с татарами стакнешься, без опыта враз или со стрелой в брюхе, или с арканом на плечах окажешься.

– Это верно, – согласился князь. – Не те ныне крестоносцы, не те, что огнем и мечом веру христианскую несли. – Он опасливо оглянулся по сторонам и продолжил полусшепотом: – Страшно сказать, служители престола папского вдруг один за другим веру истинную отвергать начали и в ересь лютеранскую перекидываться. Сказывают, иные «отцы» у себя в замках притоны разврата устраивают и похоти предаются, иные и вовсе обеты celibата отринули и жен себе берут. Многие замки присваивают и себя баронами объявляют, друг с другом вражду затевают. Нет больше ордена прежнего, совсем нет¹⁶. Какая у них сплоченность ныне, коли ни веры общей, ни закона, ни власти прежней нет более? Коли в рать общую и соединяются – так токмо чтоб уделы свои от врага внешнего удержать. А как рать нашу али польскую опрокинут – враз опять, что тараканы, по замкам и городам разбегаются. Посему и мыслю: никто за кавалера Карла не вступится, хоть бы мы и год у него осаду держали. А коли быстро суд свой правый свершим, так и вовсе хлопот не будет.

– Вот оно, проклятие Пятого креста, Андрей, – повернулся к сыну боярин. – Не дает им серебро счастья. Без веры душа мертва.

– Ай, перестань, Василий Ярославович, – небрежно отмахнулся литовец. – Пустая болтовня с этим проклятием. Коли Бог любит человека, то первое, чем его награждает, так это богатством. А грешников нищетой карает. Нешто вы, люди восхода, от прибытка когда отказывались? Ты со скобарями сговорился, боярин?

– Уговорился, княже. Идем, за стол хоть сядем. Хозяин, где ты прячешься?! Люди мои на дворе устали! Коней под навес поставь да овса им отборного насыпь! А людям горячего чего с мороза приготовь. Пива дай им вдосталь!

– А нам вина бургундского на стол! – крикнул князь.

Они втроем уселись за длинный дощатый стол, на угол. Князь Крошинский отхлебнул из деревянной кружки что-то, пахнущее яблочным соком, опять оглянулся, наклонился вперед:

– Сговорился я со смердом одним, что дрова в замок привозил. Ему вместо полушки токмо плетей полста штук выплатили. Он и уговорился за гривну серебра окрест крепости Ворзовы нас с обозом провести. Сказывал, летом там хода нет, болото, а зимой верховому пройти легко. Токмо до Рождества обернуться надобно, бо снега зима нанесет, после Рождества не пройти. По реке Синей, что смерды Зилупе кличут, до Битого дуба дойти – а там он встретит. Коли получится, так все напасти на скобарей ливонцы спишут, за ними гоняться станут.

– Нешто не узнает никто нас с тобой?

– Узнают, не узнают, – отмахнулся князь, – а подумают все едино на псковичей. Что с ними мы приходили. И погонятся, коли рискнут, за ними. А мы с добычей округ Ворзовы тихо уйдем. Нам ведь сеча ни к чему?

– На день святой Анны я со скобарями сговорился, князь. Шесть дней еще у нас. Успеем?

– За три успеем! День до Ворзовы, день округ нее лесом, еще день до Малты по тракту.

– Сил у кавалеров много?

– Полста кнехтов, может, чуть более, да дворни всякой около того. Коли скобари дело свое сделают, с десятков воинов, мыслю, всего останется.

– Ну, с Богом, – перекрестился Лисьин. – Давай, князь Иван, посылай вестника к смерду своему, пусть через четыре дня у условленного дуба нас ждет. А я пока гляну, как холопов моих хозяин привечает.

¹⁶ Апофеозом деградации крестоносцев стал 1525 год, когда магистр Тевтонского ордена Альбрехт Бранденбургский присвоил земли ордена и объявил себя герцогом. Ливонский орден догнивал еще тридцать с лишним лет.

– Куда спешить, Василий Ярославович? Гонец мой доверенный по тракту поедет, через дозоры. Одвуконь. К вечеру домчится!

– Вот и пусть мчится, княже, – поднялся боярин. – Коли не сложится что, вернуться до выхода нашего успеет.

Светелка, которую отвели на постоялом дворе Андрею, была размером не больше той, в которой он жил у себя дома – там, в будущем. Однако холопы – и княжеские, и боярские – вовсе оставались ночевать на конюшне в сваленном у стены сене. В доме их только кормили да пивом отпаивали – зато от пуза. Зверев же – после нескольких дней жизни на морозе – в теплом доме да после пары кружек вина сомлел и мужественно проспал почти сутки – вечер первого дня, ночь и следующий день, что не помешало ему после ужина снова завалиться в теплую, пахнущую сеном постель.

На третий день соединенный отряд в восемьдесят человек при десяти санях вышел из Дриссы и помчался по уже знакомой дороге назад, на восток, к Свее. Но всего через два часа путники свернули влево, на пересекающую путь речушку, и вытянулись на ней в длинную колонну по двое. Путь этот явно не пользовался у местных жителей популярностью. То и дело на пути встречались рухнувшие поперек речушки деревья, перегораживающие русло завалы. Стволы потоньше холопы, спешиваясь, оттаскивали в стороны, более толстые приходилось перерубать. Из-за этого те двадцать верст, что по торному пути отряд, даже с неторопливым обозом, прошел бы часа за три, путники преодолевали половину дня и даже заночевали еще до выхода на условленное место.

Только через три часа пути после вынужденного ночлега вышел отряд к раскидистому дубу, из кроны которого торчал ввысь сухой, обгоревший ствол – подманило, видать, несколько лет назад дерево молнию, с тех пор без вершины и осталось. Люди спешили, отпустили подпруги. Четверо тут же взялись за топоры, прорубая полыньи – лошадей поить. Лучше бы, конечно, теплой воды скакунам давать – но уж какая была. Все теплее, чем снег губами хватать. Впрочем, людям пришлось пить ту же самую студеную воду, слегка разбавив ее вином. Князь Крошинский костры разводил запретил, опасаясь привлечь внимание порубежников из совсем близкой пограничной крепости, а потому все жевали холодное копченое мясо, запивая чуть подкисленной водой.

Проводник появился неожиданно. Вроде и не было никого окрест, как вдруг – в полусотне сажений показался всадник на низенькой пузатой лошаденке с длинной гривой. Жмудин был одет в длинный охабень из плохо выделанной кожи и ничем не крытый, на голове болтала длинными тесемками шапка, похожая формой на танковый шлем.

– Наконец-то! – поднялся князь. – Чего так долго, Сташко? Посланец мой где?

– К Малте поскакал. Сказывал, ты велел за замком доглядывать, княже.

– Да, точно, велел, – вспомнил Крошинский. – Как путь?

– Я проехал, княже. Мыслю, и вы без хлопот пробьетесь. Лошадка дух переведет, княже, да тронемся.

– Нечего время тянуть, – отмахнулся боярин Лисьин. – Вторуша, дай гостю перекусить да на заводного коня посади. Лошадка его в поводу пойдет.

– За то благодарствую, – спешившись, низко поклонился мужик. – Так, господин, и взаправду быстрее будет. Дозволено ли мне будет спросить, когда я получу свое...

– На задаток, – сдернув с пояса, кинул ему князь тяжело звякнувший мешочек. – Остаток получишь, как назад вернемся.

– Благодарю, господин. – Проводник низко склонился, сунул кошель за пазуху. – Вы можете седлаться, княже. Как соберетесь, так и тронемся. Пожевать я и на ходу могу.

Люди зашевелились, пряча фляги под одежду, а недоеденные припасы убирая обратно в сумки. Четверть часа – и колонна опять вытянулась вдоль реки. Вместе с Василием Ярославо-

вичем и князем ехал Андрей во главе отряда, в нескольких шагах за жмудином. Тот, на ходу пожевывая мясистый говяжий язык, густо обсыпанный перцем, рассказывал:

– Кавалеры, гореть им в аду, прознали, что детвора у нас рыбу ловить начала, дабы с голоду не пухнуть. Ну, и порешили оброком новым обложить. На ловлю. По ведру рыбы в неделю. А где же ее возьмешь столько? Во всем нашем ручье ее ведра не наберешь. Детишкам баловство да нам чуток в кашу для запаха. А они, проклятье наше, пороть через одного начали да недоимку назначать... Дровами, хлебом, капустой. Я, деваться некуда, попытал, где вершу поставить можно. У нас ведь ручей крохотный. Начал искать – так к этому болоту и вышел. Стал пробираться к сердцевине. Мыслил, окно быть должно, коли болото. Может, хоть карасей добыть. А вышел сюда, к реке. Аккурат в княжество Литовское, мимо застав ордынских. Место тихое, нехоженое. Топи ведь кругом. Тут и половил маненько. Но ведра в неделю, понятно дело, не получается. Мочи нашей нет тягло такое терпеть... Убегли бы все давно – да хозяйство как же? Дом, двор, скотина. С собой не уведешь, продать – заметят. А уж дом и двор и вовсе никак не возьмешь. Как опосля на новом месте да с голыми руками хозяйство подымать? Сам бы, може, и поднял, ан детишек у меня пятеро, мал-мала меньше. И так мякиной одной кормить приходится, а тут и вовсе с голоду опухнут.

– Ну, это ты загнул, – не выдержал князь. – На одной мякине даже козы дохнут.

– Иногда, конечно, и кашу удается сварить, – признал жмудин. – Ан мякину не мене, нежели поросям, себе запариваем. Им ковш в варево, и себе – ковш. Вы, господа, я вижу, московские будете. А правду ли сказывают, что у вас смерд простой и боярин равными считаются?

– Пред государем все равны, – сухо ответил Василий Ярославович. – Однако же, коли ты бы от меня убог, оброка за землю не заплатив, я бы на тебя тоже сыск объявил, а опосля сидел бы ты у меня в ярыгах, пока не отдашь все до копейки.

– Милостивый Господь! Кабы я пред судом государевым представал, я бы за то одно на оброк вдвое больше обычного согласился, господин. У нас такого и в мечтах не бывало. Кавалер наш, хозяин замка, нам и судья, и хозяин, и кара наша. Что пожелает – то прикажет, как вздумает – так и судит. Нет нам иной воли, кроме как от него. И даже Божья воля через него объявляется.

– Разве это дело, когда князь наравне со смердом безродным в суд идет, боярин? – не выдержал Крошинский. – Удел смерда – землю пахать да кормить нас, дабы мы волю королевскую сполнять могли! Что же твориться начнет, коли каждый пахарь на приказ хозяина своего в суды начнет жалиться?

– Они перестанут убегать, княже, – спокойно возразил боярин. – Слышишь меня, смерд? Коли в мои земли придешь, уговоримся об оброке, что за поле платить станешь, да и работай. Все платить по уговору станешь – в любой год уехать сможешь, коли не понравится что. Твои дети будут рождаться вольными. А коли я сверх уговора с тебя что спрошу – к воеводе али в земский суд на меня жаловаться можешь. Пред государем в землях московских все равны.

– Милостив Господь, – перекрестился жмудин. – Ныне, как серебро получу, так и отъедем. А как найти твои владения, господин?

– До Лук Великих дойдешь, подворье боярина Лисьины спросишь. Там не потеряешься, приведут.

– Чужих рабов сманиваешь, Василий Ярославович, – сухо заметил князь. – Грех это, обиду чинишь.

– Мне до ливонских обид дела нет, – хмыкнул боярин. – А коли недоволен кто – так у нас суд земский имеется. Пусть туда и жалится.

– Суд, суд... Со смердом на одной доске, пред одним судьей стоять! Позор! – возмутился Крошинский. – То-то от вас, из Москвы, то и дело бояре к нам в Литву бегут. А иные земли сами к нам под руку просятся. Тот же Псков, сказывали, наместни государя нашего просил под защиту свою его принять. Замучил, сказывают, князь московский со своими законами.

– То-то от вас, княже, ако от чумы, мора черного, смерды к нам тысячами с семьями убегают, – спокойно парировал Лисьин. – Великий князь уж замучился грамоты считать, в коих ваш король на беду сию жалится¹⁷.

– Сила княжества не в быдле черном, боярин, а в нас, людях служилых!

– Однако же и нам, княже, каженный день кушать хочется. Что есть станет люд служилый, как земли опустеют?

– Меч прокормит!

– Здесь поворот, господа, – указал на полоску взрыхленного снега жмудин.

С речного льда отряд поднялся на пологий взгорок, потом спустился на замерзшее болото. Отличить его труда не составляло: вместо густого леса здесь торчали из снега только редкие чахлые деревца да травяные кочки. Идти сразу стало легче: здесь путь расчищать не требовалось – никаких стволов, никаких завалов. А коли где камень и выпирал – так обойти несложно, болото широкое.

– Недолго осталось, – радостно сообщил проводник. – Версты три болотом, опосля соснячок редкий, да дорога на Арсуньку, хутор там есть в три двора. Ездят мужики редко, но дорогу таки пробили.

Час занял путь через болото, еще минут десять – через вековой сосновый бор без подлеска. Здесь саням пришлось попетлять меж деревьев – но пробрались, не застряли. Дальше жмудин указал на узкую, припорошенную снегом колею:

– По ней поезжайте. Через версту тракт будет, что на Ворзову ведет. По тракту налево повертайте, да скачите. А я след через лес замету. Неровен час, заметят.

– Дальше я путь знаю, – согласно кивнул Крошинский. – Рысью давайте, рысью! Согреем маненько лошадок...

Князь вел отряд уверенно, широким шагом. Вывернув на тракт, воины прошли по нему верст пять, после чего отвернули на очередную узкую, еле различимую дорожку.

– Режица впереди, – пояснил литовец. – Город большой. Вдруг интересно им станет, что за воины скачут? Вины на нас никакой, но ведь задержат.

Дорожка через две версты провела их мимо замка, формой и размерами больше похожего на костел, потом мимо второго. С башен их окинули настороженными взглядами караульные, но тревоги поднимать не стали. Их самих не тронули – и ладно.

Незадолго до сумерек отряд снова выскочил на наезженный тракт, но опять двигался по нему всего несколько верст, после чего отвернул к сосновому бору, выросшему на высоком пологом холме. За холмом обнаружилась ложбинка, скрытая и от ветра, и от посторонних взглядов.

– Все, прибыли, – скинув шапку, отер лоб Иван Крошинский. – Вершень, выстави двух дозорных на холмы. Да глядите, сами не высовывайтесь! С опаской по сторонам доглядывайте. Станислав, пригляди, чтобы огня никто не запалил! Коли заметят нас, все прахом пойдет. Появится Радомир – меня пусть ждет. Коням отдых дайте! Седла снимите, овса задайте. Им, родимым, послезавтра нас выносить отсель доведется. Василий Ярославович, глянешь на замок? Токмо, не обессудь, пешим бы нам дойти. Неровен час, заметят.

– Ништо, – спешился Лисьин. – Идем. Андрей, Пахом – с нами.

Замок представлял собой правильный прямоугольник шириной всего метров тридцать и длиной около пятидесяти. В пределах лисьинской усадьбы таких поместилось бы штук шесть, если не больше. Правда, в отличие от усадьбы, замок был каменный, имел высоту с четырехэтажный дом и две башни по углам на стене с воротами. На одной из башен развевалось желто-синее знамя со щитом посередине, рядом дежурил с копьём воин в накидке тех же цветов. Малые размеры давали замку один большой плюс – все строение было подведено под одну

¹⁷ Поток беглецов из стран Западной Европы в Россию превышал тридцать тысяч семей в год.

общую крышу, по краю которой шли зубцы для укрытия стрелков. Судя по количеству дымов, печей внутри стояло пять.

Еще замок имел ров, что зимой было не особо актуально, и подъемный мост, с которого во множестве свисали массивные сосульки, причем некоторые из них соединялись с ледовым покрытием рва. Так что, судя по всему, быстро поднять пролет защитники явно бы не смогли. Залитых водой длинных склонов вокруг твердыни не наблюдалось – и в этом она здорово уступала усадьбе.

– Что скажешь, боярин? – шепотом поинтересовался князь, хотя услышать его никто не мог. Густой подлесок, в котором они скрывались, подступал к самому рву. К тому же, обойдя замок, они остановились в стороне, противоположной от ворот, и стражник смотрел в другом направлении.

– Коли внутри хотя бы полста ратников сидит, нам его не взять, – так же шепотом ответил Лисьин. – Ну, а коли менее двух десятков – возьмем, не удержат. Слабое место у них – ворота. Коли мост и поднимут али запалят – все едино по льду подойти можно. Без десятка лучников на башнях и защитников с шестами по верху стены им не отбиться. А ведь еще ворота крепить надобно... Нам нужен таран и пяток шестов в десять сажений каждый.

– До завтра время есть, боярин, будут. Лишь бы скобари не подвели...

– Тут токмо ждать остается. Сегодня, завтра. До третьего дня не появятся – считай, пропали старания. Возврататься придется... Пахом, шесты на тебе, уразумел? На тебя сына оставляю. Третьей волной поведешь.

– Сделаю, боярин, – перекрестился дядька. – Христом-Богом клянусь.

Копьем и саблей

– Гори-и-ит! – на рассвете скатился с холма один из дозорных, и даже сам князь поначалу не понял, о чем идет речь.

– Где горит? Что? – вскочив с брошенного на землю седла, переспросил он.

– Дымы с восхода, господин. Много. Не иначе, деревня там горит. Разом занялась, на пожар не похоже.

– Скобари пришли, – широко перекрестился Иван Крошинский. – Стало быть, милостив к нам царь небесный. Не дал пропасть попусту. Станислав, броню мою носи!

– Вставай, барчук, – тут же забеспокоился Пахом. – Как тебе кольчуга, в складки не сбилась? Поддоспешник ладно сидит? Может, переодеть, дабы сидело лучше?

– Нормально сидит, Белый, не беспокойся, – отмахнулся Зверев. – Я уж к этому добру так привык, что и не чувствую. Скажи-ка лучше, из-за чего шум?

– Нечто ты не слышал вчера, барчук, о чем батюшка твой говорил? – недовольно покачал головой дядька. – Не взять нам замка, коли людишек в нем много. Стены руками человеческими сильны. Коли руки есть, оборонится стена. А нет – то и пользы от нее никакой.

– Ну и что?

– Боярин наш с ватагой псковской стоворился, чтобы сегодня рубежи литовские перешла да деревни пожгла хозяев здешних. Кавалеры, знамо дело, на выручку кинутся, рабов своих выручать. За скобарями погонятся – може, и посекутся с ними. Убыток свой осмотрят, чего пропало, чего сгорело, кого в полон увели. Мыслию, день у нас есть, дабы замок сей одолеть и племянника княжеского выручить. Хозяин, по уму, все силы забрать должен – ему же невдомо, сколько там ворога в деревне. А чем меньше людишек останется, тем нам проще внутрь пробиться. Давай, барчук, куяк я тебе оправлю. Гляди, пластины взьерошились, ровно от холода. Оправить надо, бо клинок войти может. Куяк что без железа – шубейка простая. Я его поясом чуть вверх поддерну, чтобы свободнее было, сабелькой легче играть. Ох, прости, Господи, – перекрестился Пахом. – Быть тебе новиком сегодня, пришел твой день, дитятко мое. Вот ты и вырос.

От такого предупреждения Андрей почувствовал в животе неприятный холодок. Такой же, как в детстве, когда однажды он забрался на крышу четырнадцатэтажного дома и встал на самом краю, над заставленной машинами асфальтовой площадкой. Острое ощущение... Порыв ветра – и нет тебя больше, только пятно мокрое на земле останется.

– Всадник, княже! – крикнул с холма, стоявшего ближе к дороге, дозорный. – Сюда повернул!

– Коли один – стало быть, Радомир. – Крошинский наклонился, зачерпнул обеими руками снег, растер по лицу. – Седлать коней! Таран, шесты – на сани!

– Шесты не надо, княже! – вскинулся боярин. – Лесом на руках пронесем. Неча их раньше времени защитникам видеть.

– Таран на сани! – махнул рукой Крошинский. – Запрягай, чего стоите?

Холопы суетились, взнудывая коней, укрывая их потниками, укладывая на спины седла. Шестеро крепких мужиков поволокли к саням таран: комель сваленной вчера сосны пятиметровой длины, в два обхвата, с четырьмя прибитыми поперечинами из молодых березок.

– Не потянет лошадь-то! – крикнул Зверев.

– Ништо, поможем! – откликнулся один из холопов. Выглядели они бодро, весело. Словно не на смерть собирались, а на дискотеку в деревенском клубе.

Двое холопов начали облачать князя в доспех – и Андрей наконец-то понял, почему литовец, словно баба, щеголял в тесных чулках. Надеваемые на ноги железные голени, бедра, сочле-

нения сидели на Крошинском слишком плотно, чтобы их можно было надеть поверх теплых, свободных русских шаровар.

Через холм переметнулся всадник на рыжем скакуне, слетел с седла, упал перед князем на колени:

– Они вышли из замка, господин! Семь десятков ратных я насчитал, шесть оруженосцев. Идут под командой кавалера Карла. Кавалер Альберт, мыслю, при замке остался. С ним ратных пяток всего да дворня.

– С нами Бог! – встав, широко перекрестился Крошинский. – Милость Бога с нами, братцы! Не попустил Господь слезы лить над племянником моим, по воле Божией спасется он от мук полона жестокого, пыток и голода, по воле Господней и нашей доблестью обретет он свободу! Не посрамим рода нашего! Что скажешь, боярин? Не посрамим!

– Не посрамим, княже! Родичи мы ныне, и род у нас общий, и в детях твоих кровь общих наших предков течь станет. Не дадим друг друга в обиду!

– Не дадим... – Князь сел обратно: – Да быстрее вы, криворукие!

– Вторуша, – кивнул доверенному холопу Лисьин. – Людей наших всех, окромя лучников, забирай, шесты, да к замку не торопясь лесом продвигайся. Будь наготове, но ливонцам не показывайся. Начнете, как Андрей с Пахомом подойдут. Слушайте все! Рогатины – на сани кладите! В лесу не понадобятся.

– Дай пособлю... – Белый повернул Зверева к себе, снял с него теплый треух, взамен шапки кинул на голову войлочную тюбетейку, сверху насадил остроконечный шлем, окруженный по краю кольчужной юбкой. К удивлению Андрея, бармица, как называлась такая железная защита, шла не только сзади и по бокам, но и спереди, оставляя лишь два круглых отверстия для глаз. Обзору кольчуга не мешала – просвечивала насквозь со всех сторон, но неприятно холодила нос и щеки, к тому же сильно царапалась, пахла прогорклым жиром и пачкалась чем-то соевым.

– А без этого нельзя, Пахом?

– Оставь, барчук. Не ровен час, заденет кто. Дело минутное – а с кривой рожой опосля всю жизнь маяться. Оставь.

– По коням!

Воины пришли в движение, запрыгивая на спины коней; заржали лошади, заскрипели полозья саней. Десятки людей, более не таясь, темным потоком перемахнули холм, скатились на дорогу и повернули по ней к совсем близкому замку.

– Новика вперед пропустите! – скидывая крышки саадака, крикнул боярин. – Давай, сынок. Покажи людям, на что ты способен. Тебе первый выстрел доверяю.

– Давай, барчук, – тихо попросил скачущий рядом Пахом. – Не посрами старика, не опозорь звание русского. Давай.

Андрей ткнул пятками своего серого скакуна, отпустил поводья, пуская его в галоп, обеими руками откинул крышки болтающихся по бокам лошади, за седлом, колчанов, рванул лук, выдернул стрелу. Замок стремительно нарастал черной громадиной, поседевшей от снега, что лежал на крыше, на зубцах, в проемах окон, на козырьках бойниц и на стоках. Метров триста всего.

– Видел бы меня наш военрук... – сорвалось с его губ, а глаза уже впились в желто-синюю фигуру, замершую на башне у рыцарского вымпела. Не понял еще, зачем гости пожаловали?

Двести метров!

Уже привычным движением Андрей резко выпрямил левую руку, одновременно оттягивая правую к уху, и тут же отпустил указательный палец. Тетива, разгибая большой палец, тренькнула, шелкнула по браслету, густо запела над ухом. Караульный всплеснул руками, словно увидел давно забытого приятеля, и откинулся назад, скрывшись за зубцами. Зверев

отработанным движением дернул из колчана еще стрелу – но больше никаких целей пока не видел.

– Молодец, новик! – крикнул Пахом, но остальным пока было не до похвал.

Что такое двести метров? Секунд десять-пятнадцать. Не успел дядька договорить свою похвалу, а всадники уже осаживали коней перед замком, спешили, бежали по мосту. Несколько холопов споро принялись рубить место крепления цепей к подъемному пролету – на всякий случай. Другие кинулись к воротам, рванули калитку, дернули обитые толстым железом створки – заперто! Они разбежались в стороны и принялись рубить дерево возле петель, в щелях между металлическими полосами. Полетели белые щепы.

Василий Ярославович, уже пеший, с луком в руках крутился на дороге, рядом приплясывал холоп со щитом. Возле Андрея и Пахома тоже появились литовские ратники, но дядьке этого было мало:

– Новик, щит за спину закинь! – потребовал он и повесил Звереву через плечо кожаную лямку. Себе он щит тоже нацепил.

– Коней! Лошадей уводите! – крикнул на литовцев боярин Лисын. – Посекут!

Краем глаза Андрей увидел, как в одном из окон башни мелькнула тень, и прежде чем он успел что-то сообразить, руки уже сами рванули кибить и тетиву, стрела ушла в узкий проем. Попал он куда или нет – Зверев не понял.

– Быстрее, быстрее! – торопил князь, гарцуя на нетерпеливо приплясывающем арденце. Во всяком случае, выглядел его скакун именно тяжеловозом.

К воротам наконец-то подъехали сани. Холопы, словно места каждого были расписаны заранее, споро подхватили таран, по четверо на перекладину, побежали.

– По-о-оберегись!!!

Те, что рубили ворота, прыснули в стороны, и холопы, разбежавшись до скорости хорошего спринтера, врезались пятидесятипудовым тараном в ворота.

Трес-сь! – Андрей думал, ворота вылетят, как декоративная решетка от удара грузовика, но створки лишь слегка качнулись, словно от сильного порыва ветра. Атакующих это не смутило: они отбежали шагов на десять назад, разогнались снова. Тресь!!!

– А-а! Черт его подери! – взвыл лучник Василия Ярославовича, в плече которого невесть откуда взялась стрела.

Боярин и Пахом тут же начали куда-то метать стрелы – однако Зверев пока не видел ни одного врага.

– Ой, мама!

– А-а!!!

Один из таранщиков закрутился со стрелой в спине, на уровне поясицы, другой свалился и пополз к дороге, демонстрируя торчащее из бедра древко.

В этот миг Андрей заметил высунувшегося меж зубцов на стене, над воротами, караульного с крупным валуном в руках. Тетива тут же щелкнула по браслету – стрела вошла ливонцу в грудь. Руки его разжались, но валун все равно полетел наружу и с треском врезался в доски моста перед воротами.

Атакующие молниеносно перестроились. Те, что держали перекладины тарана дальше от бревна, перекинули щиты из-за спин в руки, подняли их над головами; возле каждого из лучников, встали, опять же со щитами, по двое холопов.

– А-а-а! – опять начали разгон таранщики.

Андрей, больше почуввав, нежели заметив, движение наверху, выпустил две стрелы. Правда, похоже, никуда не попал.

Тресь!!! – никакого эффекта!

«Эх, гранатомет бы сюда... – подумал Зверев и похолодел от столь удачной мысли: – Ведь правда, они тут ни про порох, ни про ружья, ни про пушки ни черта не слышали! Да я ведь... Я ведь весь мир могу тут перевернуть! Как там порох делать? Сера, селитра, уголь...»

Т-тук! – стрела, пробившая щит, на длину двух ладоней вылезла с обратной стороны, прямо перед его лицом, и заставила новика оставить на время посторонние мысли. Он выглянул в просвет между деревянными дисками, заметил наверху мужика в одной рубахе, взгрозившего на зубец стены огромный валун, вскинул лук... После выстрела валун, забытый всеми, так и остался лежать наверху.

Тресь!!! – никакого эффекта. Из щитов таранной команды торчало с полсотни стрел, отчего все вместе они напоминали большого плешивого ежа.

На мост то и дело падали тяжелые булыжники, ломая доски и с грохотом врезаясь в щиты – но потерь атакующие больше не несли. Защитников было слишком мало, чтобы поток камней стал опасным, а ливень стрел заставил атакующих отступить. Опять же, чтобы выстрелить или кинуть камень, ливонцам приходилось высовываться – и подставляться под стрелы. Чтобы распугать всего четырех, не считая раненого, русских лучников, у них не хватало стрелков.

Тресь!!! – ворота громко треснули.

Андрей пустил стрелу в бойницу, в которой что-то блеснуло, наложил на тетиву новую: – Ну, чего попрятались, как тараканы?!

Он начинал верить, что за пару часов замок и вправду удастся вскрыть, как гнилую консервную банку. Наверху показалась голова – новик стрельнул туда, прикусил губу, выискивая новую цель.

– Андрей, Пахом, – тихо скомандовал боярин. – Отойдите по дороге и лесом к нашим пробирайтесь. Ливонцы, похоже, все здесь собрались. Пора штурм начинать.

– Да мы здесь через час вломимся, отец! – возмутился Зверев. – Ворота уже трещат! Еще немного, и рухнут.

– Мы здесь вообще не вломимся, – спокойно покачал головой Василий Ярославович. – Они еще кипятки не согрели. Мы ведь без навеса напираем. Да еще внутренние ворота после наружных ломать надо. А там – бойницы в потолке. Забыл, как терем наш устроен? Людей у них мало, да стены крепкие. Одна надежда – на две стороны их не хватит. Нас все же больше изрядно. Все, ступай, сынок. Благослови тебя Господь.

Андрей, раз уж все равно стрела на тетиве, пустил ее в узкую бойницу прямо над воротами, повернулся и побежал вслед за Пахомом. Кто-то стукнул его в спину. Он оглянулся, но никого не увидел.

Добравшись до лошадей, которых берегли несколько холопов в полукилометре от замка, воины сняли саадаки, повесили их на седла, свернули в лес и минут через десять вышли к рассевающимся в кружок боярским холопам.

– Что, задницы примерзли, охламоны? – поприветствовал их Пахом. – Чего расселись? А ну, за дело!

– Лучше лед на заднице, нежели стрела в спине, Белый, – поднялся один из холопов, в кольчуге, надетой прямо поверх тулупа. – Кто барчука твоего наколол?

– Ты не скалься, Федот, не скалься, – огрызнулся дядька. – Пока ты тут носом шишки околачиваешь, он уже трех ливонцев свалил. Вторуша, ты чего молчишь?

– Мужики! – Остроносый мужик, из-под шишака которого выбивался рыжий вихор, поднялся, отряхнул пухлые меховые шаровары, скинул охабень, под которым оказалась пластинчатая броня: – Айда повеселимся!

Холопы, сбрасывая тулупы и кафтаны, повставали, подняли со снега щиты, перекинули их за спину, начали проверять, как выходят сабли из ножен. Андрей тоже проверил – а ну, примерзла? Что тогда?

– Держи! – Дядька выдернул из щита у Зверева за спиной стрелу, протянул ему. – Ну, понял? Слушаться дядьку надобно!

– Понял, понял. – Андрей бросил стрелу на Вторушин охабень. – Дальше что?

– Смотри дальше... Мы третьими пойдем.

Холопы разобрали шесты, сделанные из ровных, неошкуренных сосенок. Четверо держали шест сзади, один спереди.

– Пошли! – скомандовал Вторуша.

Воины ринулись вперед, проломили кустарник, пробежали по льду. Те, что оказались первыми, легко перелетели ров и затопали ногами по стене, под напором шестов взбегая наверх так непринужденно, точно неслись по утоптанному тракту. Со стены навстречу высунулся ливонец, в шлеме и с копьем, вонзил наконечник в грудь одному из холопов. Тот разжал руки и молча рухнул вниз. Однако четверо других оказались на стене. Послышался стук, болезненный выкрик – и ливонец, перевалившись между зубцами, гулко ухнул спиной о лед во рву.

– Пошли! – За это время холопы успели отступить, из каждой четверки один воин взялся за передок шеста. Опять короткий разбег – и еще пятеро бойцов оказались на стене замка.

– Давай, новик! – хлопнул Андрея по плечу Пахом и потрусил к холопам, что отступали, волоча шесты.

Зверев опять ощутил в животе предательский холодок, но... Не в кусты же удирать?

– Куда мне? – преувеличенно громко поинтересовался он, подходя к холопам. Те как раз бросили один из шестов, и трое освободившихся воинов занимали места возле четырех оставшихся.

– Левый бери! – крикнул Вторуша. – Готов, барчук? Пошли!

По примеру соседнего холопа Андрей взял шест под мышку, оперся на его конец обеими ладонями. После того, как воины начали разбег, деревяшка с осязательным напором двинула его вперед. На краю рва он толкнулся, намереваясь прыгнуть на лед, но шест, словно пушинку, перенес его через преграду. Паренек еле успел выставить вперед ноги, чтобы не врезаться в стену, и резво побежал вверх. С непривычки он не подумал только об одном: куда подошвы ставить – и на полпути внезапно провалился куда-то в стену. Снизу, ломаясь, что-то затрещало – и он застрял в какой-то продолговатой дыре, расширяющейся вглубь. Послышался истошный женский визг. Под эти крики Зверев стал, толкаясь локтями и помогая себе пятками, пробираться внутрь. Слишком широкий щит застрял снаружи, удерживаясь только натянувшимся у плеча ремнем. Андрей дернулся из стороны в сторону, перевернулся на живот, поднял щит, повернул по диагонали и втянул за собой в окно. Толщина стены в замке была метра полтора – хоть спать в проеме бойницы устраивайся. Однако отдыхать сейчас было некогда. Зверев извернулся еще раз и спрыгнул в комнатушку метров двадцати.

Стены помещения были увешаны коврами, еще один лежал на полу перед широкой двухспальной кроватью. За кроватью сидела, закрыв голову руками, тетка в остроконечном колпаке с прицепленной на макушку вуалью и изображала пожарную сирену: громкий вой – вдох – вой – вдох – снова вой.

– Хорошо, стекло тут у вас нет, – сказал ей Андрей, перехватывая поудобнее щит. – А то бы порезался. Да вы не бойтесь, мы люди мирные. Вырежем здесь всех, и уйдем.

Подкравшись к двери, он прислушался к происходящему за ней, отодвинул засов, вытянул из ножен саблю и толкнул створку.

Узкий сводчатый коридор был темен, как кротовья нора. Откуда-то издалека доносились крики и звон железа. Пахло дымом и жареным мясом. Похоже, гости оторвали крестonosцев от завтрака. Справа по коридору виднелось какое-то светлое пятно. Новик повернул туда, шагов через двадцать добрался до уходящей вниз деревянной лесенки, спустился – и оказался на деревянной галерее, нависающей над внутренним двором.

По галерее к нему быстрым шагом двигался рыцарь в полном доспехе, если не считать отсутствия шлема, и с полуторным двуручным мечом в унизанных перстнями руках. Стриженная «под горшок» голова чуть наклонена вперед, угрюмый взгляд исподлобья, огромный вороненый крест размером во всю кирасу. Рыцарь превосходил Андрея ростом не меньше, чем на голову, и так же изрядно был шире в плечах. Пудовый меч летал из стороны в сторону, словно хвост у разозлившейся кошки.

– Сдавайся, крестоносец! – крикнул ему Зверев, и сам не ощутил уверенности в своем голосе. – Сдавайся, не то хуже будет!

– Проклятые язычники!

Рыцарь взмахнул мечом. Андрей вмиг прикрылся щитом – и тут же добрая треть диска отлетела в сторону, срезанная острым клинком. Новый взмах. Зверев пригнулся, нанес стремительный удар саблей в сердце врага, но кончик сабли лишь бессильно царапнул полированную кирасу.

– Язычники!

Крестоносец рубанул его из-за головы – и подставленный под удар щит просто разлетелся на несколько досок и перемычек. А сабля опять лишь бессильно царапнула железо на руке рыцаря. Новый взмах – каким-то чудом Зверев увернулся, успел дважды ткнуть врага в пояс, в ногу – но везде его клинок наткнулся на крепкое железо.

– Язычники! – Крестоносец, наступая, занес меч над головой.

Андрей понял, что сейчас умрет. Попятился, споткнулся и, упав на спину, торопливо пополз назад, отталкиваясь руками и ногами.

– Язычники! – Рыцарь резко выдохнул, опуская на паренька свой громадный меч и... И ничего...

Они одновременно подняли глаза: меч вонзился в верхнюю перекладину лестницы, под которую уполз Андрей. В следующий миг Зверев качнулся вперед и быстро вогнал свою саблю под латную юбку – на всю длину, на сколько хватило сил.

– Нет... – сглотнул крестоносец. – Нечестно...

И с железным стуком рухнул на доски галереи.

Андрей привстал на колени, медленно приходя в себя после пережитого. Опять послышался торопливый топот, сверху выглянул Белый:

– Ты здесь, дитяtko мое? Ты цел?

– А чего со мной делается? – тяжело выдохнул Зверев.

– Крестоносец? – углядел рыцаря дядька. – Ты сразил кавалера Альберта? Расскажу – не поверит никто! Наш новик кавалера бывалого свалил! Ты, стало быть, силен, барчук. Сам бы не увидел, не поверил бы...

– Зачем мы здесь, Пахом? – устало спросил Андрей.

– Зачем? – Пахом выглянул через поручни галереи вниз. – К воротам пробиваться надобно! Литовцев впускать! Пошли, у ворот завсегда лестница есть.

Дядька спешно затопал по доскам. Зверев, стараясь не смотреть в лицо крестоносца, рванул из мертвого тела саблю, пошел следом.

Спуска вниз с галереи не было. Был выход наверх. Воины поднялись в мрачный тесный проход, прошагали по нему саженой десять, вывернули за длинный полотняный полог. Через щели между полотнищами был виден зал с высокими потолками и узкими окнами-бойницами. Тут и стояли двое лучников, то и дело мечущих стрелы куда-то вниз.

– Проклятые, и луков с собой нет! – сплюнул Белый.

– Дальше иди, может, спуск найдем, – подтолкнул его Андрей.

Дядька затрусил дальше и в конце прохода обнаружил две двери. Одна вела в очередной коридорчик, другая – на узкую, круто закрученную лестницу. Скатившись вниз, оба выбежали в залу, ринулись на лучников. Пахом – прикрываясь от них щитом, Зверев – за спиной холопа.

Лучники успели пустить по стреле, что пробиты щит, но до Белого не достали и схватились за мечи. Пахом скрестил оружие с первым. Андрей не успел сделать даже выпада – увидел летящий прямо в грудь узкий сверкающий клинок и только чуть повернулся всем телом в надежде уйти от смерти.

Вж-ж-ж-жик! – прошелестела сталь по железной чешуе куяка, проходя чуть не у самого сердца. Зверев увидел лицо врага совсем рядом – его шишак с наносником не закрывал почти ничего, – резко разогнул поднятую с саблей руку, метясь оголовьем рукояти чуть ниже носа, а когда от удара ливонец отлетел на полметра, широко рубанул его поперек горла. В броню ударила струя крови, влажно пахнуло парным молоком.

– Сзади, барчук!!!

Андрей развернулся – в лицо летело копьё невесть откуда взявшегося толстяка. Тут же все пространство перед ним закрыл вскинутый Пахомом щит. Деревянный диск ударил по голове и плечу, больно кольнул в грудь. Зверев опрокинулся на спину, тут же пихнул щит в сторону, увидел рубящегося с бездоспешным чужаком дядьку, рванул щит обратно, выдернул из него копьё и метнул тяжёлый деревянный диск над полом. Ливонец опасность заметил, подпрыгнул, уворачиваясь от удара, но потерял и равновесие, и внимание. Сабля Пахома глубоко рассекла ему живот, а когда толстяк согнулся – снесла и голову. Паренек поднялся, закрутил головой, крепко сжимая саблю. На полу валялись два мертвых ливонца, еще один был невдалеке, держась за неестественно вывернутую ногу. Белый остался верен себе: вместо того, чтобы пробиваться к горлу противника, сломал ему ногу.

– Кажись, все, новик, – вытер саблю о рубаху мертвого толстяка Пахом. – Надо лестницу вниз искать.

Но тут с улицы раздался громкий, торжествующий вопль. Они подошли к бойнице, выглянули. Таран с перекладинами валялся на льду, толпа торжествующих литовцев втягивалась в замок, а князь Крошинский махал руками караулящим лошадей холопам, подзывая их к себе.

– Можешь не спешить, Пахом, – сделал вывод Андрей. – Ворота уже открыты.

Вскоре к воротам подошли сани, втянулись во внутренний двор. Следом холопы загнали лошадей.

– Это что, мы теперь здесь оборону будем держать? – оглянулся на дядьку Зверев.

– Нет, нельзя, – мотнул головой Белый. – Коли задержимся, обложат. Соседи придут, родичи, друзья. В чужом доме долго не усидишь. Чай не война, помощи из Москвы не дождешься. Уходить надобно быстро, пока весть о нашем набеге не разошлась. До темноты уходить. А еще лучше – до возвращения кавалера Карла с дружиной. Сил у него много. Одолеть не одолеет, а крови попьет. Нам же кровь ни к чему, мы свое уже взяли.

В зал с мечами наголо влетели трое литовцев, огляделись, ринулись в дальний угол, к шкафам, распахнули, принялись выгребать посуду. Следом вошли князь и боярин. Василий Ярославович выглядел спокойно, но глаза его тут же пробежали по фигуре сына: голова, руки, ноги... Вроде цел.

– Вижу, до нас покончили со схизматиками, – кивнул он. – Пахом, как тут все?

– Славную схватку я ноне наблюдал, батюшка Василий Ярославович, – прижав руку к груди, чуть склонился Белый. – Прости уж, издалека получилось. По-разному мы с новиком в замок вошли.

– И что? – вскинул голову боярин.

– Алексей Васильевич на моих глазах в честном поединке глаз на глаз кавалера Альберта уложил.

– Не может быть! – мотнул головой Иван Крошинский. – Этот юнец?!

– Сам погляди, княже! На помосте над двором крестоносец лежит!

– Это мой сын, княже, – почти одновременно с дядькой произнес боярин, и Крошинский немедленно расшаркался в поклоне:

– Я, конечно же, не сомневаюсь, Василий Ярославович... И ты, юный боярин. Раз кавалера Альберта здесь нет, он, несомненно, сражен. Я всего лишь хотел выразить свое восхищение... Столь юный воин – и сразил такого опытного бойца! Это просто невероятно! Я восхищен, восхищен.

– Не беспокойтесь, князь. Вам ведь не придется проверять его мастерство... – Лисьин, подавшись порыву, подошел к сыну, обнял его: – Молодец! Витязь!

Литовские холопы тем временем свалили посуду грудой на ковер, ухватились за углы и споро потащили из зала мимо господ. Никто не попытался окликнуть их, схватить, упрекнуть в мародерстве.

– Кровь-то на тебе откуда? – тихо поинтересовался боярин.

– Вон, лучник забрызгал, – кивнул на убитого Андрей. – Теперь не отстирать будет, да? Василий Ярославович сперва тихо хмыкнул, потом громко захохотал:

– Молодец сынок, молодец! Таким тебя и люблю. Как чуешь себя, новик?

– Чую, мясом жареным пахнет, – ответил Андрей. – А мы два дня жвачку пополам со снегом ели. Обидно.

– Так это я враз организую! – обрадовался Пахом. – Дозволишь, боярин?

– Беги, – кивнул Лисьин. – Аппетита, стало быть, не потерял? Это хорошо, сынок, очень хорошо. Первый бой – он в жизни каждого мужа самый главный. Пока со смертью глазами не встретился, никак не поймешь, человек ты али скот двуногий. На ногах стоять станешь али на коленях ползать и со страху выть. Остальное не так важно. Был бы человек. Коли в тебе душа, как дуб, крепка, любое испытание тебя токмо прочнее сделает, тверже булата, ако дуб мореный. А коли душа, что ольха – она и от простого дождика трухой обратится. Ох, сколько холопов после первой сечи мне в страдники пересажать пришлось...

– Дядюшка! Дорогой! – вбежал в залу юноша лет двадцати в суконной курточке с синими атласными полосками на груди, с разрезами вдоль рукавов и, разумеется, в чулках. – Это ты?!

На замороженного острожника розовощекий паренек никак не походил.

– Здравствуй, племянник, – коротко обнял спасенного родственника князь. – Ты жив? Ты не ранен? Тебя истязали эти проклятые Богом отступники?

– Ты не представляешь, дядя! – замотал головой юноша. – Они не выпускали меня из этой кельи вовсе ни разу, они не давали мне вина, не допускали к обедне! Что ни день, эти негодяи требовали от меня отринуть святой крест и перейти в их веру. Читали мне через дверь Лютера, обещали рыцарство. Это было ужасно, дядя! Когда мы уедем отсюда?

– Потерпи, холопы собирают обоз. Дозволь представить тебе наших родственников из Московии. Боярин Василий Ярославович Лисьин, брат моей любимой и единственной жены. Это его сын, Андрей Васильевич. Мой племянник Вольфганг.

Юноша склонил голову, изящно изогнул одну руку спереди, другую за спиной.

– Привет, Вольфганг, – кивнул ему Андрей. – Рад знакомству.

– Вы совсем не признаете изящных манер, сударь, – презрительно поджал губы освобожденный паренек.

– Зато он в одиночку свалил Альберта, – тихо сообщил князь.

– Это так непосредственно! – немедленно расплылся в улыбке племянник. – Я всегда восхищался нашими московскими родственниками.

– У вас их много?

– Немало... – переглянулись дядя с племянником. – Брат мой двоюродный под Тверь отъехал. Боярин Крошин. Два дома у него остались: один в Варшаве, один в Вене. Он часто наезжает. Еще брат сводный по материнской линии к родственнику в Белоозеро ездил, да оттуда мужа дочери привез, а также невесту кузену своему в Париж. Оба из рода Воротынских.

– Это те князья Воротынские, что Смоленском владеют? – включился в разговор боярин. – У моей жены дядюшка племяннику супруги Агафью из рода Воротынских сосватал. Кирилл его имя. Кирилл Кольцов, боярин Нижегородский...

Через пять минут у Андрея повисли уши. Дворяне княжества Литовского и Московского увлеченно перебирали ближних и дальних родственников, их предков и семейные связи, детей, сватовство. Где-то через час выяснилось, что несчастный узник приходится боярину Лисыну родственником еще по одной линии, через смоленских дядьев – и они на радостях начали обниматься.

Еще через полчаса явился Пахом с огромным румяным окороком – разговор наконец-то оборвался, и родственники занялись едой.

* * *

Из замка захватчики выехали за два часа до сумерек. Обоз увеличился втрое за счет саней и повозок, что нашлись в замковом хозяйстве, и изрядно потяжелел. Сани больше не пустовали. На них огромными грудями лежали смотанные в рулоны ковры, тюки тканей, охапки шуб, налатников, меха, многочисленные узлы, из которых торчали носики чайников, ножки кубков, рукояти тазов и подносов, пуки стрел, щиты, рукояти мечей, пояса, седла, упряжь... В трех санях увозили и пострадавших: троих убитых и пятерых раненых. Немалая часть добычи на повозках не уместилась, и ею наполнили тюки, что сейчас покачивались на спинах лошадей. Вот скакунов захватили мало: большая их часть оказалась под седлом у рыцарей из ушедшего отряда. Верхом увозили и пяток связанных женщин, взятых в замке.

Путь знакомый – по проезжему тракту до поворота на мало накатанный путь, а уж дальше...

– Не успеем, – перед поворотом с тракта натянул поводья боярин. – Догонят.

– Ты их видишь, Василий Ярославич? – оглянулся в сумерки Иван Крошинский.

– Я их чую, княже.

– Ой ли, боярин? По запаху, что ли?

– Темнеет. До ночи кавалер Карл должен был вернуться обязательно. Стало быть, уж вернулся. Нечто он, увидев дом разоренный, за обидчиками не погонится?

– На скобарей должен подумать.

– Не подумает, князь. Псковские уже ушли. Гнали их ливонцы, нет, но то, что ушли – знают.

– Но он не ведает, куда ушли мы. За ночь уйдем, боярин!

– Обоз ползет медленно, княже. Нужно дать саням несколько часов запаса. Остановим здесь ливонцев, заставим в замок на ночлег уйти – по утра уже не погонятся. Ночь да день... Да по тракту десяток верст. На тракте следов не найдешь. Но коли обоз у них в виду окажется, тоды уж не отвяжутся, пока не разорят. Подождем здесь, княже. Рогатины при нас, кони свежие. Своих завсегда нагоним, не разминемся. А коли крестоносец нужный след возьмет – тут, на распутье, его и притормозим. Не придут – печалиться не станем. Часов шесть обозу нужно, чтобы на новый тракт свернуть, уйти подальше, след запутать.

– Как скажешь, боярин, – не стал спорить князь. – С обозом тащиться и вправду скучно. Ратомир! Мой лэнс сюда! И прочим холопам пики вели разобрать!

Литовцы, в отличие от московских воинов, ехали без копий. Впрочем, расхватать сваленные на одних из саней пики времени много не заняло, и вскоре полусотня всадников замерла на перекрестке, карауля сумерки и медленно падающий с неба снег. В ожидании прошло около часа. У Андрея уже начали мерзнуть в меховых рукавицах ладони, а уж закованный в железо князь и вовсе, наверное, заоченел.

– Идут! – неожиданно сказал Белый. – Топот слышу.

Остальные всадники переглянулись, пожали плечами – но вскоре в призрачной дымке из лениво падающих рыхлых снежинок проявились темные фигуры.

– Может, не они? – тихо поинтересовался кто-то из холопов.

– Какая разница? – расстегнул колчаны боярин. – У меня среди ливонцев друзей и родичей нет.

Андрей, глядя на него, прижал рогатину коленом и тоже потянул лук. Рядом наложил стрелу на тетиву Пахом, чуть дальше – Вторуша. До неведомых путников было уже всего метров четырехста, и тетивы запели свою зловещую песню. На таком расстоянии толком не прицелишься – но и цель большая, кучная. Кого-нибудь да зацепит. Доспех не пробьет – так коня поранит. Хоть на одного врага меньше окажется – и то хорошо. Вот вдалеке споткнулась лошадь, громко ругнулся человек. Вот скатился с копыт еще скакун. Далекие всадники перешли на дробную рысь.

– Ко мне, холопы! – решительно рявкнул князь Крошинский, опуская свой длинный лэнс. Литовцы сбились плотнее к господину, тоже изготовились к атаке.

До врага оставалось уже метров сто, и лучники торопились выпустить как можно больше стрел. Сейчас, почти в упор, промахнуться было невозможно. Андрей совершенно точно увидел, как от его попаданий отвалились в седлах два ливонца и полетела с копыт лошадь со всадником.

Пятьдесят метров.

– Дорогу! – взревел князь и начал разгон.

Зверев рванул повод, уступая место атакующим союзникам, отъехал и спрятал лук, аккуратно закрыв крышку: снег попадет – лак потемнеет, тетива отмокнет, дерево загниет. Затем он перехватил в руку рогатину.

На дороге послышался грохот столкновения, треск ломающихся копий, крики боли, конское ржание.

– Сын, ты где? – услышал из-за дороги голос боярина Андрей. – Тьма какая, скоро носа своего не увидим.

– Атакуем, отец? – ощущая в животе знакомый холодок, с надеждой спросил Зверев.

– За мной! Ко мне, холопы! Видите меня?

– Здесь! Здесь мы, боярин!

Люди больше напоминали тени – ночь наступала уж очень стремительно. Но на дороге слышался звон мечей, там продолжалась сеча. И Андрей вместе со всеми ринулся туда, обходя гущу рубки по широкой дуге – чтобы разогнаться и ударить ливонцам в бок.

– Ура! Ур-ра-а-а!!! – грозно взвыли русские во всю глотку, опуская рогатины.

– По-оберегись! – добавил от себя Зверев, различая впереди всадника в кирасе и шлеме, похожем на перевернутое ведро.

Тот повернул навстречу, выдернул из земли чье-то копьё, вскинул на Андрея. Всего десять шагов! Зверев, прикидывая, что разойдутся правыми боками, попытался перебросить щит, закрывая хотя бы шею коня и метясь крестоносцу в солнечное сплетение. И опять вперед успел высунуться Пахом – копьё рыцаря скользнуло по его щиту, подлетело вверх, а рогатина новика ударила в железный живот, вошла на глубину наконечника. Андрей ощутил в руке рывок, бросил засевшее оружие и выхватил саблю, готовый к новым стычкам. Рядом пристроился Белый.

– Ты вместо меня воевать намерен, Пахом? – зло поинтересовался Андрей.

– Для того и приставлен, – спокойно ответил дядька. – Своих сыновей родишь – поймешь. Иногда легче самому сгинуть, чем малого раненым увидеть.

– Ты же мне не отец!

– Я тебя с младых ногтей вырастил. Да отцом кровным приставлен. Как помру, новик, тогда токмо и отстану.

– Где ливонцы? – в ответ рубанул саблей воздух Андрей. – Мы для чего сюда мчались?

– Ты ли это, Иван Крошинский, тать ночной? – спросили откуда-то из темноты. – Разбоем тайным прославиться возжелал?

– Кто бы о разбое говорил, крестоносец! Забыл, сколько золота за мальчишку безыскусного получить хотел? Ростовщик последний, и тот до такой цены не додумается, совесть задавит. Менялой тебе в лавке сидеть, а не о чести говорить, крестоносец.

– Что ж на честный бой не вызвал, князь, коли мечом дело решить хотел?

– Не верю в честь твою, кавалер Карл. Довериться на землях твоих не могу. Ростовщик ты. Бога продал, совесть продал – так какая вера?

– Мы ведь свидимся, князь. Куда ты в землях ордена от меня уйдешь? Я уже гонцов к друзьям и страже порубежной отослал. Свидимся завтра, князь. Хочу глаза твои при свете увидеть, князь!

– Я буду ждать тебя, крестоносец.

– Мы заберем раненых и павших, князь. Прикажи холопам не мешать.

– Забирайте. Твоих людей никто не тронет.

В темноте послышалось конское всхрапывание, между лошадьми зашарили люди, нащупывая тела, прислушиваясь к стонам. Они подводили скакунов, поднимали своих товарищей, перекидывали через седла. Вскоре, судя по шагам, ливонцы ушли. После этого с лошадей попрыгали холопы, принялись выискивать своих друзей.

Где-то через час князь решительно подвел итог:

– Все, хватит! Уходим. Теперь ты не против, Василий Ярославович?

– Нет, княже, – ответил боярин. – Утром он от нас никаких следов не сыщет. Тем паче под снегом. Пусть на порубежную стражу надеется. Уходим.

Всадники широким шагом тронулись в путь. Дорогу находили чуть ли не на ощупь, настолько плотно черные тучи перекрыли небо. Но зато мерно падающий декабрьский снег надежно закрывал их следы. К утру на дороге останется только ровный, сверкающий девственной чистотой, белый рыхлый ковер.

Знахарь

Цена ночной стычки обнаружилась только на рассвете: семеро погибших литовцев, один московский и по четверо раненых в каждом из отрядов. Увы, сильного впечатления это не произвело ни на кого – целая ночь в седле, да еще после столь напряженного дня, вымотала людей совершенно. И все же утро принесло им совсем не отдых: едва стала различима дорога, князь перешел на рысь, выжимая остатки сил и из воинов, и из скакунов.

К полудню отряд нагнал обоз, еще через два часа повернул на Арсуньку и двинулся по заваленной снегом почти до колен старой колее, проглядывающей лишь местами, на обдуваемых ветерком взгорках. Вскоре они увидели укрытую попонкой неказистую жмудинскую лошадь с торбой на морде – сам проводник вылез прямо из сугроба, откинув в сторону облепленную снегом рогожу.

– Спишь, бездельник? – угрюмо поинтересовался у него посеревший от усталости князь. – Лошадь не оседлана. Ждать тебя теперь...

– Я... Я быстро, господин. – Упряжь была извлечена тоже из сугроба. Смерд побежал с седлом к лошади, торопливо кинул ей на спину поверх попоны, затянул подпругу, оглянулся, стрельнул взглядом по длинному, тяжело груженному обозу: – Вы одолели их, господин? Вы сожгли замок кавалера Карла?

– Одолели, – несмотря на усталость, улыбнулся Крошинский. – Но жечь не стали. Сегодня мы к ним, завтра они к нам. К чему творить лишнее зло, коли оно не принесет нам пользы?

– Лихо ты следы замаскировал, – кивнул Андрей на укрытый ровным снежным покровом лес. – А за нами так же сможешь?

– Нешто я Лютобор какой, – не понял шутки смерд. – Так, замести можно, чтобы в глаза не кидалось. Но коли выслеживать станут, все едино углядят.

– Тогда торопись! – буркнул князь. – Коли рыцари след взять успеют, ты первым на пиках окажешься.

– Да, господин, да, – поднялся в седло жмудин. – За мной пожалте!

Военная колонна свернула с дороги и втянулась в лес, пробираясь между деревьями, затем скатилась на ровное поле застывшего до весны болота.

– Княже, – окликнул родственника боярин. – Я так мыслю, впереди для нас беды никакой нет.

– Опять? – натянул поводья Крошинский.

– Нет, княже, – покачал головой Лисьин. – Ныне я ничего не чую. Но спокойнее нам здесь пару часов обождать. Коли кто сунется – пусть обоз подальше будет. Полдня выстоим – он и вовсе к Свее уйти сможет. Оттуда его уже никто не отдаст.

– Опаслив ты больно, Василий Ярославович.

– Береженого Бог бережет.

– Ладно, быть по сему, – кивнул литовец. – Радомир! Вперед пойдешь. За жмудином приглядывай! До сумерек не останавливайтесь. Идите, пока лошади падать не начнут. Остальные со мной.

Холопы опять разобрали копыя, замерли, выстроившись поперек протоптанной дороги. Андрей занял позицию на правом фланге, пристроил рогатину в петлю и замер, глядя перед собой. Над лесом повисла тишина. Зверев сразу почувствовал, как у него потяжелели веки. Усилив воли он поднял их раз, другой, а потом решил, что не будет ничего страшного в том, что он немного посидит с закрытыми глазами. Веки опустились – и юноша наконец-то оказался в своей маленькой, уютной комнатушке размером аккурат с постель, в которой спал он в усадьбе. Он пытался включить компьютер – но тот никак не реагировал на щелчки клавиши.

– Что, добаловался? – услышал он мамин голос, оглянувшись.

В этот раз все было, как обычно. Мама стояла в халате, с прихваченной двумя заколками красивой передней прядью.

– А чего света нет? – спросил он.

– Ума у тебя нет, новик, – ответила мама. – Говорила я тебе, учи математику! Пошел бы в институт, поучился лет пять, стал инженером. Сидел бы спокойно каждый день с девяти до шести в белом костюме, вечером пиво пил перед телевизором, на диване венгерском спал. Квартиру к пенсии купил бы однокомнатную. А не выучил интегралы – вот тебя в армию и призвали. Сиди теперь, как дурак, на морозе.

Мама с силой стукнула его в лоб – и он проснулся. В лесу стояла звенящая тишина. Было слышно, как где-то далеко-далеко, может быть, даже за горизонтом деловито стучит дятел. А может, и не дятел. Может, это трещали на морозе вековые русские сосны. Справа и слева в седлах клевали носом холопы, да и лошади выглядели странными, свесив головы и лишь изредка подергивая ушами.

– Отец, нам долго еще тут сидеть? – громко поинтересовался Зверев.

Боярин вздрогнул, поднял голову, тряхнул ею, вскинул к глазам ладонь, глядя на небо:

– Да, пожалуй, и хватит... Все, братцы! Не будет за нами погони. Уходим!

Несколько часов ожидания в засаде дали людям и скакунам немного драгоценного отдыха, и теперь все чувствовали себя куда бодрее. Кони по уже пробитому санному пути пошли довольно резво, а когда колея вывела к реке – и вовсе перешли на рысь. Русло, покрытое ровным, как бетонка, льдом и расчищенное от препятствий, было идеальной дорогой. Два десятка верст всадники пролетели всего за три часа, задолго до темноты выскочили на тракт, повернули влево и еще через три версты нагнали усталый санный обоз.

– Все, родимые! – сорвав с головы шапку, замахал ею князь Крошинский. – Мы дома! На ближайшей поляне сворачивай! Гуляем! Эй, жмудин, сюда давай! Ты к москвитам не ходи. От них все бояре разбегаются, скоро землю некому оборонить будет. И смердов тоже. Ты ко мне иди, жмудин. Хорошей земли дам, доброго господина получишь, крепкую руку, надежного защитника. Держи свое серебро, жмудин. А хочешь, оставайся. Погуляй с нами.

– Дети дома, господин, – сунув за пазуху кошель, почтительно склонился проводник. – Жену пять ден не видел. Как бы не хватился кто...

Он потрусил на лошадке в обратную сторону, а Крошинский уже перескочил мыслями на праздник:

– Радомир, глянь, вроде ручей в низине? К нему поворачивай, рядом с трактом обязательно поляна быть должна. Станислав, вина в замке взяли? Неча его с собой тащить, тут выпьем. За победу и за племянника моего. Что есть на печи, то на стол мечи. Пируем ныне, братцы, позволяю!

Возле удобной излучины ручья и вправду имелась поляна. Даже с кострищем, оставшимся от прежних путников. Обоз медленно вкатился на огороженную ивовыми зарослями площадку, описал почти полный круг, остановился. Когда все лошади и всадники въехали следом, несколько возков подвинулись чуть вперед и встали, перегородив въезд. Какое-никакое, а укрепление на случай неприятностей. Обозники, несмотря на усталость, первым делом выпрягли лошадок, наскоро отерли соломой из саней, повели к воде. Потом повесили им на морды торбы. Всадники, чувствовавшие себя пободрее, расседлали скакунов, оставили их назначенным конюхам, а сами кто ринулся в лес за дровами, кто начал искать среди добычи вино и еду. Скоро по кругу пошли многочисленные кувшины и фляги, полыхнул костер. Разорив мешок с копченостями, холопы нанизывали крупные куски мяса на косари и мечи, пихали в огонь. В одном из бочонков было выбито дно, его поставили у костра, и любой желающий мог черпать вина сколько влезет. Холопы московские и литовские начали провозглашать здравицы в честь своих господ, пытаясь перекричать друг друга, но это никого не обижало.

Андрей тоже прихватил мясной орех, зачерпнул из бочонка вина найденным в соседнем возке золотым кубком, кинул щит на снег неподалеку от костра, уселся и начал вдумчиво объедать мясо, запивая его напитком, напоминающим по вкусу гранатовый сок. Больше всего его удивляло то, что он совершенно не пьянел.

Удивление Зверева прошло после того, как он попытался встать. Оказывается, ноги ему больше не подчинялись, и новик упал обратно на щит. Пир тем временем разгорался. Обозники совсем забыли про усталость и шумели наравне со всеми. Десяток холопов потащили на берег ручья пленниц помоложе, и вскоре оттуда послышались визги и крики о помощи. Боярин и князь что-то горячо обсуждали, едва не уткнувшись друг в друга лбами. Освобожденный юноша сперва пытался вклинить в их разговор, потом махнул рукой и тоже двинулся на берег.

Женские вопли вызывали любопытство и еще какое-то странное желание. Андрей сделал над собой усилие, поднялся, тоже пошел на дальний край поляны. На берегу копошились полуобнаженные, несмотря на мороз, холопы. Они подбадривали друг друга криками, закусывая восторг мясом и запивая вином. Однако самое интересное творилось у полыньи, куда большинство и стремилось. Андрей попытался протиснуться вперед. Поначалу его отпихивали, потом начали узнавать.

– Новик, новик, – побежал шепоток. – Кавалера Альберта... На стену один... Боярина Лисына сын.

Холопы разошлись, один из них, бритый – стало быть, литовец, – весело предложил:

– Не желаешь забавы молодецкой, новик Лисын?

Теперь Зверев наконец-то увидел предмет общего веселья: на снегу извивались, пытаясь хоть как-то прикрыть свою наготу, три женщины. И зрелище это не вызвало у Андрея ничего, кроме легкой брезгливости.

– Какую будешь? – нетерпеливо спросил холоп.

– Старые они какие-то все, – отмахнулся новик и направился обратно к костру.

Здесь на щитах и пополах лежали куски мяса, разломанные караваи хлеба, стояли баклажки с вином. Зверев понял, что запихнуть в живот он ничего уже не сможет, а потому ограничился еще несколькими глотками вина и пошел к телеге с коврами. Говорить ему тут было не с кем, к проруби тоже не тянуло. Оставалось одно: раскатать пару мягких пушистых ковров и завернуться в них до утра.

– Люблю повеселиться, особенно поспать, – негромко признался Зверев и, борясь со слабостью в ногах, приступил к осуществлению своего мудрого плана.

* * *

Проснулся он уже при свете дня. Большая часть отряда благополучно дрыхла, кто где «сломался». Самые крепкие, подобно ему, подготовили для себя постели – кто улегся в санях или повозках, кто постелил себе потники, ковры, даже шубы. Но большинство «отключились» неожиданно для самих себя и теперь валялись кто на полпути от берега к костру, кто на щитах, сжимая в руках пустой кубок, а кто и вовсе сидя с куском мяса в одной руке и глиняной кружкой в другой. Хорошо хоть, одеты все были тепло и простудиться им не грозило. Хотя... У проруби какой-то литовец свалился со спущенными штанами.

Впрочем, были и те, кто уже бодрствовал: с десяток холопов чистили коням шкуры, мазали какой-то жижей потертости, носили к костру от полыньи воду, а уже согретую – лошадям. Вместо торб скакунам вытащили из саней, из-под тюков, серое свалывшееся сено. То, что лошадь одним зерном кормить нельзя, Андрей уже усвоил – от такой щедрости колики у бедолаги будут, а то и вовсе сдохнуть может. Это как с машиной. Более дорогой бензин, чем положено, заливать можно – но только двигатель быстро сломается.

К пленницам холопы отнесли с куда меньшим трепетом, и те жались втроем под одной общей попоной. Со свалывшимися волосами, мятыми, опухшими лицами, разводами под глазами, они вызывали еще меньше симпатий, нежели вчера.

Боярина и князя Андрей не увидел – видать, господ уложили где-то с особыми удобствами. Общаться было не с кем, и Зверев занялся тем, что уже начало входить в его привычку: вытянул саблю, поднял один из щитов и пошел к заиндевевшему кусту бузины отрабатывать удары вслепую – поражать намеченную точку, закрываясь при этом деревянным диском от возможного нападения.

Когда куст был острижен под «полубокс», он ощутил на себе чей-то взгляд, оглянулся. Это был боярин, стоящий у костра и наблюдающий за ним. Зверев спрятал саблю в ножны, подошел к нему:

– С добрым утром, отец.

– Не много у человека радостей в жизни, Андрей, – положил ему руку на плечо Василий Ярославович. – Но мне повезло в самом главном. Я не просто знаю, что ты мой сын, новик. Я горжусь этим.

И хотя Зверев знал, что родство с этим человеком для него – чистое недоразумение, горячая волна удовольствия прокатилась по телу.

– Я ведь твой сын, отец. Разве я могу быть другим?

– Я знаю, – улыбнулся боярин. – Как тебе первый поход?

– Спасибо, не распробовал.

Лисьин рассмеялся, обнял его:

– Ничего, походов ратных и на твой век хватит. Ныне же роздых небольшой сделать можно да удаче порадоваться. Мы с князем сговорились: кони, в замке взятые, и девки эти ему достанутся, а прочая добыча вся – нам. Так что поутру домой двинемся. Матушка, верно, уж беспокоится. Бойтись за тебя. Ей волю дай – под юбку бы спрятала и за порог не выпускала. Не зря, ох, не зря Господь бабам повиноваться мужниной воле назначил. Кабы по-ихнему все было, давно бы мы все под ярмом иноземным ходили... Сегодня бы хорошо уехать – да с холопов проку никакого. Замаялись в походе. А еще более – в отдыхе.

– А это правильно – что вся добыча нам, а князю всего лишь кони да женщины?

– Ты, сынок, не забудь, что нам еще со скобарями делиться надобно. Опять же, Крошинский сверх всего племянника своего получил. Ну, и кони у ордынцев знатные. Опять же, надеется он, среди пленниц родичи кавалера Карла окажутся, а то и жена. Вот тогда уж князь с ним поторгуется.

– А что, это может быть его жена? – Андрей бросил взгляд на трясущихся под попоной невольниц.

– Вряд ли, – пожал плечами боярин. – Крестonosцам жены не положены. Так что, мыслю, шлюхи это обычные, что для баловства кавалеры завели. Но князь шибко надеется... В общем, сын, поглядывай, чтобы добра холопы не портили. Наше все это ныне. И пить им больше не давай. Бочонок пусть дохлабают, и хватит. А едят пусть от пуза.

Впрочем, особого вмешательства от Андрея не понадобилось. Остатки вина уже через час прикончили самые ответственные из воинов – те, что занимались лошадьми. Остальным, тяжело просыпающимся после ночной попойки, досталась только мороженая свинина, которую приходилось по часу запекать в углях, да разбросанное по всей поляне добро, что сызнава нужно было упаковать в тюки и увязать на санях.

Поутру князь Крошинский с холопами проводили союзников до порубежной стражи, и только тут родственники крепко обнялись.

– Благодарствую тебе, боярин, – отступив, поклонился литовец. – Коли во мне нужда возникнет, весть пришли. Я отныне твой должник.

– Какие счета, княже, – развел руками Лисьин. – Мы ведь родственники. Бог даст, свидимся.

– Свидимся, Василий Ярославович, обязательно свидимся.

Никаких вопросов у литовских порубежников после этой картины не возникло, и тяжелый обоз медленно выкатился на нейтральную полосу. В этот раз отряд двигался со скоростью, уступающей даже пешеходу, а потому к московской заставе дополз только в сумерках. Себежский стражник раскланялся, восхищенно покачал головой, глянув на груды сваленного на сани добра, и махнул рукой: проезжайте! Похоже, в этом мире вопросы возникали только к тем, кто зачем-то покидал свою страну.

Впрочем, и в остальные времена это ничуть не изменилось.

Заночевал отряд в версте за стражей, а поутру Василий Ярославович предложил:

– Слушай, сынок, а не глянуть ли нам, что тут князь Тушин отстроил? Завернем в Себеж, воеводе поклонимся, себя покажем. Обоз вон как тянется, опосля без труда нагоним.

– Конечно, посмотрим! – немедленно согласился Андрей.

– Вот и ладно. Пахом, Вторуша, коней седлайте. С нами поскачите... Хотя нет... Вторуша, тебя за старшего оставляю, обоз поведешь. Никита, Глеб, Рыкень, Рюрик – вы с нами.

После завтрака всадники, не дожидаясь, пока обоз соберется и двинется дальше, поднялись в седло, вернулись к порубежной страже и поскакали влево, по хорошо накатанному тракту. Миновав густой, вековой бор, они въехали на пологий взгорок, с которого спустились уже в поля. Или луга – замерзшим болотом или поверхностью озера не могли быть те частые холмики, что лежали по сторонам, насколько хватало глаз. Дорога ушла вниз, запетляла, прячась от крупянистой поземки, а когда снова забралась наверх – впереди открылась земляная стена с тыном, по обе стороны от которой раскинулись идеально ровные просторы озера. Слева от путников, в полуверсте, на вытянутом острове, белели свежим деревом рубленые стены высокой крепости.

– Вот он, Себеж, – кивнул на нее боярин и придержал коня, приближаясь к воротам, перед которыми прогуливалась немногочисленная стража в кольчугах поверх тулупов, в шапках вместо шлемов, но с саблями на поясе и копьями в руках.

– Куда?! – вскинул руку на всадников один из пяти караульных. – За въезд по полушке с каждого платить положено.

– Обезумел, смерд?! – взмахнул плетью Василий Ярославович. – Боярин Лисьин к князю Засекину с поклоном прибыл – а ты за то серебро взять хочешь? Кнута давно не пробовал?!

– Дык, положено... – уже не так уверенно повторил стражник, но боярин не удостоил его ответом и проскакал мимо.

– Думать надо, – добавил, въезжая с прочими холопами, Рыкень, но стражник только махнул рукой. Доказывать правоту семи отлично вооруженным воинам ему отнюдь не улыбалось.

За стеной, которую при желании можно было обойти с любой стороны – но только зимой, разумеется, – вольготно раскинулись всевозможные домишки. Где просто срубы с крыльцом, где пятистенки, а где и просторные русские избы, со стенами в два окна, высоким цоколем и крытым двором. Из труб неспешно тянулись дымки. Вдоль дороги пристроились две церквушки. Небольшие, размером с избу, но опрятные, с луковичными маковками. Холопы перекрестились, проезжая мимо, и Зверев последовал их примеру.

– Интересно, их тут в половодье не заливают? – вслух подумал Андрей. Длинный перешеек между озерами поднимался не так уж высоко над поверхностью воды. Точнее, надо льдом.

– Может, и заливают, – пожал плечами Василий Ярославович. – Однако же крепость стоит высоко, там большую воду завсегда переждать можно.

Примерно в полукилометре от въезда на перешеек в сторону большего озера отходил мыс, край которого опускался настолько, что под настом было не различить границу суши и

замерзшей воды. Дальше возвышался еще один земляной вал с частоколом, причем эта стена не просто перегораживала мыс, а окружала его целиком, защищая от любого нападения. Здесь в воротах, видимо, гостя узнали – караульные лишь поклонились, ничего за въезд не требуя.

Дальше дорога пошла вверх по склону холма. Дома тут были куда более богатые: в два, три этажа. Или, как говорили местные жители, – в два-три «жилья». Дворы огораживал прочный тын, в окнах поблескивала слюда. Метрах в ста за воротами закинула высоко в небо свои кресты великолепная многоярусная церковь, размерами и красотой достойная стоять где-нибудь в Кижях или в Москве, поражая иноземных туристов.

Впрочем, сама себежская крепость была еще впереди. Она показалась не очень широкой, всего вдвое больше боярской усадьбы, но стены ее поднимались над сверкающими льдом откосами холма на высоту четырехэтажного дома. Под стенами, на удалении метров ста от цитадели, строений не имелось, и вид с дороги открывался захватывающий: на многие версты вокруг лежала белая гладь озера, исчерченная тропками и испятнанная точками рыбацких лунок, на далеких берегах виднелись седые сосновые боры. Но в первую очередь Андрей обратил внимание на две земляные площадки, устроенные перед крепостью на ее углах. Из-за невысоких брустверов там выглядывали направленные в сторону ворот пушечные стволы. Значит, про порох и артиллерию тут все-таки известно?

Еще одни ворота – и гости наконец оказались внутри цитадели. Тут было тесно. Немногочисленные избы жались к крепостным стенам и норовили вырасти как можно выше – в три, четыре жилья. Здесь же имелись вместительные амбары, тоже в два-три этажа, забитые сеном навесы, длинные конюшни, какие-то мастерские с печами и трубами, но сейчас холодные и заваленные тюками, что выпирали через щели под крышей. Ходы между строениями были узкими, только-только по ширине телеги – да и то как бы не застрять.

Лисьин спешил перед скромным храмом с двумя приделами, перекрестился на висящую над входом икону, но внутрь не пошел. Бросив поводья Пахому, он двинулся между глухими стенами бревенчатых амбаров. Андрей, спрыгнув на землю, поспешил за ним. Вскоре гости Себежа оказались на довольно просторной для этого места площадке – где-то десять на двадцать метров, – перед высоким тыном с распахнутыми воротами, за которым метрах в пяти уже виднелось крыльцо.

Боярин шагнул через порог на двор, остановился, широко перекрестился и отвесил поклон:

– Да благоволит Господь этому дому и хозяевам его, и детям, и всем их близким. Да будут амбары дома сего полны, да будет тучен скот в здешних хлевах, да будут быстры кони в конюшнях этих. Пусть детский смех всегда радуется хозяйку дома сего и ее мужа...

Свои пожелания гость перечислял довольно долго и громко, время от времени крестясь и кланяясь. В доме послышался шум, топот. Дверь приоткрылась, закрылась, приоткрылась снова. Еще пара минут – и на крыльцо торжественно вышел, постукивая посохом и выставив объемистый живот, дородный помещик лет сорока в высоченной бобровой шапке, в собольей шубе со свисающими до пола рукавами. Шуба была распахнута на груди, демонстрируя отороченную бобровым мехом ферязь, так густо шитую золотой и серебряной нитью и усыпанную самоцветами, что материала, на котором все это крепилось, не было видно вовсе. Борода, густая у подбородка, книзу расползалась на седые кисточки, но доставала-таки до пояса.

– Рад видеть тебя в добром здравии, боярин Василий Ярославович. – Хозяин торжественно спустился на две ступени и остановился. – Как жив, как жена, как дети?

– Благодарствую, Юрий Панкратович, – поклонился в ответ гость. – Здоров ныне, и тебе того же желаю. И супруга не недужит, а сын мой – вот он, перед тобой стоит.

– Здрав будь, – вышла из-за спины хозяина упитанная, розовощекая женщина в высоком кокошнике, украшенном жемчугом, и со свисающими к вискам жемчужными нитями. – Вот, испей сбитеня горячего с дороги.

Женщина спустилась, поднесла боярину серебряный ковш. Тот немного отпил, вернул, и она передала ковш Андрею:

– Испей с дороги, барчук.

– Не барчук ныне, а новик, – поправил ее Лисьин. – Намедни крестоносца ливонского в поединке честном на саблю взял.

– О-о, мал да удал. – Хозяин даже спустился еще на две ступеньки. – А мне недавно сказывали, в княжество Литовское ты подался, новое имение тебе польский король обещался пожаловать.

– Ты со всех, кто врет про меня, княже, по полушке бери. Глядишь, скоро ты сам мне имение рядом со своим купить сможешь.

– Этак князь Друцкий за неделю разорится, – стукнул посохом о ступеньку хозяин. – Как вы с ним не срядились еще?

– Тяжба тянется, княже. Намедни из Москвы в Великие Луки опять грамота вернулась – о рубежах и деревнях сообщить по книгам писцовым. А почто ты вспомнил об охальнике этом?

– Здесь он ныне, кланяться приходил. Хлопоты, видать, какие-то. А сын у тебя возмужал, возмужал... Как на службе царской тебе, молодец?

– Пока за спиной отцовской, княже, – поклонился Зверев. – А что, у вас там, на капонирах, пушки стоят?

– Где?

– Ну, на углах, перед стенами.

– А-а, на наряде. Тюфяки там вроде. Проку от них – одни слезы. Три раза в день пальнут, и то счастье великое. То ли дело самострелы да камнеметы. И дальше бьют, и быстрее, и точнее. Одна польза от огненной забавы этой, что жребием зараз сыпануть густо может.

– А тюфяки – это пушки? – на всякий случай уточнил Андрей.

– Коли тебе это так интересно, отрок, у Ивана Кречета поспрошай. Мастера пушкарского наряда нашего. Он ныне у амбара с зельем огненным ковыряется. Это там, за слободой немецкой.

– А слобода где?

– Аккурат за стеной отсюда, соколик, – пояснила женщина. – Да вниз по склону. Почитай, у самого озера сидят.

– Я сбегая, отец? – повернулся к боярину новик.

– Беги, коли интересно, – разрешил Василий Ярославович. – А мы тут с князем о своем перемолвимся.

Зверев развернулся, добежал до храма, перехватил у коновязи повод серого, запрыгнул в седло. Холопов нигде не было – наверное, в церковь пошли. Поэтому он никого предупреждать не стал, проскакал до ворот, повернул вправо, обогнул земляную батарею, домчался примерно до того уровня, где стоял княжеский дом, и направился вниз по склону.

Немецкий двор начинался метрах в ста от цитадели и, охватывая изрядное пространство, тянулся до прибрежной стены. За плотным частоколом виднелись коньки шести крытых дранкой домов. Это означало, что амбар размером с пятистенки чуть далее и был тем самым, пушкарским. Пороховым складом. Его тоже огораживал тын, но из куда более тонких кольев.

Андрей спешился у приоткрытых ворот: Пахом как-то обмолвился, что въехать на чужой двор верхом – страшное оскорбление хозяевам. Постучал, вошел внутрь. Огляделся. В отведенном пушкарям месте было пусто. Только две телеги со снятыми колесами в углу у наружной стены лежали, да несколько багров стояли возле приоткрытой двери.

– Кого там Бог прислал? – послышался голос из амбара. – Настя, ты?

– Это Андрей, – громко ответил Зверев. – Боярина Лисьиного сын. А ты, верно, Иван Кречет, начальник пушкарского наряда?

– И чего тебе надобно, боярин Андрей Лисьин? – выглянул из двери круглолицый, бело-брысый пушкарь, и Зверев удивился тому, что тот довольно молод. Или это казалось оттого, что мастер не отрастил усов и бороды?

– Любопытствую... Я тут задумал порох сделать. Ну, пришлось недавно в поход сходить, видел, как люди мучаются. Думаю, может, гранату сделать? Или ружье? Не подскажешь, где мне серу найти можно? Уголь я и так сколько хочешь добуду. А вот серу...

– Серу, говоришь, – ехидно хихикнул пушкарь. – Серу, стало быть, ты не нашел? А емчугу как – сам варил?

– Какую емчугу? – не понял новик.

– Ну, китайский снег.

– Че за китайский снег?

– Э-э, – вышел из дверей Кречет. Отряхнул руки, похлопав одну о другую. – Как же ты зелье делать станешь, коли ни китайского снега, ни емчуги не знаешь?

– А чего там делать-то? – хмыкнул Андрей. – Три пятых селитры, часть угля, часть серы. Перемешать хорошенько – и все. Дурное дело не хитрое.

– А-а, вот оно что, – понял мастер. – Ты ее селитрой нарек, емчугу-то. Оно как бы так и выходит. Так что, сам варил?

– Нет, – покрутил головой Зверев. – А что?

– Да серу у рудокопов завсегда купить можно, боярин. А вот емчугу варить надо. Не знаешь, как? Я сейчас расскажу... – Мастер старательно прикрыл дверь, отошел в угол и сел на край телеги. – В яму выгребную ты как-нибудь заглядывал? Нет? Там на стенках в яме али на досках, коли старые уже, белый налет обычно есть. Это он самый, китайский снег, и есть. Но его, знамо дело, много не наскребешь – даже один раз из пушки пальнуть не хватит. Да и не много его из человеческих отходов вырастает. С навоза его больше выходит. Так вот. Чтобы емчуги поболее добыть, обычно навоз всякий с округи собирают, с землей, листьями гнилыми, соломой порченной, дрянью всякой тухлой смешивают да в кучу собирают. Тем, что из ямы выгребной, поливают обильно, соломой покрывают и зреть оставляют в теплом месте. Как время пройдет – собирают кучу аккуратненько, да теплой водой долго и любовно промывают.

Андрей представил себе все это в красках и закашлялся.

– Воду полученную, – невозмутимо продолжил Кречет, – в котлах над огнем вываривают, пока вся до конца не выкипит. На дне опосля крупинки белые старательно выбирают, снова их в воде разводят, да опять вываривают, чтобы чище стали. От и интересно мне стало, боярин Андрей: сам ты это делал али попросил кого?

– Ой, мамочки, представляю, какая вонь там стоит! Меня из усадьбы выгонят!

Мастер, довольный произведенным впечатлением, согласно кивнул. Но Зверев, почесав в затылке, задумчиво произнес:

– Но ведь все это и в лесу каком-нибудь можно сделать, чтобы не видел никто? Как считаешь? А сколько зреть куче-то?

– Экий ты упрямый, – удивился Кречет. – Зачем тебе это, боярин? Ты ведь с седла воюешь, тебе пушкарские хлопоты ни к чему.

– Думаю, можно попытаться ружья ручные сделать, гранаты...

– У тебя же лук есть! Он и дальше бьет, и точнее.

– А может, с порохом лучше получится? Да, кстати. А правда, что у вас в крепости пушки всего три раза в день стреляют? Чего так редко?

– Как это редко?! – возмутился мастер. – Иные пушкарки и двух выстрелов за день не успевают!

– А чаще почему не получается?

– Ну, сам подумай, как много сделать надобно. Пушку назад убрать, от сажи и копоти почистить хорошенько. Выждать, дабы погасло все, мусор никакой внутри не тлел. Пороху в

ствол насыпать исхитриться и плотно набить, дабы равномерно лежало все. Прижать пыжом плотным, опосля жребий насыпать и тоже прибить, дабы не перекосило. Ой, много хлопот с ними. Одно хорошо: как вдоль стены жажнешь – на двести шагов всех литовцев враз сносит, коли на приступ идут.

– А зачем чистить от копоти каждый раз? – не понял Зверев. – Потом, после боя почистить можно.

– А ну эта копоть в стволе тихонько тлеет? А ну искорка какая осталась? Сыпанешь на нее порох – и разорвет тебя на месте. Тут спешить нельзя, все тщательно делать надобно.

– Можно попробовать порох в мешочки бумажные разложить и прямо в них в ствол записывать. Тогда никакие искорки и тление до него не доберутся. А зажигать потом раскаленным гвоздем, чтобы бумагу проколоть.

– А калить на чем? Возле пороха открытого огня держать нельзя – полыхнет. Мы после каждого выстрела даже фитили тушим, чтобы не дай Бог зелье при зарядке не полыхнуло. А после снаряжения снова зажигаем.

– Ну-у, тогда понятно, – кивнул Зверев. – Кстати, в бумажных мешках было бы не так страшно огня-то. Бумага горит хорошо, но не так, чтобы от искры сразу в куски все разносить.

– Куски мешка в стволе останутся, – после некоторого раздумья напомнил пушкарь. – Значит, тлеющих кусочков будет куда как больше.

– Так вы же все равно после каждого выстрела ствол баните! Вычистите.

– А ты, я вижу, боярин, изрядно в нашем деле разбираешься, – удивился Кречет. – Откуда?

– Думал просто много над этим, – уклончиво ответил Андрей.

– Понятно, отчего тебе так с зельем поиграться хочется. Только ты вот что, боярин... Ты сам зелье не крути, не надо. Убьешься враз. Вот у нас под Москвой, что ни год, а две-три мельницы пороховые взрываются. А мастера там умелые, опытные. И зелье знают, и сторожку проявляют, железа не используют, зелье токмо мокрым мелют. Ан все едино – ни года без взрыва не обходится. Опять же, коли так, как ты молвил, растереть да просто перемешать – это не порох, это мука пороховая получится, мякина. Ею стрелять нельзя, она любой ствол разорвет. Порох зернить надобно. Размачивать, лепешки делать, их сушить, дробить, полировать. Во-от... А ты мыслил, все просто так? Э-э, боярин, кабы просто, меня бы не мастером, а смердом кликали. Главное – дело больно рисковое. Чуть зазевался, уронил чего, недосмотрел – и все. И следа не найдут.

– Полировать? – опять зачесал в затылке Зверев. – Полировать-то зачем?

– Дабы углов острых у зерен не выступало. Они ведь, как мука, тоже стволы рвать могут.

– Да-а, опыта тут мне не хватает... Дробить, полировать... Не знал... – Андрей замолчал, переваривая услышанное.

Мастер, глядя на него, усмехнулся, решительно махнул рукой:

– Ладно, посиди. Вижу, мыслями маешься. – Кречет поднялся, отворил амбар, зашел туда и вскоре вернулся с полотняным мешочком размером с двухкилограммовый пакет муки, взвесил на руке, решительно протянул: – На, боярин, решай думы свои. Может, важное чего для Руси придумаешь. А сам пороха не мешай. До добра дело это не доведет.

– Спасибо, мастер, – принял подарок Зверев. – Уж не знаю, чем и отблагодарить.

– И я не знаю, – улыбнулся Кречет. – Потом придумаю. А ты, коли чего скумекаешь, приходи, перемолвимся. В кои веки с человеком знающим встретился. А то все – колдун да колдун. Ополченцы здешние к тюфякам подходить бояться, в наказание их ко мне воевода ставит.

– Еще хочу спросить, – оглянулся Андрей. – Отчего амбар с оружием тут, на отшибе стоит. Вдруг сюда чужаки ворвутся? Получится, пушки там, а порох к ним – здесь. Или диверсант какой проберется да подожжет. Крепость враз без пороха останется.

– А все потому же, боярин. Воеводы решили, коли случится беда и амбар пороховой взорвется, то здесь он токмо немцев да вал городской попортит. А коли в крепости, то стену ближнюю наверняка завалит. Вот сюда и сослал. Как тревога случается, отсюда зелье на батарею носим, сколько на день али два надобно. Тем и палим. Жребий же там, у тюфяков лежит.

– Какой жребий?

– Ну, дроб каменный, коим из тюфяков стреляют. Пойдем, покажу.

Мастер хорошенько запер амбар, перекрыв дверь длинной железной перекладной, повесил на ее конец замок. Затем столь же тщательно затворил ворота. Андрей взял серого под уздцы, бок о бок с Кречетом двинулся вверх по склону – и увидел, как из-за земляного укрепления вывернул на коне Пахом.

– Похоже, это за мной, – понял он.

– Новик, Андрей! Батюшка кличет, – не доезжая, крикнул Белый.

– Извини, друг. В другой раз гляну... – Зверев кивнул мастеру, поднялся в седло и поскакал за дядькой.

Перед храмом творилось что-то непонятное. Холопы Лисына с седел лупили плетью каких-то чужаков. Те, тоже конные, хлестались в ответ. И вроде бы ладно: в тулупах и те, и другие, в зипунах, охабнях – не больно. Но ведь каждый норовил попасть по лицу!

Андрей тут же рванул саблю, но Пахом успел перехватить его руку:

– Не лезь, новик. Не по чину тебе в холопью свару лезть. Да и грех со своими насмерть биться, пусть и подлыми. Нельзя.

– Мой род от самого Словена тянется! – услышал Зверев злой крик боярина. – Что мне твои Рюриковичи?!

– Не Словен, а бродяга безродный в твоём роду у зачинания! – кричал, грозно помахивая хлыстом, какой-то незнакомец в богатой шубе и красной суконной шапке с каракулевыми отворотами. – Смерд приبلудный, холоп безродный! И самому тебе холопом быть, коли на землях чужих приживаешься. Оброк плати, смерд, али уметайся из поместий моих!

– Сам смерд! Приперся из чужих краев – да законы тут ставишь?!

– Закон везде один. Кто чужое взял – вор! Кто чужую землю пашет – смерд!

Андрей пнул серого пятками, пуская с места вскачь, въехал между чужими холопами так, чтобы грудью коня ударить одного под колено, другого снизу вверх пнул под голень сам. Оба от неожиданности опрокинулись на спину и свалились с седел. Холопы Лисына язвительно захохотали.

Зверев объехал боярина, пристроился у стремени с другой стороны:

– Ты хочешь его убить, отец? – Он положил руку на саблю, разглядывая незнакомца. Тот был явно старше Лисына, со впалыми щеками, острым носом, многими морщинами на лице. Казалось, жрет его изнутри какая-то лихоманка. Но медленно жрет, изводить не торопится. Бороденка его была под стать лицу: тощенькая, длинная, рыжая, как выбранный для намотки на бигуди старческий локон.

– Мараться брезгую. – Боярин отпустил поводья, и они промчались мимо злобного типа, почти задев морду его коня выставленными локтями. Следом с посвистами поскакали холопы.

– Что это за человек, отец? – поинтересовался Андрей.

Не отвечая, боярин молча погонял коня. Стремительным галопом они пролетели одни ворота, другие, повернули по перешейку направо, вымчались из Себежа прочь, словно за ними гнались огнедышащие псы. Только на тракте Василий Ярославович перешел на обычную рысь, и Зверев снова нагнал его, пристроившись рядом:

– Так кто это был, отец?

– Князь Юрий Друцкий, сын, ненавистник наш давний.

– Это сосед наш, у которого усадьба в десяти верстах?

– Он самый.

– А чего ему от тебя надо?

– От нас, сынок, – вздохнув, поправил его отец. – От бояр Лисьиных. Нас он хочет. Нас самих али поместья нашего.

– Не хило, – присвистнул Андрей. – И с какой стати ему это в голову взбрело?

– Понимаешь, сын... Началось это при прадеде славном нашем, Володимире. Показал он доблесть в походах немалую, за что государем Иваном Васильевичем Грозным¹⁸ пожалован был именем под Великими Луками в землях порубежных, возле озера Крестцы. Оставил он имение это деду нашему, а уж от него и мы приняли. Полста лет назад, по новому уложению с княжеством Литовским, земли сии до Себежа под руку великого князя московского перешли. Вот тогда отец князя нынешнего, Семен Друцкий, от князя литовского отъехал и руку московскую принял. Поселился на усадьбе старой, долго заброшенной. Тут и заявил он о праве своем на те земли, что дедом государя нашего нашему прадеду пожалованы. Дескать, не один век Друцкие именем этим владеют и отказываться от него не намерены. Пока они при дворе литовском были, про наше поселение здесь они, дескать, не слыхивали. Хотя, скорее, понимали, что, покуда они там, в стане литовском, любой суд русский нашу сторону примет. А ныне и они – князья московские, и мы – бояре русские. И как бы пред судом по праву равны. Вот и рядятся уж полвека воеводы да дьяки земские, чье право сильнее. Князя Друцкого наследное али мое, государевое. Сколько пергамента на письма и запросы извели – страсть. Ан нет пока никакого понимания. Непонятно, сколько тяжба и продлится.

– Понятно... – прикусил губу Зверев. – Значит, в любой момент может случиться так, что князь нас бездомными бродягами оставит?

– Или саблю ему на верность целовать, под его руку идти, себя его детьми боярскими признавать. Дворней его стать.

Андрей промолчал. Пищи для размышлений хватало. Не такой уж он, оказывается, и крутой в этом мире. В любой момент, как комара, прихлопнуть могут. Как говорится: под уздцы да в стойло. Неприятно...

Возки они нагнали уже часа через два, перешли на шаг. Солнце как раз миновало полдень, и это означало, что теперь до темноты они не увидят ничего, кроме сосен и растоптанного тысячами копыт и исполосованного сотнями полозьев тракта. И так – еще четыре дня, учитывая скорость перегруженного обоза.

– Сколько нам до дома, отец?

– Верст шестьдесят, Андрей.

– Дня четыре, коли ноги еле переставлять. А верхом, интересно, сколько?

Боярин немного подумал, а потом произнес одно слово:

– Завтра.

До сумерек они прошли еще верст пять, остановились лагерем, спокойно отдохнули. А поутру Василий Ярославович, оставив Вторушу за старшего, с Андреем и пятью холопами умчался вперед.

Шли они без заводных, но налегке, на сытых, отдохнувших конях, а потому почти весь день мчались на рысях – лишь ежечасно минут на десять переходили на шаг, чтобы скакуны немного восстановили дыхание. За шесть часов всадники одолели не меньше восьмидесяти километров до заветного Удряя, свернули с тракта на лед реки.

Тут уже и скакуны, чуя, что дом рядом и близок отдых, сами ускорили бег. Последние версты всадники одолели вообще меньше, чем за час и, уже слыша из усадьбы радостные крики, выбрались на берег, поднялись на холм и въехали в торжественно распахнутые ворота.

¹⁸ Великий князь Иван III, как утверждают историки, тоже был Васильевич, тоже имел прозвище Грозный и тоже отличился разгромным походом на Новгород, а также войной в Ливонии. Что и вызывает у отдельных исследователей подозрение, что оба Ивана – один и тот же царь.

Андрей и холопы спрыгнули на землю возле конюшни, боярин проехал до крыльца. Подождал. Спешился, подождал еще немного. Потом начал медленно подниматься по ступенькам. Встречать его никто не торопился.

– Никак с боярыней неладно? – пробормотал Пахом.

Андрей, успевший только отпустить коню подпругу, кинул дядьке повод и побежал за Василием Ярославовичем.

В сени они вошли одновременно. Здесь, стоя на коленях, собрались бабки-холопки, что вечно таскались за хозяйкой. Они тихонько выли, предчувствуя беду.

– Где жена моя, Ольга Юрьевна? Где она, несчастные?! – зловеще спросил боярин.

– Ой, не вели казнить, батюшка наш! Ой, не виноваты мы-ы-ы... Ой, не сердчай на нас, батюшка Василий Ярославович!

– Где она? Что с ней?

– На Козютин мох она поехала, боярин, – наконец призналась одна из теток. – Поехала к знахарю Лютобору. Желает она чрево свое колдовскими способами оживить, ребеночка тебе зачать...

Андрей продолжения слушать не стал, отступил наружу. Хозяйка, как он понял, жива-здоровая, а остальное – суета. Хотя имя Лютобора память ему всколыхнуло.

– Лютобор, Лютобор... Где-то я это слышал...

Пахом у конюшни уже снял седло со своего скакуна и теперь разнуздывал серого, боярского.

– Скажи-ка, дядька, – остановил его Андрей. – Знахарь Лютобор на Козютином мхе – это про него ты в сказке сказывал?

– В какой сказке?

– Ну, про Пятый крест. Что один из колдунов древних на тот мох ушел и теперь там живет.

– А-а! – оживился Белый. – А как же! Живет, ей-богу живет, – перекрестился он. – Сказывают, есть у Лютобора ворон ученый. Умный, как московский воевода. Коли кто на болото к колдуну приходит – ворон навстречу летит, смотрит. Что за человек, зачем пожаловал. Коли нравится – дорогу к логову Лютобора показывает. А нет – в топах его путает да изводит вконец.

– А правду сказывают, Пахом, что, когда я от горячки чуть не помер, матушка моя Ольга Юрьевна к колдуну этому Лютобору пошла и душу у него для меня выкупила взамен той, что баечник высосал? И в тот же день я здоров стал, как огурчик в пупырышку?

Дядька дернулся, будто его стукнули, вспомнил про седло на сером, повернулся к коню и через плечо коротко бросил:

– Такого я не говорил.

– Пахом, Пахом, – похлопал его по плечу Андрей. – Хороший ты сказочник. А вот врун плохой. Давай так сделаем... Завтра поутру коня мне оседлай, пирогов в сумку сунь и попить чего на день. Дальше я сам разберусь. Страсть интересно, где ваш Лютобор души на продажу добывает. Ну, я к себе в светелку пошел. Чует мое сердце, праздника в честь возвращения сегодня не будет.

* * *

Затя Пахому не нравилась, однако до Большого Удрая Андрея он все-таки проводил. Привычка всегда быть рядом с воспитанником оказалась сильнее недовольства. Но страх перед бессмертным колдуном заставил дядьку остановиться на безопасном берегу.

– Не ходил бы ты туда, новик, – в последний раз попросил он. – Недоброе это место. Бесовское. От бесов добра людям не бывает. А ворону не понравиться – и вовсе утопит. Не ходи. Зачем тебе сдался этот Лютобор?

– Я же сказывал, Белый, – подобрал поводья Зверев. – Поблагодарить хочу. За исцеление.

– Так отблагодарила его уже боярыня. Достоинно отблагодарила, коли второй раз поехать не побоялась.

– Я лично желаю слова добрые сказать, Пахом. Нужно ведь благодарным быть к благодетелям, правда?

– Ну, коли слова лишь добрые сказать, то, авось, и обойдется, – перекрестил его дядька. – Ты токмо того... Колдуну ни в чем не перечь, не зли. И подарков не принимай. Крестик, крестик, смотри, чтобы на теле был. Он защитит. А лучше «Отче наш» тихонько читай все время. И коли ворон кружить будет, дорогу не укажет – ты за ним далеко не ходи, назад поворачивай.

– Не бойся, почитаю... – Андрей вскинул правую руку, чуть тряхнул ею, ощутив, как грузик кистеня занимает привычное место под локтем, и пнул серого пятками.

Заблудиться не давала полузаметенная цепочка следов, оставшаяся после боярыни, навещавшей вчера таинственного колдуна. По ней всадник и помчался широким шагом в глубь уснувшего на зиму болота, погоняя и погоняя скакуна. Если бы не толстый слой снега, в котором вязли тонкие ноги коня, Зверев, наверное, вовсе перешел бы в галоп.

Когда тропка поравнялась с утонувшими в сугробе кустами ежевики, следы внезапно оборвались, словно женщина вместе с мерином провалилась тут сквозь землю. Андрей натянул поводья, закрутился на месте, пытаясь найти разгадку столь странному исчезновению. Тут из-за кустарника выскользнула черная тень, пару раз громко хлопнула крыльями, коснулась березовой ветки – и оказалась черным, как березовый деготь, вороном.

– Привет, Харон крылатый, – кивнул ему Зверев. – Ну, если ты оттуда, то мне, стало быть, туда...

Он натянул левый повод и повернул к кустарнику. Ворон сзади возмущенно закаркал, сорвался с ветки, закружил над головой, но вскоре понял, что изменить ничего не сможет и умчался вперед.

За проходом, что обнаружился среди кустов, оборванная цепочка следов возникла снова. Андрей опять пустил скакуна широким шагом и вскоре выбрался на поросший древними дубами холм. Тропа вывела его аккуратно к пещере, из-под потолка которой вился слабый серенький дымок. От входа в стороны тянулось еще несколько тропинок – ухоженных, утоптаных. Площадка перед логовом колдуна тоже была расчищена и старательно утрамбована.

– Вот и прибыли, приятель, – спешился новик, кинул поводья на густой кустарник слева от входа. – Если я не вернусь, можешь считать меня коммунистом. И выбираться, как получится.

Он проверил, как выходит из ножен клинок, и решительно откинул полог пещеры, пробираясь в обитель легендарного чародея. После третьего полога Андрей ступил на ступени лестницы, ведущей вниз, и замер, увидев светящийся в стене камень.

– Он, часом, не радиоактивный, старик?

– Ты чувствуешь в нем опасность? – Престарелый хозяин, что ворошил угли под вертелом, поднял голову и пожал плечами: – Не ведаю, о чем речь ведешь. Но вреда от марьина камня быть не может. Уж сколько лет под ним живу, ан недомоганий не чувствую. Да и гости мои от света его никогда не хворали.

– А лысеть никому из твоих гостей частых не случалось?

– Да пока боги миловали, – пригладил редкие седые волосики хозяин.

– Сам-то шевелюрой не блещешь.

– Ты доживи до моего, незванный гость, – погляжу, что на твоей голове останется. И уцелет ли она сама.

Андрей еще раз недоверчиво глянул на блекло светящийся валун и решил не отступать. Была бы тут большая доза – ни колдун, ни боярыня по свету наверняка бы не разгуливали. А малую он тоже как-нибудь перетерпит.

– Чего жаришь, старик? – Зверев спустился в глубину колдовского логова. – Уж не некрещеных ли младенцев?

– Младенцев гости пока еще в уплату не приносили, – невозмутимо ответил хозяин. – А тебе они как, нравятся?

– Живыми и здоровыми.

– Так ведь и мне тоже, грубый, незванный гость. Оттого и чад своих смерды ко мне часто приводят. Ради исцеления.

– Да-да, я знаю, – кивнул Зверев, миновал идолов в конце лестницы и остановился возле очага. – Сам такой. Исцеленный.

– Коли так, то ты странно выражаешь благодарность, отрок. Тебе бы поклониться, слова ласковые молвить. А ты грубости всякие окрест раскидываешь. А ну, соберутся они да на тебя обратно рухнут?

– Благодарность? – У Зверева зачесались руки сцапать старика за бороду и хорошенько дернуть. Так, чтобы лбом об пол грянулся. – Благодарность? Ты хоть понимаешь, чего сделал, старый пень? Ты какого черта меня со своего тела выдернул и в это запихал? Или, думаешь, я не понял, что случилось?

– Разве ты веришь, что такое возможно, отрок?

– Я? – Новик горько рассмеялся. – После того, как из больничной койки попал в боярскую усадьбу? После того, как своими глазами видел рохлю и живую рубился с вымершими триста лет назад крестonosцами? После того, как узнал, кто такие баечники, что такое «Пятый крест», почему граница сосен и дубрав по крестовому озеру проходит? После того, как слышал, что боярыня для своего сына у тебя душу новую купила, а тебе самому полторы тысячи лет как минимум? Ты знаешь – верю... – И Андрей вытянул саблю. – Я хочу домой, старик. Верни меня обратно.

– Обратно? Как это, отрок?

– Так же, как притащил сюда. Я хочу домой. К своей матери, к своему отцу, в свой дом!

– Если ты покинешь это тело, отрок, – старик снял с подставок вертел с зарумянившимся цыпленком, отнес к столу, – то плоть сия умрет, сгинет со света белого. А вместе с телом – и семя, что хранится в чреслах его. Прервется славный род боярский. Разве хорошо это, отрок? Ведомо мне, через тридцать лет сгинет Русь Великая, ляжет под копыта коней басурманских, наложницей сарацинской станет навеки. Немногие спасутся, речь и кровь русскую сохранят у берегов моря Ледовитого. Бояре Лисьины, по милости Сварога, среди родов этих окажутся. Нешто можно род их прерывать? Сгинет плоть, сгинет и семя, что она в себе носит – не станет той частички, что от прародителя нашего разошлась. Грех.

– Они все равно все умерли, старик! И новик этот, в теле которого я сижу, и бояре, и друзья, и враги. Нет никого! Четыреста лет уже прошло! Все! Косточки истлели, могилки заросли! Мой мир другой, мой мир – это мир будущего! И я хочу в него вернуться! Я хочу домой!

– А поесть не желаешь? – Разложив на столе несколько ломтей хлеба, колдун сел за стол, развязал мешочек с солью, пополам с перцем, смачно почмокал, предвкушая вкусную трапезу.

– Я хочу домой!

– Зачем тебе это, смертный? – удивленно воззрился на гостя старик. – Ведомо мне, откуда-то из близких мест тебя заклятие вытянуло, не с севера. Кем ты тут был, кем стать мог? Бродягой, побирушкой нищим, родства и веры не знающим. Мыкался бы вечно голодным, в лохмотьях, от предков доставшихся. Всякий сарацин порол бы тебя для развлечения али резал от скуки на кусочки. А коли довелось бы семью завести, детей родить – так ни часа без страха не провел бы, боясь, как бы не украли детей твоих, в рабство не продали, как бы сарацин знатный дочерей твоих в гарем не забрал, не надругался для потехи пустой, за море не продал бы...

– Что ты несешь, старик? – не понял Андрей. – Какие сарацины? Какие гаремы? Двадцать первый век наступил! Каменные дома, электричество, компьютеры, Интернет.

– Не знаю, о чем молвишь, отрок, – покачал головой колдун. – Но будущее ведомо мне достоверно, до самых дальних веков. Заклятием своим, через зеркало Велесово, в будущее не раз я заглядывал. Посему знаю я, что через полвека сгинет Русь моя, не останется о ней ни слова, ни памяти. Оттого и срок жизни я себе такой назначил: полста лет еще, и все. Вместе с Русью и я этот мир покину. Лгать мне про время, что через четыре века наступит, ни к чему. Знаю я его. Без голода у вас там ни дня единого не проходит. Почки еловые кушаете, лебеду да ботву от репы. Про мясо токмо от предков да от женщин продажных слышали. Надеваете, что после мертвых остается али сарацины богатые рабам своим бросят, а те побрезгуют.

– Проклятье! Да говорю тебе, упрямый старик, нет там никаких сарацин! Мясо мы каждый день трескаем пополам с сосисками! А одежды всякой у меня столько, что шкаф не закрывается, под диваном все забито, и еще на даче старье валяется! И дом у нас каменный, пятиэтажный, в нем квартира отдельная!

– Ты лжешь, отрок, – поморщился колдун. – Зачем? Зеркало Велеса никогда не ошибается, и я знаю все. Судьба твоя была вырасти рабом жалким – я же тебе имя и судьбу дал боярскую, почетную. Почто не радуешься счастью своему? Почто лжешь, рану в душе моей бередишь, почто обратно в рабство просишься? Ступай домой и благодари иноземных богов своих, что не разгневался я, не покарал тебя за дерзость дурную, не наградил тебя соразмерно словам твоим. Но не ради тебя милостив я ныне, а токмо ради тела твоего, семя в котором на будущее сохранить желаю! А теперь ступай. Ты мешаешь мне кушать.

– Я не спорить с тобой пришел! – Зверев махнул саблей, срубив угол стола. – Мне плевать, что ты думаешь обо мне, о прошлом и будущем. Просто верни меня домой!

– Это невозможно, неразумное чадо. – Колдун оторвал цыпленку лапу и принялся ее обгладывать. – Никак невозможно. Тебе придется остаться здесь.

– Как затащил сюда, старик, так и верни. – Новик положил саблю ему на плечо и чуть повернул, прижимая лезвие к шее. – Возвращай, или я снесу твою дурную голову. Или, думаешь, не смогу?

– Сможешь, – сглотнул волхв, но, скорее, не со страху, а просто проглатывая кусочек мяса. – От тебя пахнет кровью, отрок. Значит, ты уже убивал. Умеешь. Но если ты меня убьешь, кто вернет твою душу назад, в твое старое тело?

– А какой смысл тебя беречь, коли ты все равно не можешь этого сделать? Укорочу тебя на голову, да поищу другого чародея. Чай не один ты на свете!

– Хорошо, – кивнул Лютобор. – Я верну тебя в твой гнусный, позорный мир.

И он, не обращая внимания на царапающий шею клинок, продолжил трапезу.

– Точно? – не поверил столь быстрому и легкому результату Андрей. – Ты клянешься?

– Ты не знаешь моих богов, а я не признаю твоих. Как я могу поклясться, какими богами? Тебе придется поверить мне так.

– И когда ты это сделаешь? – Зверев убрал саблю.

– Мне нужно подумать, чадо. Составить зелье, найти нужные заклинания, определить порядок обряда. Поперва опробовать на куклах бездушных. Дней десять, мыслю, уйдет. А может, и более. Али менее.

– Так сколько? Когда ты вернешь меня домой?

– Ты заходи, отрок, – пригласил Андрея колдун. – Заходи. Как готов буду, узнаешь.

– Ладно, старик, – кивнул новик. – Зайду. Дней через пять. До того времени управишься?

– Заходи. Там видно будет.

Зверев опять кивнул и направился к лестнице. Когда он миновал идолов, Лютобор неожиданно окликнул:

– Так и уйдешь, смертный? Нешто попросить ничего у волхва вещего не хочешь?

– Ты меня домой отправь, колдун, – отмахнулся новик. – Остальное я и сам как-нибудь добуду.

– Так и не надо тебе ничего? Ни серебра казну не хочешь, ни любви девицы красной, ни силы великой? А хочешь властью одарю?

– Душу не продаю, колдун.

– А разве я у тебя душу прошу, чадо неразумное? Я ведь и так, по доброте своей одарить могу.

– Бесплатный сыр бывает только в мышеловке.

– Это верно, – как-то странно закудахтал старик. – Но ведь я тебе не сыр предлагаю. Ты, вижу, воин, отрок. А хочешь, оружие твое заговорю так, что никому в руки даваться не станет – резаться будет, колоться, не слушаться. А к тебе, коли что, само возвратится?

– Так не бывает, – замедлил шаг Андрей.

– Прямо сейчас заговорю. Ты и убедишься.

– А взамен чего спросишь?

– Крови несколько капель спрошу. И то не себе. Для заговора. На тебя оружие заговаривать – от тебя и кровь нужна.

– За что же милость такая, колдун?

– Как же, чадо? Обиду, вижу, на меня держишь. Вот немного и откуплюсь.

– Долго это? – В душе Андрея боролись любопытство и недоверие. Да и предложение показалось заманчивым. Кто же откажется от «ручного» оружия?

– Что ты, чадо, дело несложное. Легко управлюсь. Токмо и ты не забывай: не колдун я. Волхв Сварога Великого, праотца всех людей русских. И именем Лютобора наречен. – Старик поднялся из-за стола, прошелся вдоль стены, постукивая пальцами по расставленным по углублениям кувшинам. Снял один, другой. – Иди сюда.

Андрей повел плечами. Спустился обратно, в логово чародея. Любопытство взяло верх над всеми прочими чувствами. При настоящем колдовстве он не присутствовал еще никогда.

– Воска пчелиного для огня, – негромко начал перечислять волхв, – жира медвежьего для силы, сала человеческого...

– Человеческого сала?! – вздрогнул Зверев.

– Его самого. – Старик крепко ухватил его за подбородок, поскреб краем ложки по носу, отер о край глиняной площадки, в которой уже лежали ломти крупянистого топленого сала и воска. – А теперь кровь. С языка нужна и с уха – коли хочешь, чтобы говорило оружие твое. Открой рот.

Андрей открыл, напрягся, ожидая боли. Но колдун кольнул его так стремительно, что паренек не успел испугаться. Лютобор стряхнул к другим ингредиентам каплю крови с языка, потом с уха, пошел к очагу и начал водить плоской над углями.

– Чадо, в тот угол, к полке отойди. Трубка там стоять должна в палец толщиной, серебряная. Сюда неси, поставь на угол. Теперь пот... Подол рубахи подыми и снизу, от тела, нитку со шва одну выдерни. Исполнил? Нет, мне не давай. В трубку внутрь заложи, хвостик наружу выпусти и прижми краем к столу, чтобы нить внутри проходила... Ага... А другой кончик снаружи свесь. Так, теперича сюда глянь. Видишь, подтаивать все начинает и внутрь стекаться? Теперь мы плоску по кругу поводим, дабы перемешалось, да заговор тут как раз и наговорим. Силой медвежийей, волей земной, словом Свароговым, кровью человеческой заклиная тебя, сталь холодная. Быть тебе костью моей в сече жаркой, быть тебе ухом моим в сладком сне, быть тебе волей моей в руке чужой, быть тебе словом моим в тяжкий час. Дело мое лепко, слово мое крепко. Отныне и во веки веков... Дальше смотри.

Перемешав кровь, жир, воск и сало плавными круговыми движениями, чародей отступил к столу, поймал левой рукой хвостик нити. Удерживая его наверху, Лютобор опрокинул плоску и вылил содержимое в трубочку. Прижал палец к губам, давая знать, что говорить

нибудь пробуй. Иди сюда, отвара моего испей. Шафрана я не кладу, вкус непривычный, но силу напиток сей жилы тебе добавит.

– Надо же, звучат! – все еще не мог поверить Андрей. Он сбежал вниз, сел за стол рядом с чародеем, отхлебнул из глубокой деревянной пиалы кисло-сладкого напитка с брусничным запахом. – Жалко, лука я с собой не взял, его бы тоже заколдовать! А то в сече потеряется, потом и не найдешь. Иногда прятать в колчан некогда, уронить можно. Али ремни колчана кто срубит.

– Заговори, – предложил волхв. – Ты же видел, как это делается. И заговор слышал. Запомнил?

– Сам... – Андрей потер виски пальцами. Вроде ничего сложного в увиденном колдовстве не было.

– Я могу тебя и иными заговорами заговорить. От стрелы, от меча. Глаза научу отводить, стены любые проходить насквозь, запоры открывать, пути осыпать, дождь останавливать, бури-снегопады вызывать.

– Правда?

– Да.

– Надо же, – хмыкнул Зверев. – За что же это мне честь такая, Лютобор? Неужели совесть так мучит?

– Нет, чадо, не за совесть. За то могу наградить, что не боишься меня вовсе. Никакого страха не испытываешь. Невозможно научить знаниям тех, кто глаза от тебя прячет, за версту от холма сего трястись начинает, слова вымолвить не способен, а запрошенное получив – бежит без оглядки, аж дышать боится. Нельзя. А знания я великие накопил. Кому достанутся, как сгину в безвечности?

– Ах, вот оно что, – сообразил Андрей. – Ты хочешь взять меня в ученики? Не-ет, волхв, так дело не пойдет. Ты должен отправить меня домой, ты забыл? Ты мне это обещал! Через пять дней обещал!

– Я клялся попробовать. А получится, нет – не ведаю. Да и то сказать, сколько времени уйдет, пока нужного добьюсь... Кто знает? Покамест расскажу тебе, что значат знаки тайные и явные, на воде, на земле, на огне и в небе. Поведаю, как и на что травы разные влияют, чем в обрядах чародейских помочь могут. Какие заклинания ради чего творить надобно, к каким богам и духам за помощью обращаться. Зная все это, ты и сам путь назад сыскать сможешь. Опять же меня проверишь, искренне я тебе вернуться помогаю али обманываю? Так ведь, чадо?

– В общем, наверно – да, – признал Зверев.

– Хотя, конечно, не ведаю, отчего ты в нищету и мрак так возвернуться стараешься, – вздохнул старик. – Ну, да дело твое. Хоть что-то, ко мне от предков пришедшее, сохранить смогу, и то ладно. Так ты согласен?

– Можно попробовать... Но ведь я не смогу к тебе каждый день приезжать! Мне и с Пахомом тренироваться надо, и отец меня делами своими занимает, да и вообще хлопот хватает. Не школьник все же.

– А ты как часик свободный выдастся, так и приезжай, – кивнул чародей. – Думай: а вдруг нашел-таки волхв путь какой хитрый восвояси, лаз в дом прежний? Узнать надобно. На коня – да и сюда торопись... Одно спросишь, другое узнаешь.

Лютобор опять закудаhtал.

– Коли так... – Андрей пожал плечами. – В принципе, я не против. Можно попробовать. Ну, а сейчас я, наверное, поскачу. Вдруг меня в усадьбе хватились?

– Зачем скакать? И так проведать несложно. Помнишь, я обещался тебя научить, как сквозь стены проходить надобно? Так это ведь не только через стены, но и через расстояние

проходить можно. Не телом, правда, душою своей только. Но ведь и этого часто хватает. Допи-
вай отвар мой, да и начнем...

Суриковская топь

Обоз вернулся на пятый день. Видать, без хозяйского пригляда холопы не особо торопились – тем паче что в обозе и припасов, и вина для путников хватало. Усадьба встретила победителей радостью, в трапезной накрыли первый, поспешный стол – пока баня протапливается. Вот только хозяйки в этот раз за столом не оказалось, место слева от боярина пустовало.

Часа два, пока вернувшиеся воины пировали, Андрей молчал, выслушивая их хвастовство и похвалы хозяевам. А когда холопы ушли мыться и он остался наедине с боярином, спросил:

– Что с матушкой, отец? Уж не захворала ли она?

– Она грязна! – хлопнул Василий Ярославович ладонью по столу. – Сам ее не касаюсь, и на свет честным людям показываться запретил! Ты знаешь, что она сотворила? Она ходила на поклон к колдуну из Козютина болота! Она отринула Бога и поклонилась бесовской силе! В монастырь, в монастырь отдам – грехи замаливать!

– Как я слышал, она желала лишь вылечиться от бесплодия, отец. Хотела родить тебе детей, а мне братьев.

– Но ведь не такой ценой! Не изменой Господу нашему, Иисусу Христу! – Боярин истово перекрестился несколько раз на висящую в красном углу икону.

– Можно, я расскажу тебе одну старую легенду, отец? – вместо того, чтобы затевать спор, предложил Андрей.

– Легенду? – хмыкнул Лисьин. – Развелось сказочников. Пахом, что ли, научил? Ну, давай, рассказывай.

– В давние, давние годы, отец, – начал Зверев, – жил недалече от Великих Лук один кузнец. Был он мастеровым, рукастым и очень благочестивым. Господа истинного тогда не знали, идолам молились. Вот и поставил кузнец в честь Белбога и Чернобога два идола: белый и черный. Всякий раз перед началом работы мастер кланялся обоим, просил подмоги, а в положенные сроки и требы обоим клал. Шли годы. Состарился кузнец, покинул этот мир, оставив кузню сыну. А тот оказался далеко не столь мудр, как отец. Почел постыдным для себя, человека Огня и Железа, кланяться какому-то Чернобогу. И не просто без жертв и молитв черный идол оставил, а каждый раз, начиная работу и помолвившись Белбогу, плевался в сторону другого истукана.

В один из дней зашел в кузню молодой паренек. Крепкий, разумный. Попросился в подмастерья. Учиться начал старательно и вскорости сравнялся в мастерстве с хозяином. Нарядоваться тот не мог на понятливого парнишку, привык к нему, стал подолгу оставлять кузницу на своего помощника. В один такой день подкатил к кузне возок со старенькой боярыней. Кони у нее расковались. Подмастерье подковал скакунов да между делом предложил боярыне перековать ее на молодую. Кому старость в радость?

Согласилась боярыня. Завел ее подмастерье в кузницу, растопил пожарче горн, ухватил старуху клещами и сунул в огонь. После окунул в молоко, ударил молотом – осыпалась угольная корка, и показалась из-под нее молоденькая красotka. Наспех оделась, кинула кузнецу серебра, сколько с собой было, выбежала вон, накричала на остолбеневших холопов и унеслась со двора. В тот же день исчез и подмастерье. Искал его кузнец, искал, да ничего не выискал. А тут на том же возке подъезжает помолодевшая боярыня со стариком мужем да рассказывает: «На что мне, молодой, эта развалина?! Перекуй и его на молодого, кузнец-молодец!».

Изумился кузнец рассказу боярыни, но виду не подал – нельзя же показать, что подмастерье больше его, мастера, в кузнечном деле умеет. Растопил, по-рассказанному, горн сколько мог жарко, ухватил старика щипцами, да в огонь! Вытянул головню, сунул в молоко, ударил молотом – головня угольями и рассыпалась.

Боярыня в крик: среди бела дня мужа извели! Холопы хватъ кузнеца да потащили на суд княжий. А, знамо дело, с душегубами разговор короткий... Тащат его, а навстречу кузнецов подмастерье скачет.

В черном дорогом кафтане, на черном огнегривом скакуне, из ноздрей искры сыплотся да дым идет. «Что, – говорит, – кузнец, тяжко тебе? Видать, не сможешь более на меня злобой плеваться?» А Белбог за него так и не вступился.

Такова мудрость наших предков, отец. Невозможно возвысить своего бога, унижая других.

– Ты ведь тоже бегаешь к Лютобору, Андрейка, – понял боярин. – К колдуну проклятому!

– А знаешь, когда он мне эту сказку поведал? Когда я его спросил, как от рохли в подвале избавиться. Лютобор посоветовал у нас в храме под горой святой воды набрать да с молитвою подвал и опрыскать. И свечу блаженному какому-нибудь зажечь.

– Лютобор? Святую воду в храме? – не поверил своим ушам Василий Ярославович.

– Да, отец. Он сказал, если православные отцы не признают его, это еще не значит, что он не признает православия.

– Истинны ли слова твои, отрок?

– Вот те крест, – осенил себя знамением Андрей. – Он веру истинную уважает и чтит, хотя сам к кресту и не подходит.

На самом деле старый волхв говорил немного иначе. Он объяснял, что сила богов – в молитвах, к ним обращенных. С каждой молитвой человек отдает богу частицу своей души, своей внутренней силы – и эта сила защищает верующих, когда те обращаются к небесам уже за помощью. Почему бы и не воспользоваться молитвой, обрядом, водой нового бога, раз уж он набрал на здешней земле немалую силу?

Но Зверев считал, что самую суть объяснения он передал верно. Лютобор не любил христианскую веру. Но враждовать с ней колдун не собирался.

– Выжечь гнездо это сатанинское надобно, – крепко сжал кулак боярин. – Холопы вернулись, сил в достатке. Выжечь, дабы и следа никакого не осталось!

– Разве тебе не говорили, отец, что именно Лютобор исцелил меня, пока ты ходил на службу государеву? – повысил голос Зверев, испугавшись за наставника. – Разве плохо, что род он наш спасти желает, мать от бесплодия вылечил? Так ли за дела добрые платить положено?

– Он опозорил супружницу мою, Андрей! – рывкнул боярин. – Он ее сатанинской силой исцелял, а я лишь от Бога истинного благость принимать намерен! Душа моя принадлежит Господу нашему, Иусу Христу, слово – государю русскому, живот – земле отчей! Не желаю колдовством черным род свой марать, и вам... – вытянул он руку к Андрею, – и вам не позволю!

– Разве ты Бог, отец, чтобы отделять заблудших от оступившихся, верующих от грешников? Гордыня это, отец, грех страшный!

– Уж не ты ли судить меня намерен, недоросль?!

– К Богу за ответом обратись, к Богу! – Андрей старательно бил в одну и ту же точку: переводил мысли боярина с самосуда на суд высших сил. – Отвези нас с матерью в храм православный. Дай исповедаться, к причастию подойти, службу отстоять. Коли Бог нас с матерью примет, из храма мы очищенными выйдем. Нет – сгорим там, как силе бесовской и положено. Суду Божьему ты поверишь, отец? Поверишь или нет? Или себя выше Господа ставишь?

– Ты как с отцом разговариваешь, юнец?! – поднялся во весь рост со своего кресла боярин Василий Ярославович. – В этом доме я хозяин! Мое слово, моя воля решать, кто виноват, а кто честен, кого карать, кого миловать!

– Твоя воля, отец, – пригасил голос Зверев, понимая, что здесь – не дома. Здесь за послушание в лучшем случае кнута на конюшне отмерить могут. А в худшем... Отец над детьми во всем властен. – Пусть твоя. Но ты, отец, без зазрения совести со схизматиками обнимаешься, что душу за золото продают, что Христа давно отринули и Мамоне со всей искренно-

стью поклоняются. А старца, что веру хранит старую, дохристовую, в которой деда наши росли, ты огню хочешь предать? Может, ты мне запретишь благодарность за жизнь ему выразить? Может, мне не нужно могил предков наших чтить и навещать? Родителей наших?

– Этим речам ты тоже научился у болотного мудреца? – повернул к нему голову боярин.

– Разве схизматик тебе дороже того, кто прадеда нашего на сечу благословлял, обереги для него делал? Разве Лютобор – чужак на нашей земле? Разве он рубил Пятый крест? Ответь, отец, в чем вина этого старца пред тобой? В чем? Ты – владыка в своем поместье, отец. Так ответь, как судья честный, в чем провинился пред тобой старик, что половину смердов твоих хоть раз, да исцелял от лихоманок, от смерти коровей, трясушек разных? Он ли виноват, что к нему, а не к монахам, с немочью идут? Он ли виноват, что исцеляет?

– Ну, хватит, заступничек! – опять стукнул по столу боярин. – Ладно, быть по сему. Проверим, какова его сила. В земле она, в воде али в хитростях бесовских. Коли прав ты и не чужд Лютобор креста святого – прощу беготню твою в чертово логово. Ну, а коли лжешь, нутро бесовское прикрывая... Тогда Бог тебе судья, и пламя его – твоя кара. Вознесенский собор судить вас станет, под его сводами очищение примете. А сбежать попытаешься... Отрекусь! Хоть ты и чадо мое единственное, все едино отрекусь! Послезавтра на подворье городское поедем. А до того часа из усадьбы выходить не смей!

* * *

В Великие Луки дворян за сутки собрала довольно крупный обоз: с полтора десятка саней и семь телег, нагруженных мешками с зерном, репой, капустой, разрубленными вдоль – «полтями» – тушами баранов, быков и коров, горшками с тушеной свининой, гусиным жиром и коровьим маслом. То ли боярин решил воспользоваться оказией, то ли, наоборот, собирался в город давно, а предложение сына совпало с его планами. Для боярыни, как ни злился муж на ее выходку, заложили сани отдельные, с широким облучком, мягким кожаным сиденьем, откидным верхом и двойным медвежьим пологом.

Выехали еще затемно, все тем же путем: по узенькой Окнице на немногим более широкую Линницу, по ней – до Удрая. Через пять верст река вывела обоз к Пуповскому шляху. Сани и телеги тяжело выбрались на берег – холопам, сопровождавшим боярина, даже пришлось спешиться и подталкивать возки. Дальше, по накатанному тракту, дело пошло веселее. Лошади разогнались до скорости усталого пешехода, да так этот темп и держали.

Отдыха Василий Ярославович не давал – ни одного привала за все время. Почему – Андрей понял лишь тогда, когда впереди, над краем дороги, появилось золотое сияние. Начало смеркаться, а значит, задержись они в пути хоть на полчаса, засветло в город уже бы не успели. Впрочем, имелось еще одно обстоятельство, о котором Зверев узнал позднее. А пока боярин послал вперед холопа предупредить о своем приезде приказчика на подворье. Возчики тоже трянули вожжами, погоняя лошадей. Ночевать в лесу селянам было не привыкать, но делать это перед воротами Великих Лук только из-за того, что на несколько минут опоздали, никому не хотелось.

Дриссу старинный город на Ловати превосходил размерами раза в четыре. Палисады начинались чуть ли не за версту от городских стен. Правда, походили они более всего на дачные участки: простенькая изгородь в несколько кольев, небольшое строенье с жердяными стенами, грядки, плодовые деревья. Какие – без листвы не угадаешь. Ближе к Лукам строения стали внушительнее: мощный частокол, крупные дома с печными трубами, солидные амбары и хлева с мычащими коровами. Это были постоянные дворы: как раз для тех, кто не успел до закрытия ворот или вовсе в город заезжать не собирается. Платить ведь за въезд положено. Коли нужды нет – зачем тратиться?

Вскоре они миновали первые ворота – простенькие, сделанные в обычном частоколе, за которым вольготно раскинулись избы с огородами, хлевами и амбарами. Видать, в городе кому-то места не хватило, вот снаружи и построились. Жить не так спокойно – зато просторно. Метров через двести за частоколом поднимался земляной вал. Без крепостных стен – но с тыном.

Вот так и растут города русские. Сперва крепость. Потом в ней тесно становится, появляются посады, становятся многочисленными, обносятся стеной. Возрастает число жителей – увеличивается в размерах стена. Дабы не просто от зверья да шайки разбойничьей уберечься, а и осаду пересидеть можно было. А как тесно за валом становится – опять кто-то избу за стеной ставит, к нему другие новоселы пристраиваются, и появляется вокруг выселок первый простенький частокол. От зверья да татей всяких, что человека беззащитного ограбить всегда готовы. Получается «матрешка». Чтобы такую твердыню покорить, одну за другой три-четыре стены одолеть надо. И каждая – выше и прочнее предыдущей.

В земляном валу дежурила стража в броне, с копьями в руках и топорами за поясом. Однако, к удивлению Зверева, платы с них не спросили. Даже поклонилась стража боярину.

– На подворье еду, – тем не менее сообщил воинам Лисьин.

За воротами обоз повернул вправо вдоль сплошной череды дворов. Первые ворота, вторые, пятые... Шестые оказались распахнуты настежь, и перед ними, склонив головы, стояли в простых полотняных рубахах чернобородый мужичок и женщина в темно-синем повойнике, с ковшом в руках.

– Оденься, Афанасий, не мерзни, – кивнул ему боярин. – И так верю, не воруюсь добра моего.

– Испей с дороги, отец родной... – потрусила к седлу женщина.

– Благодарствую, хозяйюшка. – Василий Ярославович принял корец, осушил его крупными глотками, крикнул, словно вместо сбитня ему поднесли стопку водки, вернул. – Литургия была сегодня в соборе Вознесенском?

– А как же, батюшка. Каженный день там...

– Афанасий, – не дослушал ее боярин. – Обоз с добром заведи, лошадей распряги, добро... Ну, сам знаешь. Я с холопами часа через два вернусь. Никита, за мной поворачивай.

Никита сидел на облучке у боярыни. Он кивнул и щелкнул в воздухе кнутом, стараясь поспеть за сорвавшимися с места всадниками. Десять холопов и возок промчались по совсем уже темным улицам, миновали два перекрестка и остановились перед белоснежным каменным храмом, величественным и строгим, с огромным золотым куполом и колокольней, также увенчанной золоченым шатром. Лисьин закрепил повод на коновязи, отпустил подпругу скакуна, потом, придерживая саблю, взбежал по ступеням лестницы, скинул шапку, оставшись в одной тафье, поклонился. Вошел внутрь. Холопы побежали следом. Только Андрей задержался – откинул запорошенный снегом полог, помог боярыне выбраться из глубоких саней.

Когда они вошли в храм, Василий Ярославович о чем-то договаривался с батюшкой. В храме было сумрачно. У икон, на широких канделябрах, догорали последние свечи, пахло воском, ладаном и серой.

«Серный дым – лучшее зелье от любой нежити, – вспомнил Зверев уроки Лютобора. – Если бы люди могли жечь серу постоянно, волхвам было бы нечего делать. Увы, когда рассеивается дым, нежить возвращается».

– Сюда, – махнул рукой боярин.

Холопы, Андрей и боярыня подошли, встали полукругом напротив алтаря. Священник куда-то ушел и вскоре вернулся в шитой золотом фелони. Следом шел помощник с кадилом в руке. Зверев, оглядываясь, поднял глаза – и замер от неожиданности, встретившись взглядом с Богом. Именно такое впечатление производило суровое лицо, нарисованное изнутри на куполе

собора. Осиянное нимбом, сухое, как у каторжанина, оно пронзало стоящего на каменном полу новика суровым взглядом, точно вопрошало: достоин ли ты жить на этой земле?

Священник рассказывал что-то о грехах чревоугодия, лени, блуда, богохульства и еще многих других, просил за них прощения, крестился, клал поклоны. Холопы и их хозяева внимали, тоже крестились и кланялись. Наконец служба закончилась, батюшка отошел в сторонку, встал, опустив голову и перебирая четки. Боярин Лисьин шагнул вперед, поклонился, осенил себя знамением:

– Простите, други, коли согрешил в чем-то.

Приблизился к батюшке, и они зашептались. Длилось это минуты две, затем священник накрыл Василия Ярославовича какой-то тряпочкой, перекрестил. Боярин отступил к холопам, и Андрей понял, что настала его очередь – очередь сына.

Зверев, стараясь выглядеть спокойно, подошел к священнику, остановился. Умом он понимал, что Лютобор никогда не пытался противопоставить его церкви, что опасности для него здесь нет, но все равно нервничал. Спихватившись, Андрей повернулся к остальной боярской свите, поклонился:

– Простите, други, коли согрешил в чем-то, – перекрестился, вернулся на место.

– Грешен ли ты в чем-нибудь, сын мой, мучит ли тебя совесть, спокойна ли твоя душа? – ласково спросил батюшка.

– Я... Я люблю поесть, я ленив...

– Повторять те грехи, что я отпустил общей молитвой, ни к чему, сын мой. Есть что-то такое, о чем я не говорил?

– Есть, батюшка, – вздохнув, кивнул Андрей. – Я общаюсь с язычником. Он признает православие, но не желает становиться христианином. Он совершает старые обряды.

– Это большая беда, сын мой, большая беда, – покачал головой священник. – Большая беда для твоего знакомого. Отказываясь от лона церкви, он губит свою бессмертную душу. Но крепка ли твоя вера? – вдруг встревожился он. – Язычник пытался отринуть тебя от истинной веры?

– Нет, – покачал головой Зверев. – Он даже приветствовал мою веру и настаивал, чтобы я посещал храмы и совершал все обряды.

Это было истинной правдой. Лютобор говорил, что у внуков Сварога много богов. Скотий бог Велес, бог справедливости Белбог, богиня земли Триглава, Среча – богиня ночи, Перун-громовержец, Мара, Ладо, Хорс, Макошь, Ния, Похвист, Стрибог, Стратим. Не будет ничего страшного, если человек начнет отдавать положенные требы не только этим богам, но и еще одному, пусть и иноземному. Раз этот бог набрал такую силу, глупо отвергать его покровительство.

– И он язычник? – усомнился священник. – Ты должен убедить его спасти свою душу, сын мой, обратиться к истинной вере, принять крещение. Это твой долг перед Всевышним и твоим знакомцем, сын мой. Ты понял меня?

– Да, батюшка.

– Ты хочешь признаться в чем-нибудь еще?

– Еще? – Андрей задумался. – Я ни разу не соблюдал пост во время похода на ливонский орден.

– Господь дозволяет отступаться от поста тем, кто в пути, либо в ратном походе, сын мой. Не беспокойся об этом прегрешении. Что-нибудь еще?

– Вроде больше нет, – пожал плечами новик.

– Ты был в походе, сын мой. Не довелось ли тебе проливать крови?

– А-а, было дело. В замке там человек шесть-семь мочканул... – Андрей осекся, не понимая, откуда на его губах взялось это похабное слово, и осторожно закончил: – Но они были схизматиками, святой отец. Не христианами.

– То, что они отринули веру и имя Христа, еще не лишило их бессмертных душ, сын мой! – сурово отрезал священник. – И грех смертоубийства надобно отпустить тебе особо! Ты должен будешь дважды прочитать молитвы за упокой души каждого из убиенных, сын мой. Быть может, Господь смилуется и все-таки не допустит этим несчастным гореть в геенне огненной. Ты понял меня, сын мой?

– Да, батюшка.

– Тогда... – на голову Зверева легла тряпица, – отпускаю тебе грехи твои...

Вслед за Андреем на исповедь сходила боярыня, следом еще четверо из десятка холопов. Когда о прегрешениях рассказали все, священник ушел за алтарь, вернулся и начал новую службу. Оставалось уже совсем немного – если здешний обряд не отличался от того, которого придерживались святые отцы в храме у Крестового озера.

И действительно, вскоре второй священник принес чашу с причастием. Кровь и плоть Христова, кагор и облатки.

– Не ел ли ты сегодня, сын мой? – спросил боярина, первым подошедшего к причастию, святой отец.

– Нет, что ты, батюшка. И из людей моих никто сегодня кусочка во рту не держал.

Это предупреждение заметно ускорило обряд. Больше батюшка никого ни о чем не спросил. А может, он тоже устал и решил поторопиться.

Когда люди вышли на воздух, Великие Луки уже погрузились в глубокий мрак.

– Рыкень, моего коня в поводу отведи, – распорядился боярин. – Еще налетишь на что-нибудь в темноте. Жалко, факела взять не догадался... Я пешим пройду. Надеюсь, Афанасий стол нам накрыл достойный. Ныне вечерять каждому за двоих хочется.

– На меня епитимью наложили, – тихо сообщила, спускаясь по ступенькам, женщина. – Две недели поста. Но не строгого, только мяса не есть.

– Это что, – так же негромко ответил Андрей. – А мне батюшка указал Лютобора уговорить крещение принять. Его уговоришь, как же. В филина превратит.

– Ну, и слава Богу. – Василий Ярославович остановился, широко перекрестился. – Камень с души долой. А ты верно сказываешь, сын?

– Батюшка сказал, душу он погубит, коли веру христианскую не примет.

– Это верно, погубит, – согласился боярин, еще раз осенил себя знамением и надел шапку. – Ну, значит, так тому и быть. Все в руках Господних, все по его воле творится. Значит, так ему угодно. Даже колдун может оказаться лишь орудием в руках Всевышнего. Никита, супругу мою с осторожностью вези! Да не гони, а за уздцы рысака возьми, за уздцы.

Андрей понял, что жена заботит боярина Лисына куда больше, чем сын. Но это, наверное, было даже лучше.

* * *

– Долго спишь, петухи давно пропели...

Спросонок Звереву показалось, что он уже вернулся домой, в будущее. Тесная жесткая постель, низкий потолок, крохотная комнатка. Папины глаза...

Но уже через миг он различил окладистую бороду и тафью на гладко бритой голове, шитую серебром ферязь.

– Поднимайся. Знаю, поздно вчера легли, но дел больно много. И тебе сказать надобно немало, показать. Новик ты ныне, и спрос с тебя иной. Опять же, подарок тебе сделать хочу.

– Какой? – насторожился Андрей. Прошлый подарок от здешнего отца оказался, прямо скажем, неожиданным.

– Узнаешь. Идем!

Вслед за боярином Зверев вышел из дома и вздрогнул от морозного зимнего воздуха. День еще только-только начинался, и обещанные петухи, скорее всего, еще не успели продрасть глаза. Двор, который вчера впотьмах разглядеть не удалось, был, естественно, намного теснее усадьбы. Где-то метров тридцать в длину и пятнадцать в ширину. Плюс амбары и дом, что стояли по разные стороны двора. Несчастливым коням места под навесом не хватило, и они теснились с торбами на мордах между камнеметами, коих тут имелось два. От улицы подворье боярина Лисьины отделялось частоколом, с другой стороны оно примыкало к городской стене. Точнее, к земляному валу. Это давало изрядные преимущества: изнутри в стене имелись полости, которые явно использовались, ибо были зашиты досками и закрывались дверями.

– Давай сразу глянем, дабы опосля времени не терять...

Со двора на стену вела лестница. Мужчины поднялись на пятнадцатиметровую высоту. Василий Ярославович тут же двинулся к невысокой шестигранной рубленой башне, размером с пятистенки, выпирающей немного вперед из вала, Андрей оглянулся на просыпающийся город.

Отсюда, с высоты, люди сильно напоминали пчел. Великие Луки были точно улей: огромное количество прямоугольных сот, и в каждой кто-то шевелился, бегал, что-то делал. Над всем этим, словно гигантская матка, возвышалась черная от времени цитадель, украшенная пятью башнями с зелеными остроконечными шатрами.

– Каждый раз, как приезжать будешь, башню нашу проверяй, – вернул его к действительности отец. – Чтобы венцы не подгнивали, помосты для стрелков целы были, бойницы крепки. Бойницы – самое пакостное место. Вода в дождь заливает, они и гниют. И шатры проверяй. Чуть где капать начнет, крышу сразу латай, не тяни. Станет на доски затекать – они погниют, потом намаешься.

– Я намаюсь? – уточнил сонный Зверев.

– Ты, я – какая разница? – отмахнулся боярин. – Эту башню все едино нам вместе защищать.

– Эту башню? – не понял Андрей. – Как, когда? А усадьба?

– Усадьба, сын, – вздохнул Василий Ярославович, – токмо от набегов быстрых отбиваться пригодна. Когда ворог слаб – и усадьба для него орешком крепким кажется, а уж к твердыням он и не подступает вовсе. Но коли война настоящая придет, усадьбу бросить придется да с дворней и холопами сюда перебираться, на подворье. Город защищать и себя вместе с ним. И с землями окрестными. По разряду, эту вот башню мы, бояре Лисьины, обороняем. И в порядке ее тоже мы держим. А рядом с нами кожевенная слобода стену защищает. Ты смотри, смотри. Самострелы у меня всегда тряпицей промасленной обернуты. Ты тоже поглядывай, не ленись. Вода что угодно в несколько месяцев истребить может. Посему каждый раз, как сюда, в Луки Великие, приезжать будешь, проверяй все до бревнышка! Поправить сразу куда проще, нежели опосля починкой заниматься. Та-ак, вроде ныне без хлопот обойдемся. Тогда в детинец поскакали.

Зверев выглянул через бойницу тына наружу. Внешняя стена показалась ему раза в полтора выше, чем изнутри крепости. Хотя, наверное, так и было. Землю для вала, скорее всего, брали спереди, одновременно копая ров. Он и был той самой гладкой снежной полосой, которую Андрей поначалу принял за сектор обстрела. А это всего лишь лед...

Домики с огородами, что раскинулись от стены до наружного частокола, в улей пока еще не смыкались, напоминая обычную большую деревню – там во дворах даже имелось место для грядки. Увы, в случае опасности дома эти, скорее всего, будут сожжены самими горожанами – чтобы атакующий враг не использовал их как укрытия. А бездомные обитатели перейдут сюда, внутрь более тесного, но зато защищенного города.

Новик отступил, побежал по лестнице за отцом. Внизу, во дворе, их ждали оседланные лошади, в том числе две вьючные. Андрей удивился тому, что холопов с собой боярин не взял,

но вслух ничего не сказал. Поднялся в седло, прихватил повод заводных и вслед за Василием Ярославовичем выехал со двора.

У ворот цитадели стража играла в кости, приставив рогадины к распахнутым створкам. С подозрением оглядывая редких путников, идущих или едущих к воротам, поперек прохода прогуливался только один ратник, но и он никак не попытался остановить боярина с сыном или спросить с них какую-то плату.

Внутри крепость Великих Лук оказалась такой же тесной, как и Себеж. Те же узкие проходы, те же высокие срубы, многие даже без окон. Василий Ярославович спешил к одному из них, открыл ворота, завел лошадь внутрь. Андрей, спрыгнув, провел под низкий потолок остальных.

Судя по яслям, место это и вправду предназначалось для скакунов. С другой стороны – вдоль всех стен шли широкие полки, заставленные какими-то коробами, заваленные мешками. Зверев, отпустив подпруги, приоткрыл крышку одного из сундуков и увидел поблескивающие маслом длинные копейные наконечники.

– Ворота затвори, – попросил боярин, раскрывая сумки. Он извлек пять пучков стрел, положил на полку, достал несколько мечей, уже натертых жиром, кинул туда же.

– Это что, склад или конюшня? – задвинув засов, поинтересовался Зверев.

– Конюшня. И полати для кожевенников. Коли наружный город падет, мы с ними сюда отступим. Слободских внизу расположим, сами наверху сядем. Ну, а пока добро всякое лежит. И на черный день, и так, коли что не срочно надобно. На подворье тесно больно, всего не сложишь. А теперь сюда смотри, сын. Смотри и запоминай...

Василий Ярославович поманил его за собой, указал на столб, подпирающий полати:

– Вот здесь, на глубине трех локтей, казна наша родовая зарыта. Горшок золота мы с дедом три десятка лет тому опустили. Коли беда случится изрядная: усадьба сгорит, холопы погибнут, мор какой среди смердов пройдет али разорение землям сильное, – можешь достать да деду слово доброе сказать. Хватит, чтобы заново отстроиться, холопов в закуп взять, смердов приманить. Не дать угаснуть роду нашему. Ну, а коли сам разбогатеешь, то и ты лепту свою внеси. Не дай Бог, конечно, но потомкам нашим может и понадобится. Место тут надежное. Пока время мирное, оно и под замком, и под присмотром. А сгорит крепость – все едино казна под углями останется. Запомнил, новик? Коли со мной случится что, ты главой рода станешь, тебе за все отвечать.

– Понял, отец, – вздохнул Андрей. – Коли доведется, сделаю, что смогу.

– Я тоже надеюсь, что не доведется, – кивнул боярин. Он сграбастал в охапку пучки стрел, дошел до лестницы и поднялся наверх.

Второй этаж был разделен на две примерно равные части. Слева за дверьми скрывалась пара светелок, остальное место занимали полати со всякого рода тюками, мешками, крынками, древками для копий, пучками стрел. Принесенные припасы Василий Ярославович добавил к прочим, пошевелил мешки:

– Вроде сухо. Не загниют. – Он двинулся по лестнице еще выше. Там находился уже чердак, пол которого закрывал толстый слой сушеной мяты.

«Мята – от мышей. Запах резкий, грызунам не нравится», – вспомнил Андрей.

Под крышей на стропилах висели на коротких шнурках связки вяленого мяса и рыбы. Продукт практически вечный, если не отсыреет.

– Коли беда, месяцок отсидимся. А, сын? – Боярин прошелся по чердаку, прощупывая доски потолка.

– Да тут и на год хватит!

– Это коли без холопов, Андрюша. А с людьми да ратниками слободскими припасы быстро уйдут. Ну да, коли о войне возможной слух пойдет, мы сюда из амбаров еще добра подвезем. С голоду не помрем, не дождутся. Вроде нормально тут все, не пропадает. Афана-

сий молодец, приглядывает. Он приказчик добрый, не то что ярыга этот беглый. Но хозяйский догляд тоже завсегда нужен. Да, сын?

– Конечно, – не стал спорить Зверев. Теперь он начал понимать, отчего с боярина Лисына нигде не спрашивают платы. Судя по всему, у него на шее висел изрядный хомут по подготовке города к обороне. Во всяком случае, на своем участке. Требовать с него после этого копеечную плату за въезд и выезд – уже перебор.

– Ну, а коли так, то поехали, тебе подарок сделаем. Небось, заждался уже?

Заперев убежище, отец с сыном на рысях промчались через двое ворот – сперва самой крепости, а потом через городские Литовские ворота, – проскакали немного по извивающейся меж домов дороге, пока Василий Ярославович не спрыгнул с седла возле широкого навеса, наполовину обнесенного стеной. В дальнем углу навеса, из которого наверх поднималась красная кирпичная труба, возились с черными от сажи мешками хозяин и пара мальчишек.

– Пойдем, сынок, пока мастер делом не занялся. А то как бы не оглохнуть.

Под навесом, у коновязи, фыркали две лошадки. Дальше шел длинный дощатый верстак, на котором в беспорядке лежали клещи, ножи, молотки, кольчуги, куски сабель и кос, железные лемехи и толстые запорные полосы с вырезами для замочных петель. На стене, на деревянных перекладинах, висело кое-что и более занятное: панцири из сверкающих стальных дисков, кольчуги из крупных петель, кольчуги со вплетенными пластинами и даже цельные кирасы, задние и передние половины которых соединялись ремнями.

– Здрав будь, Степан, Федотов сын! – громко окликнул боярин колдующего возле горна кузнеца, одетого, несмотря на мороз, лишь в кожаный передник на голый торс. Ниже, правда, на мастере были кожаные же брюки.

– И тебе здравия желаю, Василий Ярославович! – оглянулся чернобровый паренек, пригладил рыжие вихры. – С чем пожаловал? Меня чем одарить желаешь али с меня чего получить замыслил?

– И то, и другое, Степан.

Из чересседельной сумки боярин достал сверток, кинул на верстак. Козья шкура разошлась, в стороны рассыпались широкие тяжелые мечи и трехгранные ножи, взятые в ливонском замке.

– Ой, старье-то какое, Василий Ярославович!

– Нешто тебе кто когда новое чего приносит, Степан? Только старое да ломаное и несут. На то ты и кузнец – из старья новое делать.

– Андрюшка, погуляй маненько. Отдохнуть можешь, пока мы с гостем дорогим уговариваемся.

Зверев вздрогнул, однако увидел накинувшего шубейку мальчика и успокоился, поняв, что мастер обращался к мальчишке.

– Дело у меня к тебе простое, Степан, – зевнул боярин. – Сын у меня подрос. Новик. Крестоносца на саблю уже одного взял, да на рогатину, и на лук еще врагов многих. Мыслю я, негоже ему в старой дедовской кольчуге ходить, невместно. Надобно ему новую броню сработать.

– Это дело неплохое, – согласился мастер. – И какую броню желаете? Бахтерец, юшман, кольчугу панцирного плетения?

– То у сына надобно спрашивать. Ты какую броню себе хочешь, Андрей?

– Я? – растерялся от неожиданного вопроса Зверев. – Не думал как-то... А какие есть?

– Дык, какую скажешь, такую и сплетем, мил человек.

– А можно какие?

– Да любые, новик! – Мастер отошел от горна, хлопнул ладонью по висящим на шесте дискам: – Хочешь, зеркала тебе скуем. Токмо это, конечно, не броня. Зеркала на живот да на бока надеваются. И лучше поверх кольчуги, дабы опасные места прикрыть от удара сильного.

Коли вместе соединить – то юшман можно сплести. В нем на животе и боках, где ребра слабые, пластины сделаны, а все остальное – кольчужным плетением закрыто. А хочешь, колонтарь откуем. Он почти как кольчуга, но на груди и спине небольшие пластины железные вплетены, дабы удар на большее место распределяли. Но прочнее всего, конечно же, бахтерец будет. Там пластины, как чешуя, одна на другую налезает, и по всей груди, и по спине в три слоя лежат. Пластины выгнуты, удар смягчают. При сем броня гибкой, что кольчуга, остается. Однако работы в нем много, дорогая зело броня получается... – с этими словами кузнец оглянулся на боярина.

– А какая броня самая лучшая?

– У-у, какие вопросы задаешь, – покачал кузнец. – Что тут скажешь? Кому какая нравится. Одно могу сказать: сильного, прямого и точного удара ни один доспех не выдержит, на то не надейся. А дальше – это уж кто на что решится. Кавалеры ордынские все кирасы любят. Она хоть и не такая прочная, как кольчуга, ан пока не пробита, в ней даже царапины не получишь.

– Разве кольчуга прочнее? – удивился Андрей.

– У тебя нож есть, новик?

– Да.

– Проколи вот здесь дырочку. – Мастер взял со стола кусочек кожи, поднял перед Зверевым и указал в нижнюю часть.

– Как же ее проколешь? Она болтается вся, от удара назад отойдет, не проколется.

– Так ведь и кольчуга так же. Она лишь разрезать себя не дает. От удара, как и кожа эта, проминается. А снизу у тебя поддоспешник толстый, он силу удара смягчает. Кираса же жесткая, ее такой же удар насквозь продырявит. Сколько там железа-то этого? Два ногтя¹⁹! Но если кираса выдержала, то ты цел, а под кольчугой, пусть и целой, синяк останется, а то и кость треснуть может. Однако жив все едино останешься. Пополам, как бездоспешного, не разрежет.

– А если под кирасу кольчугу надеть?

– Разве токмо спать укладываясь, новик, – усмехнулся Степан. – Ты сам прикинь. В твоей кольчуге пуд веса. В кирасе столько же. Одно на другое напаялишь – ужо два пуда. Как ходить станешь? Надолго ль хватит тебя?

– Ну, – пожал плечами Зверев, – положим, кук я поверх кольчуги носил, и ничего. Бегал.

– Кук все же полегче и кольчуги, и кирасы будет. Он ведь и без рукавов, и без юбки, верно? А на кавалера ливонского глянь. У него ведь и на руках железо, и на ногах железо, перчатки, голени, сапоги железные. На нем и так два пуда уже надето – куда же боле? Но, коли скажешь, кирасу я тебе сковать могу. И прочий доспех тоже. Однако же сразу знай: с лука ты в кирасе стрелять не сможешь. В ней ведь ни повернуться, ни крутануться, а в седле и вовсе токмо в одну сторону смотреть сможешь...

– Нет, так дело не пойдет! – вмешался боярин. – Нам без лука никуда. Да и вообще, ты про эти рукава железные разговоры бросай. С этаким-то весом на руках ни стрелять, ни рубиться долго сил не хватит. Руки должны быть легкими, тогда и усталости в них не скопится.

– Однако же, коли руки без брони, их любым ножиком резать можно, – хмыкнул кузнец. – Вот и выбирай. То ли налегке, но с риском, то ли царапин не бояться – но и уставать втрое быстрее будешь. Хотя... Могу доспех показать, что по весу вдвое кирасы легче, но втрое прочнее.

– Это как?

– Сюда смотри... – Мастер подвел его к кольчуге, собранной из колечек диаметром чуть больше пятирублевой монеты. – Это байдана, по заказу князя Шуйского ковал. Завтра за ней посыльный придет. Глянь, какая толстая сталь на плетении. Втрое толще, нежели на кирасе.

¹⁹ Толщина рыцарских кирас не превышала одного миллиметра, и то на груди. Только турнирные, небоевые доспехи иногда достигали двух-трех миллиметров.

Потому удар сабельный, али мечом, топором, али просто скользящий держит она куда как крепче. Плюс к тому, и прогибается, коли удар слишком сильный. Однако же стрелу бронебойную на излете, нож простой – их она пропустит. А кираса али кольчуга простая – нет. Зато весу в ней куда меньше. Не сплошная, сам видишь. Оттого и легкая...

Андрей снял байдану с шеста, взвесил в руках. Пушинкой назвать ее было нельзя, но то, что тянула она вдвое меньше старой кольчуги – это точно. Он вопросительно оглянулся на боярина.

– Ты уверен, сын? – Василий Ярославович подошел ближе и демонстративно проткнул броню пальцем, сунув его в одно из колец.

– Куяк сверху накинута, и все дела, – пожал плечами новик. – Стрелы и ножи уже не страшны. А от меча в самый раз. Ты попробуй, какая легкая!

– Воля твоя, сын, – не стал спорить Лисьин. – Коли что, на себя пенять будешь.

– Нравится, отец.

– Быть по сему! Когда сделаешь, Степан?

– Ну-у, – почесал в затылке, окидывая Зверева взглядом, кузнец. – Ну, заказ еще один у меня имеется. Ну... Через месяц сделаю. Раньше никак.

– До весны я в усадьбе всяко просижу... – прикинул боярин. – Ладно, пусть будет через месяц.

– Степан, – вмешался в разговор Андрей. – Скажи, а трубку железную ты сковать можешь? Таковую, чтобы внутри ровное круглое отверстие было, с одной стороны заклепанное, и у заклепанной стороны узкое отверстие сбоку?

– Это вроде пищали, что ли? Дык, ее отливать надобно!

– Нет, – мотнул головой Зверев. – Пищаль – это пушка. А я хочу со стволом диаметром с большой палец, а в длину... Ну, с меня ростом.

– Маленькую такую? – Мастер пожал плечами. – Отчего, дело нехитрое. Из листа свернуть да вокруг прута обковать. Но тут тоже на весь день мороки. А у меня заказ важный, ждать не могу. Вот коли через месяц... Тогда зараз и байдану, и пищаль свою игрушечную забрать сможешь. Так тебя устроит?

– Зачем тебе это, сын? – не понял боярин Лисьин.

– Хочу зельем огненным побаловаться. Может, получится?

– Это тебя Лютобор научил?

– Нет, – мотнул головой Андрей. – Пушкарь из Себежа.

– Ладно, – махнул рукой Василий Ярославович. – Сделай ему эту палку. Гляну, что за баловство. Поехали, Андрей. Полдень скоро, поесть не успеем.

– Почему не успеем? У нас еще дела?

– Домой возвращаемся. Сам же видел, на подворье коней ставить некуда, да и припасы тут подьедасть ни к чему. Афанасий дела торговые вести должен, урожай, полотно продавать, о работах отходных для смердов уговариваться, серебро для нас копить. Ни к чему его отвлекать.

– Как же не помещаются? – Новик поднялся в седло. – А если осада – тогда как?

– Коли осада случится, я коней да людей ненужных в крепость переведу. А ныне... Сырость от лошадей – чего со скотины возьмешь? Припасы портиться будут. Пусть лучше на усадьбе постоят...

После полудня обоз, уже пустой, оставил посадки Великих Лук далеко позади. Налегке лошади шли ходко, временами Василий Ярославович даже срывался на рысь – и ничего, возки не отставали. Привалов опять не было ни одного, но зато в сумерки, вдвое быстрее одолев тот же самый путь, обоз свернул с дороги на речной лед. Еще час неспешного пути по извилистому руслу – и они оказались дома.

* * *

– Никак, новик, совсем себя мастером ремесла воинского считать начал?

Даже не открывая глаз, Зверев сразу понял, где находится и кто пришел лишать его самых сладких, утренних снов.

– Чего тебе надобно, дядька?

– Спишь много, лук держишь мало, рогатину уже дней десять в руки не брал. Обленился ты, дитяtko. Скоро саблю узнавать разучишься. Токмо по полям носишься где-то как оглашенный. Даже зайца ни разу с охоты не принес. Нешто кистень в руке держать разучился?

– Кабы знал ты, Пахом, чем я занимаюсь... – вздохнув, Зверев откинул одеяло, перекатился по перине к краю, опустил ноги вниз.

– Да ты, никак, беса к себе запустить захотел? – испуганно охнул Белый, увидев, что барчук спит без одежды, и перекрестился. – Исподнее скорее надевай! Да опоясывайся, пока не узрел никто, пока нечисть какая под рубаху не забралась.

– Отец с матушкой встали? – одеваясь, поинтересовался Андрей.

– Утром боярин и хозяйка к столу не вышли, – ухмыльнулся дядька. – Видать, сладилось у них снова. А то уж и про монастырь среди дворни слухи пошли, про порчу, что на нее наведена. Ныне же, как два голубка, и расставаться не желают. Ну, да тебе, новик, валяться столько ни к чему. Давай-ка, трапезничай, бери лук, да и пошли к пеньку нашему руку набивать.

– Не могу, – опоясываясь саблей, вздохнул Андрей. – Епитимья на меня наложена, дядька. Исполнять нужно.

– Это какую же кару Господь для тебя придумал?

– Не скажу. Все равно не поверишь. Вели-ка лучше серого моего оседлать. Я перекушу быстро, да и поеду. Не терпится мне очиститься пред Богом.

Час спустя, промчавшись знакомой тропинкой, Зверев спешил у Лютоборовой пещеры, кинул поводья в малинник и вошел внутрь. Старый колдун сидел внизу у поставленной вертикально ношвы, перед которой горели две свечи, водил над посудиною руками и что-то бормотал.

– Здрав будь, мудрый ведун. – Андрей побежал вниз по лестнице.

– И тебе здоровья, смертный. Сотворил я опять заклятие на зеркало Велеса, опять созерцаю года грядущие. Верны ли слова твои о домах каменных и о власти русской во время твое, что через четыре века настанет?

– Конечно, верно, – пожал плечами новик. – Я же не склеротик.

– Не вижу, не вижу сего... Кровь вижу, позор вижу. Голод и нищету вижу. Домов каменных не вижу... – Чародей пальцами затушил свечи, положил ношву. – Сюда не смотри. Открывать зеркало Велеса я тебя опосля научу. Коли доведется.

– Если ты хочешь спасти свою душу, Лютобор, – с ходу заявил Андрей, – то должен перейти в христианство.

– Да? – Старик склонил голову набок. – Я тебе уже сказывал, что белену нельзя есть днем, без костра и моления? И где ты ее взял зимой?

– Нет, волхв, я не пьян, – усмехнулся новик. – Я был у причастия по христианскому обряду. На меня наложили обязанность сделать тебе такое предупреждение. Я делаю. Ведь я не должен обманывать христианского бога, правда?

– Не должен, – без тени улыбки ответил колдун. – Когда будешь возносить ему положенные требы, ответь, что я услышал твои слова и буду думать. Не стоит шутить с высшими силами. Даже если они тебе не нравятся.

– Я передам, – уже более серьезно сказал Зверев.

– А теперь, если ты не передумал, я попытаюсь вернуть тебя обратно. Туда, откуда взял.

– Хорошо... Что?! – Смысл услышанного дошел до Андрея с некоторым опозданием. – Ты знаешь, как вернуть меня назад?!

– Ты не передумал?

– Нет! Конечно, нет!

– Раздевайся, на стол ложись. Ох, причиним мы матушке твоей горе великое... Ну, да чрево у нее ныне ожило – вестимо, чадо новое мужу скоро принесет. Перестрадается, да в новой любви и забудется... Крестними. К новому богу обращаться не станем. Да и вовсе надобно чужаков из обители моей изгнать...

Лютотор отошел к полке возле очага, открыл один из горшков, что-то зачерпнул, метнул на угли. По пещере прокатился зловещий хохот, воздух наполнился едким запахом, от которого заслезилась глаза.

– Ложись, не тяни! – поторопил Зверева чародей.

Молодой человек, раздевшись донага, вытянулся на столе животом вверх.

Колдун решительно провел ладонью по его телу, словно стряхивая пыль, широкими уверенными движениями начал рисовать вдоль рук, ног, по животу продольные линии:

– На море-окияне, на острове Буяне растет дуб, на дубе гнездо, на гнезде птица. Подними голову, птица Сирий, услышь голос мой, птица Сирий. Принеси огонь смерти и бессмертия, скажи слова жизни и нежити, урони перо смерти и рождения. Обратись пеплом, тело смертное, вознесись пылью серой. Вознеситесь руки, вознеситесь ноги, вознеситесь чресла... – В руках волхва, похоже, были уже не краски, а легкое, невесомое перо. – Поднимись, Похвист могучий, в небеса широкие, уноси пыль серую. Уноси через реку Смородину, уноси через Калинов мост, уноси за океаны бескрайние, уноси за года великие, уно...

Голова Андрея закружилась, он ощутил, как падает куда-то вниз, сквозь стол, сквозь пол, в какое-то огненное пекло. Угли покатались по его телу, затрещали в волосах, он задохнулся их жаром и...

... и увидел над собой белый потолок. Белый потолок! Такого он не встречал уже много месяцев. Паренек сделал глубокий вдох, скосил глаза. Да, книжные полки на месте. Компьютер на столе. На стене какая-то тряпка, изображающая ковер. На полу вместо волчьих шкур – еще одна тряпка с коротким толстым ворсом.

Неужели он вернулся?! Только почему не в больницу? Если его уволокло в прошлое оттуда, то и вернуть, наверное, должно туда же, на место. Или он попал в другое время? Интересно, какое сегодня число?

Он приподнялся на локте – и услышал в коридоре шаги, знакомые голоса:

– Отставь его, Оленька, пусть спит. Легче завтра в школу встанет.

– Ну, ты же знаешь, как он любит этот фильм. Пусть посмотрит.

Дверь приоткрылась, в комнату заглянула простоволосая женщина:

– Андрюша, ты отдохнешь, или...

– Мама!!

Зверев рванулся к ней – и грохнулся на пол пещеры, свалив скамью. Уселся, потрянул головой:

– Ш-ш... – Он поперхнулся, закашлялся, выплюнул набитые в рот угольки, снова спросил: – Что это... было? Это глюк? Или я...

– Ты вернулся, – вздохнул чародей. – Тот мир не принял тебя. Изгнал. Давай посмотрим. Мне нужно твое сало.

Он подхватил щепу, пару раз скребнул новика по носу и отошел к очагу делать свечу. Андрей опять сплюнул набившиеся в рот угли:

– Что это, Лютотор?

– Тебя нужно было сжечь, чтобы перенести через рубежи миров, смертный. Заклятием птицы Сириин ты должен был восстать в нужном месте. Но едва ты восстал, как вернулся к моим ногам.

– Вот проклятье! – Новик нашел крынку с холодной водой, сполоснул рот, выплюнул в угол черную воду. – Так ты меня сжег?

– Но ведь ты жив?

– Не знаю... – опять тряхнул головой Андрей, похлопал по себе руками, сообразил, что бродит голым, и пошел одеваться.

Пока он облачался, Лютобор успел закончить со свечой и позвал его к себе.

– Раз уж ты вернулся, слушай заговор на зеркало Велеса. Творится он над любой поверхностью, в которой ты свое отражение ясно видишь. Одно условие: оно должно быть вертикальным. Посему я просто воду в ношву черненую наливаю и заговор Стречи на сон сильный творю...

Бормоча заклинание, чародей провел рукой над деревянным корытцем, после чего вертикально прислонил его к стене – вода застыла, словно замерзшая.

– Теперича ставим две свечи. Коли на человека глянуть хочешь, его сало нужно, коли будущее узреть – то сало двух мертвецов.

– А где ты его берешь? На кладбище?

– Такие глупцы, как ты, и распускают про меня дурные слухи, – сухо ответил Лютобор. – Зачем кладбище, коли я сало чуть не у каждого, кто приходит, для свечей беру? Опосля держу в тусеке, а как узнаю, что помер, в другой перекладываю. Как раз для зеркала. А не помер – иногда и на человечка поглядываю.

Колдун закудаhtал.

– За девками?

– У тебя одно токмо на уме. Сюда смотри! Зажгли, теперь призываем: Мара, воительница, вечная правительница, твоя власть над живыми и мертвыми, над ушедшими и нерожденными. Из окна черного забери витязя нерожденного, освети путь живой, нынешний день-деньской...

Отражение старика в зеркале плавно разошлось, и Андрей увидел себя, вылезавшего нагишом из постели.

– Коли привстать, по верху зеркала можно дальше заглянуть. А присесть – через низ в прошлое, до этого момента узрешь... – пояснил Лютобор и привстал.

Возникло ощущение, что они вдвоем повисли поверх минувшего дня, воспарили над ним, повисли, как над дорожным полотном, по которому бегут прохожие. Только здесь прохожий был один-единственный. Он, Зверев.

Вот он спешился у пещеры – волхв немного присел, замедляя бег времени. Юноша быстрым шагом спустился в пещеру, потоптался, начал раздеваться, лег на стол. Потом была огненная вспышка – и Андрей увидел себя на постели, в маленькой своей комнатенке. Увидел полки, компьютер, палас на полу. Снова услышал голоса родителей, снова приоткрылась дверь...

– Проклятье! – Новик отпрыгнул от зеркала, забегал по пещере: – Значит, я все же был там? Значит, это возможно? Это возможно, Лютобор? Возможно, волхв? Ну, так верни меня назад! Верни!

– Я постараюсь. – Каким-то глухим голосом ответил чародей, затушил свечу и опустил ношву. – Токмо пока, раз уж ты все равно здесь, хочу тебя одному заговору научить. На лягушачью лапку.

– Какую еще лапку, Лютобор?! – возмутился Зверев. – Я домой хочу, домой! Давай, попробуем еще раз?

– Пробовать ни к чему! – повысил голос колдун. – Заклинание или действует, или нет. Это – не подействовало. Я посмотрю, подумаю. Быть может, найду способ его усилить. А сейчас меня слушай. Скоро весна, болота вскроются. Не хочу, чтобы ты по ошибке остутился и

утонул в какой-то вязи. Посему слушай и запоминай заговор на лягушачью лапу. На открытую воду он не действует, а вот на топь, травой затянутую, снегом заваленную, мхом поросшую, – тут все безотказно. Чтобы пройти через трясины, ты себе на ладонь плюнуть должен, потом присесть на самом краю опасного места, пальцы раздвинуть в стороны, вроде как на лапке лягушачьей, да и произнести земле болотной: «Я человек смертный, душою чистый, помыслами простой. Из тебя вышел, тобой жил, тебе верен. Передай Любоводу-болотнику, передай русалкам юным, навкам холодным, анчуткам хромым, передай жизни и нежити. Пусть не берут меня сырым, пусть не берут меня горьким. Подарок я им сготовил сладкий, на земле болотной неведомый. Приготовил хлеба белого, молока парного. Пусти меня за подарком, земля болотная, стань подо мной камнем твердым». Вот и все. После этого тот путь, на который ты двинешься, станет проходимым, как сухая земля. И сам пройти сможешь, и друзей при нужде провести. А как пройдешь, в ладоши хлопни и скажи: «Благодарствую». Только смотри, подношение обещанное принести не забудь! В тот же день! Не то нежить болотная за тобой ходить начнет, со свету за обман сживет. И в ладоши хлопнуть тоже не забудь. Опять же обидятся, что логово их испортил. Запомнил?

– Запомнил, волхв, – со вздохом кивнул Андрей. – Ты извини, но чего-то нет у меня сегодня настроения. К дому слишком близко коснулся. Мысли не в ту сторону все время сворачивают, чтобы учиться. Поеду я, хорошо?

– Хорошо, чадо, – согласился колдун. – Но про «лапу» все же не забывай.

Погруженный в свои мысли, Андрей пустил серого шагом, переехал Большой Удрай, лесок за ним, миновал впадину между дубравами, обогнул рощу, за которой протекала Окница. По реке в его сторону устремились несколько всадников. Новик не обратил на них внимания – мало ли холопы развлекаются? И когда те, воздев к небу пики, остановились рядом, строго спросил:

– Кто такие? Чего тут делаете?

– Саблю скидай, московит, – осклабился один из них. – Скидывай, не то на копыа подыдем.

Только теперь Зверев сообразил, что из семи воинов, одетых в кольчуги и кирасы, четверо гладко выбриты. Согласно православным заветам, безбородый мужчина не сможет войти в рай. А значит, перед ним – схизматики. Он попался.

* * *

Литовцы остановились лагерем примерно в полукилометре вниз по реке, в виду усадьбы. Палаток еще не поставили, но костры уже полыхали, и над ними покачивались большущие котлы – каждый на взвод, не меньше. На глазок, войск тут было тысячи три, три с половиной. Для Себежа или Великих Лук – не хватит даже напугать. Для разграбления же обычной усадьбы – сил с избытком. К усадьбе они, похоже, разок уже ломанулись – судя по пропавшему с пологой стороны холма снегу. Как полезли – так по гладкому льду и скатились. Следов крови нигде не было – видать, стрелять защитникам пока не пришлось. Возмозжно, пришельцы атаковали с ходу, неожиданно, и обитатели усадьбы толком не успели подготовиться к отпору. Ворота вовремя заперли – и то хорошо. Из-за стен поднимался сырой темно-серый дым. Сигнал об опасности. Но город далеко – заметят, не заметят? Опять же, ополчение для отпора еще собрать надобно. Так что пока боярину Лисьину придется рассчитывать только на себя.

С пленником незваные гости обошлись достаточно вежливо. Просто забрали пояс с саблей и ножами, повод коня и повели рысью в сторону основных сил. Возле разложенных прямо на снегу дорогих туркестанских ковров приказали спешиться. Андрей подчинился – а куда денешься?

– Кто таков? – Посреди ковров на кресле красного дерева восседал дородный пан с длинными усами и лысым подбородком. Из-под красного кафтана с атласной подкладкой поблескивала наведенная золотом кираса. Вокруг толпились в броне разбойники попроще, в меховых и простых суконных плащах, некоторые – в шапках-пилотках с петушиными перьями, некоторые – в шлемах.

– Торговец я, господин, – поклонился пану Андрей. – Вот, езжу, ищу, кому коня доброго продать можно. В городе цены хорошей не дают.

– Не бойся, хлопот у тебя таких больше нет, – величественно кивнул толстяк в кресле, и некоторые литовцы торопливо засмеялись шутке. – О себе теперича рассказывай. Откуда ехал, куда, чего видел, какие деревни, где?

– Какие тут деревни? Болота кругом.

– Да это же новик Андрей! – вдруг сделал шаг вперед один из литовцев, и Зверев с удивлением узнал в нем князя Крошинского. – Вот так встреча! Первые стычки – и ты уже в нашей компании.

– Князь Иван? – недовольно зашевелился в кресле вельможный пан. – Не поделитесь с нами своей радостью?

– Да это же сын родича моего ближнего, москвитя! Вот где довелось свидеться! – И недавний союзник принялся радостно обнимать Андрея.

– Что ты тут делаешь, княже? – не отвечая на радостные приветствия, спросил Зверев.

– Забыл разве, друг мой? Я государю польскому и литовскому служу, Сигизмунду. Послал он воеводу Немиру наказать отступника недавнего, князя Друцкого. Поместье разорить, усадьбу сжечь. Проводника дал, перебежчика из сих мест. Перемирие, сказывают, в этом году кончилось. Проводник сюда и привел.

– Эй, князь Иван! – послышался веселый голос. – Что же ты родича своего не представил? Это, оказывается, боярина здешнего сын!

Собеседники повернули головы. За спинку кресла отступил мужик с большим рыхлым носом и выбивающимся из-под заячьего треуха сальными волосами.

– Это ты, значит, ярыга? – припомнил разговоры, подслушанные возле Себежа, Андрей. – Что же ты, сука, мало того, с деньгами чужими удрал, так еще и чужаков в родные земли приводишь?

– А боярин твой... – выскочил на полшага из-за кресла изменник. – Боярин твой жену и детей моих насилует, голыми на морозе гоняет, холопам на потеху дает, железом жжет каленым, на кол садит. Я их спасти должен!

– Ах ты, ублюдок, – покачал головой Зверев. – Я же в усадьбе этой живу! Что же ты мне врешь?

– Все равно отец твой подлый. На меня в суд подавал, головой взял. Вот пусть теперича и поплачет.

– Хватит попусту языком молоть, – фыркнул воевода. – Пан Чекрыжный, бери своего полонянина, волоки к крепости. Скажи, пусть ворота открывают, не то голова враз с плеч долой.

– Айда! – Кто-то подхватил сзади Зверева под локти, его опрокинули на спину и шустро поволокли в сторону усадьбы.

– Постой, пан Немира! – забеспокоился Крошинский. – Как же ж так? Не по-рыцарски получается! Нехорошо боярину так просто голову резать. Да и не княжья это усадьба! Это боярина Лисына поместье! Обманывает тебя перебежчик московский.

– Коли и так – не пустыми же нам к королю возврататься? Нет головы княжеской, привезем хоть боярскую.

– Постой, вельможный пан! – Князь побежал вслед за Андреем. – Пан Чекрыжный! Грешно это – так с полонянином поступать! Он же твой пленник, отчего воевода им распо-

ряжается? Вельможный пан, выкуп за новика спросить с отца можно! Коли зарежешь – ни выкупа, ни усадьбы не получишь!

Крошинскому не отвечали.

– Эй, боярин!!! Глянь, кто есть у нас! Сюда, сюда погляди! – Зверева развернули, кинули лицом вниз, а когда он попытался встать – тут же ощутил на горле холодное лезвие ножа. – Эй, боярин, слышишь, что ли?! Отворяй ворота! Отворяй ворота немедленно, не то враз голову твоему выродкуотрежем!

«А ведь откроют, – вдруг сообразил Зверев. – Я ведь у них сын единственный. Запросто откроют! Будет тогда Сигизмунду голова боярская вместо княжеской...»

И он во всю глотку заорал:

– Не верьте! Не открывай!! Не открывай, отец!

От сильного удара в висок сознание на миг потемнело. Он упал, тут же начал подниматься снова – его опять ударили.

– Эй, боярин! Отворяй ворота! Отворяй, пока я добрый!

Теперь Зверев лежал на спине, в его горло упирался острый клинок польского прямого меча. И кричать из такого положения было уже несподручно.

– Ты слышишь, боярин?!

Из усадьбы послышался истошный женский визг. Похоже, на стене появилась матушка.

– Отворяй немедленно! – приободрился пан Чекрыжный. Снизу под кольчужной юбкой, что крепилась к полированной до зеркального блеска кирасе, были видны бархатные штаны. Андрей испытал острое желание вогнать туда что-нибудь острое и прочное – но в руках у него не имелось не то что рогаины, но даже гусяного пера. – Открывай, ждешь холодно! Сейчас голову твоему гаденышу отрежу да греться пойду.

Звереву померещился в усадьбе какой-то шум, и он опять как мог громко крикнул:

– Не открывайте!!!

Страх за себя Андрей почему-то не испытывал. Уж больно невероятным казалось все происходящее. Страшно было, что обитатели усадьбы сдадутся и окажутся в руках этого польского сброда. Пахом, Ольга Юрьевна, отец, Варвара... Страшно подумать, что эти твари с ними вытворять станут. Хорошего про ляхов никто никогда не рассказывал. Самому умереть легче, чем такое увидеть. И Зверев снова закричал:

– Не открывай...

Клинок вдавился в горло, и новик сорвался на хрип.

– Нехорошо поступаешь, вельможный пан, – совсем рядом раздался голос Крошинского. – Небоже так рыцарю. Не смерд же он, нам с тобой ровня.

– Княже... – прошептал Зверев. – Княже, передай воеводе... Коли усадьбу не тронут, я вас к усадьбе князя Юрия Друцкого проведу... Я не ярыга, дорогу знаю...

Женский крик оборвался. То ли боярыня сознание от ужаса потеряла, то ли ее увели. Больше всего Андрей боялся, что Василий Ярославович не выдержит, откроет, договориться попытается. Разбойники такой слабиной наверняка воспользуются. А так... Может, и правда, увести поляков удастся? Пошла минута, другая.

– Пан Чекрыжный... – Князь Крошинский тяжело дышал. – Пан Чекрыжный! Воевода пленника доставить велел. Тащи его обратно.

Спустя пару минут новик опять стоял перед креслом. За это время пан Немира успел обзавестись большим золотым кубком, из которого время от времени прихлебывал.

– Ну, сказывай, московит, – предложил воевода. – Чего ты там обещал за голову свою?

– Я выведу вас к имению князя Друцкого.

– Нас к имению княжескому и ярыга ваш беглый выведет, – на жабьем лице толстяка появилась широкая ухмылка. – Как усадьбу вашу разорим, его жену и детей из неволи вы-

волим, – так и покажет. Не то я его быстро на кол посажу, дабы памятью впредь не страдал. Посему предложи чего-нибудь поинтереснее.

– Я проведу вас тайной тропой, вы выйдете к усадьбе неожиданно и застанете князя врасплох.

– Ты считаешь меня глупцом, московит? Ворота затворить много времени не нужно, как бы нежданно рать к городу ни пришла. Вон, отец твой успел. Посему последний раз спрашиваю: что такого пообещать за жалкую голову свою можешь, чтобы я от усадьбы вашей, уж почти покорной, отказался?

– Усадьбу так просто не возьмешь, воевода. Людей у отца много, оружия хватает, стены крепкие. Напрасно людей своих погубишь. Крови изрядно прольется.

– Коли так, твоя прольется первой, московит. Это все, чего ты желал сказать?

– Нет, не все, – выдохнул Андрей. – Я могу пойти с небольшим передовым отрядом. Князь подумает, что это мои холопы, и пропустит. Твои люди смогут захватить ворота и удерживать их открытыми, пока не подойдут остальные силы. Захватишь усадьбу почти без потерь и быстро, часа не пройдет. Мне князь поверит, впустит. Ярыге подлому – нет. Подумай, воевода. Коли усадьбу мою разоришь, помощи уж не жди. За смерть отца с матерью я тебе добрым делом платить не стану. Тебе чья голова важнее – моя или князя Друцкого?

Воевода отхлебнул вина, почмокал:

– Вижу, дорога тебе головушка твоя, коли вровень с княжеской ставишь. Однако же усадьба княжеская всяко побогаче твоей станет. Коли ее отдашь, как обещаешься, сменяться можно, можно... – Поляк задумался, усмехнулся: – А ворота брать с тобой родич твой пойдет. Коли измену измыслил – его голова первой покатится. И пан Чекрыжный пойдет. Ты ведь его пленник. А дабы не обманул, не увел куда – ярыга беглый за тобой присмотрит. Понял, московит?

– А как же жонка моя? – растерялся предатель. – Малые как?

– Делай, что велено, смерд, пока задницу кнутом не раскрасили, – отпихнул носатого мужика воевода. – Ишь, чего удумал – польскую кровь ради бабы своей проливать! За то у нас разговор особый еще случится!

– Саблю бы мне вернули, воевода. Неладное ведь заподозрят в усадьбе.

– Хитер! Ну, ты хитер! – хлопнул ладонями по подлокотникам воевода. – Саблю ему вернуть! А ну, глупость какую учудишь?

– А ну, ворота перед нами закроют? Странно ведь, когда боярин – и без сабли!

– Ну, до ворот тех еще далече. Пан Чекрыжный! Вели вернуть московиту пояс его с оружием. Токмо не сейчас, а как до крепости княжьей доберемся. Долго туда идти придется?

– Верст десять. Ночевать будете уже там.

– Коли так, сворачивайте лагерь. Выступаем немедленно. – Воевода Немира поднялся из кресла и скомандовал: – Коня!

Поляки забегали, опрокинули котлы в огонь, споро запрягли сани, поднялись в седла. Андрея же оставили пешком. Пешими шли еще трое разбойников – те, что захватили его в плен. Один нес под мышкой его ремень с саблей, двумя ножами, ложкой в замшевом футляре и пустой поясной сумкой. Ярыга тоже, само собой, трусил своими ногами – кто же даст скакуна безродному смерду? А вот князь Крошинский месил сапогами снег, похоже, за компанию с родственником. Его жеребца вели сзади в поводу холопы.

Знакомым путем Зверев поднялся от реки к полю. Тропу, по которой он много дней ездил к дубу играть рогатиной, занесло не полностью, и старый след придал полякам уверенности, что их ведут по дороге, а не просто куда-то в чащобу. Разумеется, в поле новик повернул не на опушку, а вдоль леса и стал тропить новый путь. Кто думает, что снег – не препятствие, путь попробует пройти хоть десять минут, задирая при каждом шаге ноги на высоту пояса.

Наст поднимался сантиметров на двадцать выше колен, и через этот бесконечный сугроб люди ломились, как сквозь стену.

Минут через десять ярыга взмолился:

– Барчук, давай на поле свернем! Там снега меньше.

– Ты как меня назвал, тварь? – Андрей без колебаний съездил ему по зубам.

Поляки одобрительно засмеялись, предатель утерся и отступил чуть назад.

Однако новик мужика послушал, отвернул с занесенной дороги влево, к середине поля. Высота сугробов и вправду понизилась до колен – похоже, с открытого пространства ветер снег сдувал, а под деревьями, наоборот, наметал. Идти стало легче, и разбойники даже разошлись чуть в стороны, тропя каждый свою дорожку. Тем не менее, устали все изрядно, дышали тяжело, никто ни о чем не переговаривался.

Где-то через час по сторонам от путников из-под снега начали выглядывать чахлые деревца – крученые, как наркоманы, березки, сосенки со считанными иглами.

– Да это Суриковская топь! – забеспокоился ярыга. – Паны, топь это бездонная! По ней ни летом, ни зимой хода нет. Повернуть надобно.

– Ты меня не утопишь, кузен? – с трудом выдохнул вопрос князь Крошинский.

– Тебя не утоплю, – пообещал Зверев.

– Да топь, паны, ей-богу топь, – перекрестился ярыга. – На погибель он вас ведет!

– Мы в сторону усадьбы княжеской идем, подонок? – оглянулся на него новик. – Отвечай!

– Ну, в сторону усадьбы, – недовольно признал перебежчик.

– Путь самый короткий, так? Ну, а тропу через болото я знаю.

– Через Суриковскую топь хода нет.

– Заткнись, урод. Я ведь первым иду.

– Это верно, – подал голос покачивающийся в седле пан Чекрыжный. – Коли провалится – то первым. А мы завсегда к усадьбе его возвернуться сможем. Так, московит?

– Так, так, – согласился Андрей.

– Полян, Ижка, вы за ним все же приглядывайте. Как бы не скакнул куда в сторону по тропе тайной.

Холопы, что шли возле новика, угрюмо глянули на Зверева.

– Не бойтесь, – улыбнулся им Андрей. – Вам утонуть не суждено. Это я точно знаю.

– Ты иди, иди, – подтолкнул его тот, что нес оружие. – Я на болоте ночевать не хочу.

– Не распускай руки, холоп! – моментально вспылел Крошинский. – Он хоть и полонянин, а боярин родовитый – не ты, смерд вонючий!

Андрей оглянулся. Польская рать вытянулась в длину чуть не на километр, хвост ее еще только подступал к краю болота и находился в полной безопасности. Да и вообще: что-то больно спокойно тут было для смертоносной топи. Хотя предупреждения ярыги свое дело сделали: пан Чекрыжный от проводника метров на пятьдесят отстал. Опасался провалиться, коли голова колонны в яму какую ухнется.

Тут под ногой что-то чавкнуло, оставшийся след быстро наполнился водой.

– Я упреждал, упреждал! – радостно взвизгнул перебежчик.

Зверев остановился.

– Ты чего, кузен? – поинтересовался князь.

– Опасаюсь, как бы с тропы не сбиться, – перекрестился Андрей. – Пожалуй, помолюсь я, прежде чем дальше идти.

Он опустился на колено прямо в снег, плюнул в ладонь и со всей силы, как можно глубже, загнал вниз руку, растопырив на ней пальцы в «лягушачью лапку». Пальцы ощутили прикосновение неожиданно теплой влаги, и новик негромко забормотал заветные слова.

– Странно ты молишься, кузен, – хмыкнул Крошинский. – Ровно на стену запрыгивать собираешься.

– Как умею, – ответил, выпрямляясь, паренек. – Кажется, вспомнил, куда дальше идти. За мной!

Он решительно двинулся дальше – и не то что вода перестала в следах чавкать, но и наст приобрел нежданную прочность, удерживая на себе людей, словно скованный стужей лед.

Андрей, теперь уже не оглядываясь, шагал вперед и вперед, лишь иногда пиная высоко выпирающие кочки. Снег осыпался, обнажая квелую мороженую осоку. Значит, болото. Деревьев нет никаких, даже совсем больных. Похоже, снизу началась настоящая топь, на которой корням цепляться не за что. Самое подходящее место для тех, кто желает расстаться с жизнью.

– Ну, скотина, – оглянулся он на предателя. – А говорил – утонем. Сколько нам еще до усадьбы?

– Верст пять, – кивнул тот. – Я и не думал, что тут тропы есть.

– Есть, есть... – Пан Чекрыжный по-прежнему отставал на полсотни метров, следом тянулась длинная воинская колонна. Князь Крошинский с десятком холопов брел метрах в пяти позади новика. Рядом неотлучно торчали только ярыга и трое пеших ляхов. – Скоро и вовсе дойдем.

Впереди, примерно в километре, выростала темная стена леса. Похоже, там уже начиналась твердая земля. Осталось совсем чуть-чуть. Плохо... Может, с этой стороны болото и вовсе не заросло и окажется озером? Тогда они прямым ходом выйдут на берег.

Слева опять показалась кочка. Андрей пнул – травяная. Нет, пока, пожалуй, не озеро. Но кто знает, что будет дальше, впереди?

Наконец слева, метрах в ста, встретился пучок из пяти сосенок, сгрудившихся на пяточке размером с попону. Каждая – в палец толщиной. Андрей плавно повернул туда, прикидывая расстановку сил. Справа и на шаг позади – лях с его оружием под мышкой. Ярыга чуть сзади. Слева – набычившийся боец лет сорока в шлеме с длинным наносником и в куяке из крупных пластин. Третий лях, в кирасе и остроконечном шишаке, увлекся и вырвался на два шага вперед проводника.

– Ладно, потанцуем, – облизнул почему-то пересохшие разом губы Зверев. – Только бы Лютобор не ошибся...

– Ты о чем, московит? – переспросил правый поляк.

– Устал, говорю, бродить. Отдохнуть нужно.

– Не тебе решать. Как пан Немира дозволит, тогда и отдыхать станешь.

– А в ладоши похлопать можно?

– Чего?

– В ладоши похлопать... – До сосенок оставалась всего пара шагов. – Вот так... – Зверев со всей силы хлопнул в ладоши и громко произнес: – Благодарствую!

– Что?

– Все!!! – Андрей вскинул руку в фашистском приветствии, а затем с резким выдохом опустил ее влево и вниз. Верный гладкий грузик щекотно скользнул под ткань рубахи, вырвался наружу и стремительно врезался ляху под наносник. Тот коротко крикнул и откинулся на спину.

– Ах ты... – Шедший первым поляк рванул меч, но, пока он вытаскивал оружие, Зверев упал на колено, махнул рукой в обратную сторону. Стальной грузик прошипел в воздухе и врезался воину в колено. Тот взвыл и упал, схватился за ногу, громко ругаясь.

– Стой! – Третий лях кинул чужое оружие на снег, выхватил клинок, шагнул было навстречу, но каким-то непостижимым образом ноги его запутались между саблей и ремнем, он споткнулся и растянулся во весь рост носом вниз.

Продолжения Андрей ждать не стал: подскочил и с замаха врезал кистенем чуть ниже шлема, в основание шеи. Затем сделал шаг вперед. Подхватил саблю и с благодарностью поцеловал рукоять:

– Молодец, выручила.

Ярыга валялся в снегу, скрючившись и закрыв шапкой лицо. Князь Крошинский еще ничего не успел понять и растерянно крутил головой, его холопы повыдергивали мечи, но без команды ничего не делали. Андрей наконец-то получил шанс посмотреть, что получилось из его затеи. А получилось великолепное зрелище! Все те, кто хотел захватывать и грабить чужие усадьбы, насилловать девок, вспарывать детские животы, ныне бились в смертном вое в черной ненасытной трясине, медленно погружаясь все глубже и глубже.

Вот только остров оказался немного больше, чем ожидал Зверев, и пан Чекрыжный засел на самом его краю. Задние ноги его скакуна проваливались, но передние стояли на прочном льду, и шляхтич потихоньку выбирался.

– Вот, проклятье... – Андрей опоясался, вздохнул, вытянул из ножен саблю.

Всадник как раз успел влезть на островок, схватился за меч, снял с луки седла щит. Пришпорил несчастного коня. Полированная кираса была усыпана черными торфяными пятнами, взгляд горел ненавистью. Лях был в таком состоянии, что, наверное, не задумываясь кинулся бы на самого дьявола, не то что на паренька втрое младше себя годами.

– Умри, гаденыш! – вскинул он клинок над головой.

Против закаленного бойца шансов у новика не было, а вот против бессловесной скотины...

– А-а-а! – зло заорав, прыгнул он к коню, саданул гардой в морду, между ноздрями.

Скакун, осев, захрипел от боли и неожиданности, встал на дыбы. Зверев кинулся к нему, выбросил вперед саблю – шляхтич парировал удар, но остановить противника не смог. Еще два шага, и Андрей оказался у него за спиной. Пан Чекрыжный даже завыл от бессилия, пытаясь вывернуться назад, взмахнул наугад клинком – но кираса слишком прочно удерживала его тело. Новик с размаху вогнал саблю сзади под кольчужную юбку и отошел в сторону, чтобы не попасть под падающее тело.

– Ты... Ты чего сделал? – наконец осознал происходящее Иван Крошинский. – Ты чего? У меня же там три десятка холопов осталось!

– А разве ты не на войну шел, княже? Так гибнут люди на войне-то! Чего еще ты ожидал? – Андрей наклонился, тщательно вытер сталь о бархатные штаны и спрятал в ножны.

– Да ты... Да я тебя... – Литовец обнажил оружие. – Я тебе...

– Никак, сразиться со мной желаешь, княже? – усмехнулся новик. – Мы же родичи.

– Мы ныне не родичи, боярин! Я меч королю Сигизмунду целовал, а ты – Ивану московскому. На войне мы, и ты мой пленник отныне! К королю отведу, пусть он тебя за твою подлость полной мерой вознаградит! Вот там ты и повеселишься как следует.

– Значит, мы враги? – почесал кончик носа Андрей. – Тогда и разговор другой будет. Давайте-ка, ребята, оружие в кучу сложили и на ту сторону отошли. Быстро! Я вас в плен беру. Всех.

– Ты обезумел, новик? – оглянулся на своих холопов Крошинский. – У меня тут двенадцать человек. А ты один!

– Это ты, кажется, плохо понимаешь меня, княже. – Зверев поймал за повод коня убитого шляхтича, погладил по морде, успокаивая. – Нас тут трое. Я, лошадь и болото. Захочешь меня взять – буду драться. Проиграешь – ты труп. Выиграешь – все равно труп. Потому как без меня вам отсюда не выйти. Али по старым следам двинешься?

Андрей кивнул в сторону длинной, черной, влажно поблескивающей ленты, что осталась на месте польской колонны.

– Силком повяжете, – добавил новик, – все равно утоплю. Дорогу ложную укажу, все и потонете. Может, со мной вместе. А может, и нет.

– Как же ты меня топить хочешь, боярин... – Князь глянул на заснеженную топь и убрал оружие за спину. – Нехорошо. Мы же родичи?

– Постой, – прищурился Андрей. – А как же война, целование меча, клятва верности?

– Войны навсегда перемирием кончаются, боярин... – Крошинский кашлянул, спрятал меч уже в ножны. – Надо бы и нам замирииться. Мы за свободу свою драться готовы, ты, верю, тоже готов. К чему зря кровью болото умыть? Чтобы никто домой не вернулся? Ныне нам не повезло, в иной раз вам отступить придется. А родство кровное – оно навсегда останется. Наше дело не во вражде, а в службе ратной. Ты – своему государю, я – своему. В предках же мы всегда едины. Так?

– Ладно, князь, – кивнул Зверев. – У меня к тебе вражды нет. Ты ведь меня, я видел, спасти в трудный миг пытался. Посему и я тебя без обид отпущу. Видишь, лес впереди? Открою тебе до него проход. За лесом неподалеку, версты две-три, шлях Пуповский. Точно где, не скажу, этой стороной туда не ходил. Но коли на север пойдешь, не промахнешься. Может, даже на усадьбу Юрия Друцкого выйдешь, полюбуешься. С десятком холопами он тебя, мыслю, ловить не станет. Чего попусту людей класть? Вреда ведь от тебя нет. А домой вернешься – племяннику привет передавай. Как он там?

– По вину шибко соскучал, – засмеялся Крошинский. – Месяц уж никто его трезвым не видел, да с девками дворовыми все балуется. От меня Василию Ярославовичу поклон и пожелания лучшие. Должник я его, помню.

– Передам.

Князь сделал знак своим холопам, чтобы те убрали оружие, остановился над убитым шляхтичем:

– Ловко ты его, юный боярин. Бездоспешный, без щита – супротив всадника в броне... Верю, теперь верю, что и крестonosца мог одолеть. Выкуп за тело просить станешь? – Зверев пожал плечами, и Крошинский тут же сделал вывод: – Ну, так я его заберу, родственникам отдам. Грех без отпевания и захоронения бросать. И этих, увечных. А оружие да брони – известно, добыча твоя, не спрашиваю.

Он кивнул холопам. Те быстро разоблачили убитого пана и его раненых людей, увязали на лошадях. Их оружие и доспехи приторочили на спину чалого скакуна, который при ближайшем рассмотрении оказался кобылой, – что уже успокоился и не вздрагивал от прикосновений нового хозяина. И только ярыга все еще ежил на снегу, свернувшись плотным калачиком.

– Ну, прощевай, боярин. Бог даст, в следующий раз иначе свидимся.

– Свидимся, – кивнул Андрей, опустил на колено у края острова и загнал в снег растопыренную руку.

– Как ты это делаешь, боярин? – не удержался Крошинский.

– Не задавай трудных вопросов, княже, – покачал головой Зверев. – Не будешь получать неприятных ответов. А сейчас отвернись. Дай помолиться.

Через минуту литовские воины ступили на затвердевший снег и сперва неуверенно, а потом все более быстрым шагом поспешили к близкому лесу.

– А ты куда? – Новик поймал за шиворот ярыгу, попытавшегося уйти вместе с холопами.

– Князь! – жалобно крикнул перебежчик.

Крошинский оглянулся, хмыкнул и поскакал дальше.

– Кому ты нужен, подонок? – презрительно сплюнул Андрей. – Думал, землю, на которой родился, продать выгодно да жить потом безбедно? Не положено предателям умирать в покое и радости, урод. Бог такого не допускает.

– Не убивай меня, боярин, – втянул голову в плечи ярыга. – Не убивай, Богом тебя прошу. У меня дети малые. У меня... Я заплачу! У меня серебро в Ломже спрятано! Я принесу. Я все принесу...

Зверев снял с него треух, ударил по макушке оголовьем сабли, аккуратно уложил обмякшее тело, шапку подsunул под голову. Пощупал пульс. Сердце билось мелко, как у испуганного зайца. Но билось.

– Нужен ты, тебя убивать. – Новик поднялся в седло. – Мараться только...

Он развернул скакуна и помчался вдоль влажной черной линии, стараясь не очень приближаться к воде. Колдовство колдовством, но лучше не рисковать. За десять минут чалая легко вынесла его на поле. Андрей развернулся, хлопнул в ладоши и низко склонил голову:

– Благодарствую...

Словно в ответ, с неба западали мелкие колкие снежинки. Это означало, что к вечеру от вражеского войска не останется даже черной торфяной грязи. Кругом будет лишь нежная белая пустошь.

Усадьба встретила его распахнутыми воротами, толпа ликующих холопов выхватила Зверева из седла, на руках внесла внутрь:

– Барчук! Барчук вернулся!!!

– Какой я барчук? – попытался обидеться Андрей, но его все равно никто не слышал.

Новика донесли до крыльца, поставили на ступени. Матушка с красными глазами, не стесняясь слез, тут же начала ощупывать руки, плечи, шею, сжала в объятиях:

– Дитячко мое... Вернулся...

– Оставь его, Ольга! – Суровый голос боярина заставил дворню умолкнуть. – Отпусти. Ответь мне, сын: чем таким от ляхов откупился, что тебя в целости домой отпустили? Чем за живот и свободу заплатил?

В напряженной тишине прокашлялся Пахом:

– Да непохоже, чтобы откупался он, батюшка Василий Ярославович. Глянь, броня чужая у седла, и мечей чужих четыре штуки. Кто же полонянина с мечами отпускает? Их с ворога побежденного сами берут.

– Извини, отец, – вздохнул Зверев. – Серого я лишился. Пришлось кобылу эту взамен забрать. Правда, сами ляхи не давали. Насилу саблей уговорил...

– Иди ко мне, – с облегчением перевел дух боярин Лисьин. – Иди ко мне, чадо, дай обниму тебя. Напугал ты нас ныне, ох, напугал.

– А ляхи-то где, Андрей Васильевич? – крикнула какая-то из баб.

– На Суриковское болото завел. Обещал путь до усадьбы князя Друцкого показать – вот и пошли...

По толпе пронесся злорадный шепоток.

– А сам-то, сам как ушел?

– Повезло. Тебе, отец, кстати, поклон от Ивана Крошинского. Он с десятью холопами живым ушел. Меня, хочу сказать, как мог, уберегал. Хороший человек, хоть и схизматик.

– Хороший... – Боярин снял с сына шапку, взлохматил волосы. – Брить тебя пора. Пора. Ты стал настоящим воином. Идем! По такому поводу молебен в храме заказать надобно. И пир устроить.

– Обожди... – Новик обернулся: – Добро там с коня снимите, но не расседывайте! Отлучиться мне надобно. Матушка, буханку хлеба белого мне дай и молока парного.

– Зачем?

– Расплатиться нужно. Срочно. Молоком не отдарюсь – за душой явятся.

– О, Господи, – перекрестился боярин. – Опять... Не говори мне ничего. Не надо!

Стрелок

– Как ты узнал? – Это было первое, что произнес Зверев, входя в пещеру. – Как ты узнал, что мне понадобится...

Он осекся, увидев внизу женщину, торопливо прикрывшую лицо краем платка, и отступил немного назад, к внутреннему пологу. Андрею – как, наверное, и всем, кто ходил в логово старого колдуна – не хотелось, чтобы о его визитах знал кто-то, кроме самого Лютобора. Слухами, конечно, земля полнится. Но одно – слухи, а другое – когда тебя то и дело у чародея застают.

Внизу волхв неторопливо поучал:

– Ты, молодуха, нюни не распускай. Ну да, по зиме мужики выпить любят. А чего еще делать зимой? Токмо крепости снежные рушить, кулачные бои устраивать да мед хмельной пить. Ты, значится, так. Коли дома у тебя гуляют – сладкое на закуску подавай. Опосля пива да меда, сама знаешь, соленьким все закусить норовят. А ты сладкое подавай. После него пьется плохо, пиво в горло не лезет. Коли муж на стороне перебрал – медом откармливай. Теперича сюда смотри. Вот тебе корень копытня. Травку такую, с листьями, на отпечаток копыта козлиного похожими, знаешь? Вот он и есть. Кусочек с полпальца отломишь, воды с полкорца – да запарь в печи. Как кипеть начнет, «Отче наш» десять раз прочитаешь – и вынимай. Отвар незаметно в мед хмельной подмешивай. Выпьет – его после этого сразу рвать начнет, крючить, корежить. А ты жалей, жалей. Говори, что болен он, видать, и пить ему этого не нужно. Опасно, мол, травится. Глядишь, испугается бедолага да на несколько месяцев с этим завяжет. Потом, само собой, опять начнет. Ты этому делу не мешай, только присматривай. Сразу ведь сильно гулять не станет, потихоньку это раскручиваться будет. А как опять надоест тебе – снова отварчику подлей, и он, сердечный, опять хмельное забросит надолго. Так держать и будешь в руках. Ласково, но строго. Ты его любить люби, но и не распускай. Не то сядет на шею-то, командовать начнет. Ты его жалей, жалей больше, смирение выказывай. Но только пусть все всегда в твою сторону у вас оборачивается! Ему же на пользу. Коли опасаясь сильно, заговор над ним, спящим, прочитай: «Ты, небо, слышишь, ты, небо, видишь. Звезды вы ясные, сойдите в чашу домашнюю; а в моей чаше пустая вода горька и мала. Месяц ты красный, зайди в мою клеть; а в моей клетке ни дна, ни крыши. Солнышко привольное, взойди на мой двор; а на моем дворе ни людей, ни зверей. Звезды, уймите Вадимира от хмеля; месяц, отврати Вадимира от хмеля; солнышко, усьмири Вадимира от хмеля». Запомнила, али повторить?.. Верно, верно сказываешь... Сегодня же и прочитать можешь, вреда не будет. Ну, ступай молодуха, ступай. А навестить надумаешь – воска пчелиного прихвати да жира нутряного бараньего. На снадобья лекарственные он быстро уходит. Как весна, обязательно ведь ко мне побежите, на лихоманку укороты искать. Ну, ступай, и да пребудут с тобой Дидилия с Ладой.

Андрей вышел на улицу, прихватил чалую под уздцы, увел за малинник. Немного подождал, глядя сквозь заросли, как женщина торопится по тропинке прочь. Вернулся назад, вошел в пещеру:

– Здрав будь, чадо мое неразумное, – приветствовал его старик. – Что же голосишь не гляючи? Ладно, тебя баба дурная заметит. А ну, ляхи подлые тут окажутся? Ты заговор запомнил? Хотя в этом деле отвар куда как надежнее действует. Сколько я бобылей запойных отваром из копытня в люди обычные вернул – и не счесть. Мыслью, город заселить можно.

– Как ты узнал, Лютобор? Как ты узнал, что мне заклятие на лапу лягушачью понадобится?

– Странные вопросы задаешь, отрок. Нешто забыл, как мы в зеркало Велеса за тобой смотрели? Молодуха яйца принесла – закатай десяток в угли, пусть запекутся. Нам с тобой аккурат отобедать хватит.

– Зеркало сказало, что я воспользуюсь этим закланием?

– Нет, чадо... – Старик шумно втянул носом воздух. – Зеркало показало, как ты, усадьбу отцовскую и людей в ней спасая, врага в болото за помещьем своим увел. Потопли там они многие, но и тебя тем часом не стало.

– Я умер? – выпрямился у очага Зверев. – Ты хочешь сказать, я должен был умереть? Но почему ты меня не предупредил?!

– Упредил бы – ты бы остался, в полон не попал. Враги бы усадьбу разорили. А ведь ты, чадо, собою для нее пожертвовал, живота не пожалел, людей спасая... Не забыл про яйца-то? Бо кушать хочется. Стало быть, пришлось тебя на муку отпускать. Ведь не простил бы ты ни себе, ни мне гибели дома родного.

– Ты не предупредил меня о том, что я вот-вот умру?

– Я дал тебе соломинку, отрок, по которой из рук Мары Жестокосердной обратно на свет выбраться можно. И ты выбрался, соломку не утерять.

– Но почему ты решил это вместо меня, старик? Почему не спросил меня, моего желания?

– Так ведь ты и так сам все решил, отрок. Сам и выбор свой сделал. И в тот час, когда поляков в топь на гибель повел, и когда от зеркала наемни отошел, обряд до конца не закончив. И когда на дозор чужой не глянул, что к тебе приближался. И сегодня, когда разговор начал, по сторонам не посмотрев. С каждым шагом в жизни этой ты выбор делаешь, каждый твой шаг путь жизненный в ту али иную сторону уводит. Каждый. Ты меня винишь, чадо неразумное? А я ли виноват, что ты в зеркало смотреть перестал, едва оно утро рассказом своим миновало? Сам бы увидел – сам дальше и думу думал. Я ли виноват, что ты чужих холопов за своих принял? Каждый шаг твой, отрок, каждый шаг всю судьбу определить может. А тебе вечно под ноги себе глянуть лень! Яйца выкатывай, обгорят! Вниманию научись, чадо неразумное. Мелочи замечать, с поступками не торопиться. Вот тогда и попрекать других будешь. А покамест отвагою своею ты лишь глупость покрываешь!.. Достал?

Андрей, у которого после гневной отповеди чародея горели уши, молча перекидал горячие куриные яйца на стол, сходил к полке за коробкой с солью, перемешанной с перцем. Они поели, собрали шелуху – из нее волхв делал детское снадобье, чтобы кости крепче были. Затем чародей уселся строгать какую-то рогатку на длинной ножке.

– А много поляков потонуло, когда я... Когда я в зеркале их в болото уводил?

– Мне показалось, десятка два ты с собой забрал. Но полдня у рати отнял. И пугать боярина с хозяйкой они тобой уже не могли.

– Вот проклятье! – ударил себя кулаком по колену Зверев. – И ведь были, были же бритыми дозорные польские! С одного взгляда отличить можно было да в лес уйти. На секунду зазевался – и за то чуть жизнью не заплатил! Вот раззява!

– Ну, наконец-то ты главное из беды своей понял, – похвалил его чародей. – Страшно не то, что ошибаешься иногда. Страшно, коли ошибки не замечаешь, не исправляешься. А раз понял – стало быть, и урок даром не прошел. Ты облака разгонять умеешь? Сейчас научу.

– Получается, из поляков этих почти все три тысячи вернуться должны были. А теперь, считай, ни одного не ушло. Мир ведь от этого измениться должен, правда?

– Ты их не жалея, ляхов этих, – посоветовал Лютобор. – Они ведь вместе с сарацинами через тридцать лет Русь нашу под корень истреблять станут.

– Как это истреблять?! Я ведь тебе говорил, ничего с Россией не случится!

– Зеркало Велеса не ошибается, чадо. Разве ты в прошлый раз этого не понял? Не оно ли нас о ляхах уредило?

– Но ведь я знаю, что с Россией ничего не случится!

– Тридцать лет Руси всего осталось, – недовольно фыркнул Лютобор. – Тридцать! Давно я уж проглядел все это, как случаться начнет. Грядущим летом, после смерти ребенка нынешнего, на великое княжение сядет Владимир Старицкий. По его лености Псков и Новгород сво-

боду новую обретут, вече былое восстановят. Да и иные князья волю обретут сильную, на службу к государю являться станут неохотно, меж собой вражду затеют. Так год за годом вольница их тянуться станет, ровно в Польше нынешней. К тому времени сарацины страны немецкие все до моря покорят, токмо северные земли вольными останутся. Султан османский к себе на службу тогда упыря трансильванского призовет, именем Баторий. Даст ему золота не считано, да и посадит королем в дикой Польше. Там он, золотом шляхту соблазнив, на княжество Московское войной пойдет. Тем же временем сам султан с юга наступление начнет, а казанский хан – с востока. За одно лето все и кончится, не станет Руси. Новгород со Псковом новым летом султан заберет, а из родов русских немногие уцелеют. Те, что в дебри северные, к морю холодному уйти успеют. У рода Лисьиных имение тоже на севере будет, дети бояр уцелеют. С Русью покончив, султан упыря обратно в Трансильванию ушлет, да земли, что без него беззащитными останутся, заберет разом, всего лишь карой страшной пригрозив. И останутся в мире нашем на севере империя сарацинская, на востоке – китайская, а на юге – индийская. Так оно стоять в веках и будет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.